

Материалы Международной конференции
«Маргиналии-2017: границы культуры и текста»
Торжок (Тверская обл.)
29 сентября – 1 октября 2017

Содержание

Общая информация

Тезисы докладов

1. Наталия Азарова (Москва). Стихи Мао Цзэдуна и судьба их переводов в России
2. С. В. Алпатов (Москва). Пределы русской фортуны в рукописной гадательной книге XVIII века
3. Д. Е. Афиногенов (Москва). Как организовать себе культ при жизни: происшествие на краю Империи
4. О. Н. Афиногенова (Москва). Семейная хроника византийского вельможи в составе Синаксаря Константинопольской Церкви
5. М. В. Ахметова (Москва). Об одном документе по истории русской школы рубежа XIX—XX вв. (сборник работ Василия Иванова)
6. Г. С. Баранкова, С. В. Шпирко (Москва). Изгойство и изгои в древнерусском каноническом сочинении «Предсловие покаянию» (к проблеме датировки и текстологической группировки списков памятника)
7. А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский (Москва). *КСТАТИ* у Достоевского: эгоцентрические элементы в нарративе
8. Б. И. Беленкин (Москва). «Я поведу тебя в музей...». Неосуществленное (К вопросу о маргиналиях и маргинальном в документах бывшего партийного архива)
9. Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко (Москва). Интенциональная таксономия дискурсов
10. М. А. Бобрик (Москва). Языковой комментарий к Мандельштаму: «Холодное лето»
11. А. Е. Бочкарев (Нижний Новгород). Нижегородский текст. Опыт реконструкции
12. Н. Г. Брагина (Москва). Копия <=> оригинал: семиотика и семантика уподобления
13. Н. В. Бунтман (Москва). Опускание в переводном тексте – прием, недоработка или языковая асимметрия?
14. Ю. Л. Василевская (Тверь). Первая мировая война в творчестве И.С. Соколова-Микитова: от очерков к «снам о России»
15. Д. Ю. Ващенко (Москва). Пародийные разговорники как особый тип текста (на словацком материале)
16. И. В. Вернер (Москва). *Начальник – начальствовать*: семантика лексем в политическом и экзегетическом дискурсе Максима Грека
17. О. А. Волошина (Москва). Об одном лингвистическом эксперименте С.И. Карцевского
18. О. Ю. Гаак (Тверь). Публицистика Э.М. Ремарка. Сотрудничество с газетами и журналами
19. Л. М. Гаврилина (Москва). Казус Калининграда: российская периферия в центре Европы
20. И. В. Галактионова (Москва). Дневники Ивана Калининвича Голубева (1860–1926): общий обзор
21. И. Г. Галкова (Москва). Христос по имени Федор. Об одной легенде XX века
22. Ю. Е. Галямина (Москва). Образ русского у коренных народов Западной Сибири
23. М. К. Голованивская (Москва). Синтаксис территории: что это такое?

24. М. В. Головизнин (Москва). «Зырянские истоки» творчества Варлама Шаламова, зашифрованные в «Четвертой Вологде»
25. С. Л. Гонобоблева (Санкт-Петербург). Диаспора русских староверов из Латинской Америки: история «открытия» и изучения
26. Н. Б. Граматчикова (Екатеринбург). Воспоминания жен «первых директоров»: частная память в публицистическом и официальном дискурсе
27. А. И. Грищенко (Москва). Славянские и еврейские маргиналии Плача Иеремии в Библейском сборнике Матфея Десятого 1502–1507 гг.
28. П. С. Громова (Тверь). Жанровая природа прозы И.С. Соколова-Микитова
29. А. А. Гусева (Москва). Внутренняя форма письма как внутренняя форма языка: проблемы грекофильской переводческой традиции Средних веков
30. С. М. Евграфова (Москва). Заметки об устной форме научно-популярного дискурса
31. Н. С. Журавлева (Челябинск) Между историей и литературой: образ уральского города в хронике В. Катаева «Время, вперед!
32. О. В. Закутняя (Москва). Средства художественной выразительности в современных научно-популярных текстах: особенности функционирования (когнитивный аспект)
33. Анна А. Зализняк (Москва). «Маргинальная» составляющая в семантике дискурсивных слов
34. Т. С. Зевахина (Москва). Про Веничку: по страницам «Записных книжек» Венедикта Ерофеева
35. Е. В. Зименко, М. В. Ленчиненко (Москва). Письмо, просьба, требование: Библиотека Московского университета и ее читатели в 1917–1920 гг.
36. Е. Н. Зарецкая (Москва). Своеобразие языка и культуры племени пираха и попытка его интерпретации
37. Ю. И. Ибраева (Москва). «Об ином ни о чем я вам писать не имею токмо известую...» Семейная переписка в контексте эпохи (по материалам семейной переписки Меншиковых)
38. О. А. Казакевич (Москва). «Иногда мне кажется, что я помню весь XX век...» (Семейные предания, определяющие жизнь)
39. В. Н. Калиновская, О. А. Старовойтова (Санкт-Петербург). Эго-документальное наследие А.С. Пушкина и развитие русского национального словаря
40. А. Е. Каменская (Тверь). Текст и контекст: несуществующая граница
41. А. В. Карпова (Москва). Клуб мемуаристов группы Блумсбери: мемуары как способ общения
42. А. Л. Касаткина (Москва). Архетипическое в научном тексте: полемика о Марии Магдалине и исследования этой полемики
43. И. Б. Качинская (Москва). ЭРОТИЗМЫ И ИХ ЭВФЕМИЗМЫ (по материалам архангельских говоров)
44. К. Л. Киселева (Москва). Язык журнала Psychologies: автор, герой, эксперт и читатель в тексте о психологии
45. Е. И. Кислова. Маргинальная модель обучения церковнославянской грамоте 1720-х гг.
46. Е. С. Коган, М. А. Буга (Екатеринбург). Текстовые граффити как способ репрезентации концептов современной культуры
47. А. Д. Козеренко (Москва). Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом
48. Е. Б. Козеренко (Москва). Февраль 17-го в «Синей книге» З.Н. Гиппиус: опыт текстологического анализа
49. П. В. Королькова (Москва). Сказка в представлении современных школьников: к вопросу о ядре и периферии литературной сказки

50. Н. Р. Косоурова (Тверь). Автобиографическое начало в творчестве И.С. Соколова-Микитова
51. А. А. Костин, К. Н. Лемешев (Санкт-Петербург). Витиеватые речи, вымыслы, учение и изречение: заметки к литературной теории Ломоносова
52. О. Е. Кошелева (Москва). Свое и чужое слово как правда и ложь (работа русских книжников XVII века над главой о Московии в «Космографии» Герарда Меркатора)
53. А. Г. Кравецкий (Москва). «Очи мои выну ко Господу...»: церковный анекдот и стоящая за ним реальность
54. Г. Е. Крейдлин (Москва). Ритуальная мультимодальная коммуникация и телесные табу
55. Т. В. Кузнецова (Москва). Маргинализация языка в послереволюционную эпоху: компрессия, аббревиация, тайнопись
56. О. Н. Купцова (Москва). Личная библиотека А.Н. Островского: маргиналии драматурга
57. Э. К. Лавошникова (Москва). Уместна ли Даная в системном словаре текстового редактора?
58. Е. Е. Левкиевская (Москва). О судьбе одного духовного стиха в традиции XX-XXI вв. По материалам «отпевальных» тетрадей из украинского анклава Саратовской обл.
59. И. Б. Левонтина (Москва). Новое в «маргинальном» синтаксисе: *Мама достала орать и уборкой*
60. Н. В. Ликвинцева (Москва). Мать Мария (Скобцова) о периферии эмигрантской жизни
61. А. А. Линдина (Истра). Некоторые аспекты межличностных и межконфессиональных отношений в землях Германии в XVII веке (Послание, найденное в алебарде начала XVII века)
62. Н. В. Литвина (Москва). «Солнечные лучи ослабеют и он, гордый человек, сдастся»: арктические дневники, рисунки и записки астронома А.П. Ганского
63. А.Л. Лифшиц (Москва). Мемуарная история об «Олинке» и ее любви
64. А. Е. Максимова (Москва). Музыка и балет в пьесе А. Шаховского «Аристофан, или Представление комедии “Всадники”»
65. Е. Н. Марасинова (Москва). «Самодержавное и законодательное достоинство» в черновиках Екатерины II («Правда воли монаршей» против «Declaration of Rights»)
66. А. А. Медведев (Тюмень). Францисканский слой русской поэзии: гр. А. К. Толстой и Д. С. Мережковский
67. Михаил Михеев (Москва). Двоеточие и сразу же за ним тире : – знак возвращения в прямую речь из авторской. Нужен ли?
68. Н. Н. Мурзин, К. А. Павлов-Пинус (Москва). Особый путь внутри особого пути: маргиналия как зона свободы от конфликта культуры
69. А. В. Наместников (Москва). Факт и история
70. И. В. Овчинкина (Москва). Д.С. Мережковский в прочтении И.А. Ильина: комментарийно-оценочные маргиналии и интерпретация творчества
71. Е. Н. Пенская (Москва). Сухонин Петр Петрович – "пограничный человек" 1840-х годов
72. Т. В. Пентковская (Москва). Система маргинальных помет в рукописях книжного круга Епифания Славинецкого и ее источники
73. Я. А. Пенькова (Москва). *Второе будущее*: грамматический термин как метафора
74. З. Ю. Петрова (Москва). Интернет-терминология в поэзии
75. А. А. Плетнева (Москва). Кормилицы: институт, лежащий за пределами общественной рефлексии

76. А. А. Плотникова (Москва). Рамки этноконфессионального сообщества: запреты староверов зарубежья
77. Е. А. Потехина (Ольштын, Польша). Истина Константина Голубова
78. М. В. Поцяпун (Москва). Текст на границах художественного – филологическая информация в нефилологических источниках (на примере изучения подписей на живописных изразцах)
79. А. В. Птенцова (Москва). Глагол КАНУТЬ: размытые границы (о структуре многозначности и проблеме лексикографического описания)
80. В. П. Пушкив (Москва). Торжок на книжном рынке Москвы XVII века
81. Е. Э. Разлогова (Москва). «Многоязычие» в переводе: интерференция, изоморфизм, буквализм
82. А. И. Резниченко (Москва). «От окраины к центру». История одного понятия: *реальность*
83. О. Ч. Реут (Москва). «В целях увековечения памяти погибших при защите Отечества». Как конструируются границы в городском пространстве после присвоения почётного звания «Город воинской славы»: кейс Петрозаводска
84. О. Г. Ровнова (Москва). Антропонимикон старообрядцев Южной Америки: традиция, специфика, эволюция
85. П. А. Рожкова (Екатеринбург). Типы и функции иллюстраций в рекламном тексте рубежа 19-20 вв. (на материале региональных СМИ)
86. Е. Л. Рудницкая (Москва). Морфосинтаксис частиц в устных рассказах 2005-2011 гг.
87. Т. К. Рулина, М. Н. Родштейн (Самара). «Наивные» тексты сельской поэзии в альманахе «Предки и потомки»
88. М. И. Рухмаков (Москва). Проблема национализма в философских и политических работах кн. Е. Н. Трубецкого
89. И. Л. Савкина (Тампере, Финляндия). «Память миграции – миграция памяти»: анализ автобиографических эссе, присланных на конкурс журнала *LiteraruS*
90. Александра Салиенко (Москва). «Чуждое и непонятное» искусство. Книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок как источник изучения «массового зрителя» 1920-1930-х гг.
91. С. Ю. Семенова (Москва). О параметрическом имени *автор*
92. А. А. Семина (Москва). «Посмертный дневник» Георгия Иванова как документ умирания
93. Т. Ф. Семьян (Челябинск). Дневниковость прозы Павла Улитина
94. Е. Г. Серебрякова (Воронеж). Трансформация поведенческой модели «защитник» в социальной практике советских нонконформистов 1960-1970-х годов
95. И. Ю. Смирнова (Москва). «Рыцарь Святого Гроба»: А.Н. Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке
96. А. И. Соболева (Москва). В поисках автора, или об одном употреблении виршевой поэзии в произведении житийного жанра
97. С. М. Соловьёв (Москва). К проблеме композиции цикла рассказов В.Т. Шаламова «Воскрешение лиственницы»
98. Е. В. Степанян-Румянцева (Москва). При чем тут князь. Еще раз о князе Мышкине
99. Е. Н. Строганова (Москва). Литературная репутация писателя в некрологе: отклики современников на смерть М. Е. Салтыкова
100. И. З. Сураат (Москва). Под собою не чужа страны: К истории антисталинского памфлета Осипа Мандельштама
101. Н. А. Тарасова (Санкт-Петербург). Маргиналии в записных тетрадях Достоевского: графика и текст
102. А. В. Уланова (Москва). Взгляд очевидца: события 1917 года в «Дневнике москвича» Николая Окунева

103. Наталья Фатеева (Москва). Современный поэтический текст как поле порождения неологизмов
 104. С. Ф. Членова (Москва). О «надо» и «нужно» в дневнике Н.А. Дмитриевой
 105. И. Н. Шамина (Москва). Эпизод затянувшегося кризиса: о бесчинствах игумена вологодского Спасо-Нуромского монастыря Сергия в середине 1660-х гг.
 106. И. А. Шаронов (Москва). Эмотивность русского этикета: утраченные традиции
 107. И. Л. Шевнин (Хабаровск). Биография старообрядческого дальневосточного епископа Иосифа (Антипина) в письмах из России и Китая в 1920-х гг.
 108. Я. Г. Шемякин (Москва). Архаика как текст культуры: маргиналия или один из центров смыслового пространства цивилизационного «пограничья»?
 109. О. Д. Шемякина (Москва). «Чтить сумерки чужой души». Еще один опыт прочтения текстов В.Ерофеева
 110. Г. Г. Шеянов (Москва). Записки на медицинских картах (беглые размышления о социологии медицины)
 111. А. А. Шиян, Т. А. Шиян (Москва). Является ли «смысл» маргинальным понятием в феноменологии Гуссерля?
 112. Т. А. Шиян (Москва). Мотивы советских философских школ в произведениях Братьев Стругацких
 113. А. Д. Шмелев (Москва). Лидия Чуковская о литературной норме (по материалам дневниковых записей и переписки с Александром Солженицыным)
 114. Е. Я. Шмелева (Москва). История Великой Отечественной войны в анекдотах
 115. Е. Е. Шурупова (Архангельск). Verezina – катастрофа 1812 и приключение 2012 года
 116. Д. Ф. Щербатова (Москва). Понять революцию изнутри: опровергнутая дневниковая правда
 117. И. Ф. Щербатова (Москва). Жизнь как философия Владимира Печерина
- Л. И. Эрлих, М. Ю. Михеев (Москва). О формальных количественных оценках идиостиля.

Подсчёты частот слов и словосочетаний из заданного списка в текстах разных авторов

ОБЩАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Гуманитарное знание предлагает традиционное членение предметных сфер, которыми занимаются специалисты, работающие в конкретных областях. При этом целые пласты явлений оказываются маргинальными, попадают на «ничейную» территорию, находясь между – лингвистикой и психологией, философией и историей, искусствоведением, культурологией и т. д. Анализ подобных явлений с обращением к еще не охваченному традиционными дисциплинами материалу кажется наиболее эффективным способом развития методологии гуманитарного знания. Именно таким «пограничным» областям знаний посвящена данная конференция.

МЕСТО И ИСТОРИЯ ПРОВЕДЕНИЯ

Наши конференции традиционно проводятся в небольших провинциальных городах, ставших эпохой в истории русской культуры. Это уже шестая подобная конференция.

Первая проходила в 2008 году – в *Юрьеве-Польском*, городе Владимиро-Суздальской Руси, создавшем архитектуру мирового значения, но всегда остававшимся окраиной.

Вторая, в 2010 году – на севере, в *Каргополе* – на водоразделе Беломорского и Балтийского бассейнов.

Третья, в 2012 году, в *Касимове* – городе, через всю историю которого проходила идея границы.

Четвертая, в 2014 году, в *Ельце* – одном из самых древних пограничных городов России, возникшем на Юго-восточной окраине Киевской Руси еще в XI веке.

Пятая, в 2015 году, – в *Полоцке*, самом древнем городе Беларуси, долгое время стоявшем на пересечении с культурными традициями Западной Европы.

Шестая намечена на 2017 г. На этот раз местом проведения конференции станет *Торжок* – старший ровесник Москвы, город границ и дорог, пограничный форпост Новгородской республики, расположенный на пути из *варяг в греки*. В послепетровской России через него проходила главная дорога империи, соединяющая обе столицы. Поэтому в и в XVIII, и в XIX веке трудно найти сколько-нибудь значимую персону, которая не побывала бы в этом городе. Культурные границы пролегают причудливо и далеко не всегда совпадают с географическими. В этом смысле Торжок неожиданно оказывается еще и «пограничной областью Италии», поскольку в городе с его окрестностями сохранились прекрасные архитектурные вариации на темы Палладио, осуществленные замечательным российским архитектором *Николаем Львовым*.

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНФЕРЕНЦИИ

Научно-исследовательский вычислительный центр Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

Институт философии РАН (Москва)

Федеральный Исследовательский Центр «Информатика и Управление» РАН (Москва)

Университет города Тампере (Финляндия)

Центральная городская библиотека им. В.Ф. Кашковой (Торжок)

Туристский информационный центр "Торжок"

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

междисциплинарные исследования, центр и периферия, границы культур, маргинальное в тексте, говорящий, пишущий, повествователь, рассказчик, адресат, дневниковый текст, эго-текст, автокоммуникация, автобиография, агиография, мемуары, «наивные» тексты, «свое» и чужое слово, подтекст, несобственно-прямая речь, проблемы подлинности текста

ТЕМАТИКА КОНФЕРЕНЦИИ

- 1) «От окраины к центру»: проблемы изучения периферии русского культурного пространства.
- 2) Текст на границах художественного – как объект исследования разных гуманитарных дисциплин.
- 3) Дневниковый и биографический текст: дневники, записные книжки, письма, маргиналии, мемуары.

ОРГКОМИТЕТ

М.Ю. Михеев, доктор филологических наук, в.н.с. лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ (председатель оргкомитета и программного комитета)

А.Г. Кравецкий, кандидат филологических наук, в.н.с. ин-та русского языка РАН (зам. председателя оргкомитета)

Е.Б. Козеренко, кандидат филологических наук, заведующая лабораторией Компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов ФИЦ ИУ РАН

Ф.Н. Блюхер, кандидат философских наук, зав. сектором Института философии РАН

И.Л. Савкина, доктор философии, лектор отделения русского языка культуры и перевода Тамперского университета

И.В. Жукова, директор Централизованной библиотечной системы города Торжка

В.А. Данилова, руководитель Туристского информационного центра "Торжок"

М.А. Федоткина, заместитель главы города Торжок по социальным вопросам

* * *

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Наталия Азарова (Москва)

Стихи Мао Цзэдуна и судьба их переводов в России^[1]

Впервые 18 стихотворений Мао Цзэдуна на русском языке были опубликованы в 1957 году. Перевод стихов Мао, очевидно, поставил в тупик высшее литературное руководство. Была создана целая команда из ведущих поэтов, переводчиков и китаистов.

Ни в комментариях, ни в переводах Мао не предстает как новатор, пишущий на вэньяне, каковым он по-настоящему был, парадоксально сочетая классическую форму и разговорный язык, современный синтаксис и грамматику древнего языка.

Значительная часть стихов Мао написана в жанре цы, что в XX веке подразумевало формализм очень высокого класса. Попытки притянуть жанр цы при переводе Мао к народной поэзии – идеологема, которая должна была представить советскому читателю фигуру Мао в привычных когнитивных рамках. Борьба против формализма, развернувшаяся в 1946 году, диктовала полное игнорирование формального совершенства стихов Мао, и в этом смысле появление трехстиший в переводе «Трех стихотворений по 16 слов» Асеева кажется неким экстравагантным вызовом времени.

Мао совсем не был ориентирован на подчеркнутую понятность. Его стихи компрессивны, в них изобилует эллипсис, который стараются не учитывать переводчики. Эйдлин как типичный советский переводчик прибегает к экспликации, добавляя лишние метафоры. Если у Мао *в горах танцуют серебряные змеи, на равнинах быстрые (бегут, себя гонят) восковые слоны*, то Эйдлин упрощает смелые образы – у него *пляшут кольца серебряных змей*, делает их понятными простому читателю – *равнинами мчат снеговые слоны*. Характерно, что в послесловии и комментариях нет ни слова о многозначности и возможности разнообразных трактовок, что в сущности составляет основу китайской поэзии, в которой даже субъект всегда многозначен.

Новаторство субъектной структуры поэзии Мао, в которой форма глагола при опущении местоимения позволяет прочесть текст одновременно относящимся к *я* или *он*, и увидеть, что *я* способно конвертироваться как в *он*, так и в *мы*. Мао же непротиворечиво скользит от личного, индивидуального к коллективному. Его внутренние переживания – это не просто отражение истории, но внутреннее и есть история. Это в корне отличается от советского постулата об иерархичности *мы*: коммунистическое *мы*, безусловно, должно было доминировать над буржуазным *я*.

Субъект стихотворения «Снег» уверен, что одаренность жизнью и соответствие ритму мира проявляется одновременно и в энергии сражения, и в новаторстве, и формальной сложности стиха, и в способности основать новую династию. Подобный пафос практически невозможно было транслировать в конце советских 50-х, когда эстетство и сложность формы однозначно подразумевали буржуазный упадок и вырождение.

Для современных китайских поэтов Мао – поэт-новатор, стимулировавший поэтическую смелость в коммунистическом Китае. Во многих местах вне Китая мы встречаем постоянные сомнения в оценке поэзии Мао именно благодаря тому, что доминирует образ Мао-диктатора. Мао – один из самых читаемых поэтов XX века в Латинской Америке.

Но и в российской современности на восприятие стихов Мао влияет укоренившийся в культуре концепт «восточный диктатор», который действительно или якобы пишет стихи.

В 1957 году была и другая идеологическая опасность – только что произошло развенчание культа личности. И публикация стихов Мао могла вызвать и почти неизбежно вызывала ассоциацию со стихами Сталина. В переводе Мао получился поэт на порядок хуже, чем в оригинале. Возможно, переводчики с подстрочника не до конца распознавали уровень текста Мао, потому что в подстрочнике им уже давался однозначный вариант трактовки, а когнитивная установка, очевидно, базировалась на опыте перевода национальных поэтов из республик, когда нужно было сделать из поэта средней руки народного поэта, безупречного идеологически.

Скорее всего, переводчики могли и не понять, что Мао очень хороший поэт.

Наталья Михайловна Азарова
Институт языкознания РАН, ведущий научный сотрудник
руководитель Центра лингвистических исследований мировой поэзии РАН

С. В. Алпатов (Москва)

Пределы русской фортуны в рукописной гадательной книге XVIII века

Позднесредневековая традиция рукописных гадательных книг типа «Круга царя Соломона», предлагавших библейскую цитату или тематически сходный книжный текст в качестве предсказания [4. С.461–470], претерпевает к середине XVIII столетия существенные изменения под влиянием оригинальных и переводных стихотворных прогностиков [1; 2; 3. С.76–79].

В этом плане особый интерес представляет рукопись Смоленского собрания НИОР РГБ (Ф.733. Ед. хр. 3. 285 л.), палеографически датируемая второй половиной XVIII в. – вопреки записи на обложке рукою подполковника Сергея Петровича Римского-Корсакова (1807–1883): «Эту книгу писал дедушка моего дедушки Ив. Ив. Лесли, после 1694 г.», отражающей, вероятно, семейные предания о происхождении памятника.

Список вопросов к «оракулу» открывают пункты, касающиеся здоровья, долголетия, благополучия самого гадающего или его ближнего. Значительно число вопросов на matrimониальные и любовные темы. Особые группы образуют вопросы сельского помещика, городского чиновника, наемного слуги – о вероятных доходах и карьерных перспективах. Специфичны вопросы о «фортуне» купца, военного, монаха, студента и вора.

Достаточно стереотипные ответы оракула варьируются в зависимости от заложенных в их структуру поправок на происхождение, социальный статус, пол, природный талант, воспитание и внешние роковые обстоятельства (типа гнева начальства или рекрутского жребия: «Пал приговор на тот уже двор: скидай крестьянскую свиту, и быть ево лбу обриту» (Л.286)).

Вопрос о степени совпадения предсказаний с реальностью / ожиданиями гадающих, как кажется, снимает приписка на полях: «Етот круг врет ему не верьте ништо» (Л.294).

Тем не менее, моделируемые оракулом гендерные, сословные, профессиональные, социокультурные и даже геополитические контуры личной судьбы представлены в анализируемой рукописной книге широким спектром вариантов.

Это и зеркальные форматы брачных отношений:

Далней ей конец: бедной однодворец
Завезет тебя в степь и запрет в свою клеть (Л.91об).
Муж разумной и избранной, и зело кавалер он славной,
Всегда будет в поле, а ты будешь жить в полной воле (Л.99).

И обусловленность жизненных перспектив семейной и сословной «породой»:

Яблоч на сосне не бывает, но все по своей природе раждает.
Такое дитя родится, будете на него веселиться.
Будет он добраго нрава и всему вашему роду слава (Л.75).
Портные и сапожники – его ближние сродники,
И сам недавно бечевою тер плечи,
А прежде сего продавал сальные свечи (Л.177об).
Министерские дела природа ему дала.
Решилье и Мазарин ничто есть перед ним (Л.133).

В значительной мере грядущую судьбу определяет место приложения личных склонностей, талантов и усилий:

В Сибирь ты поезжай, свое счастье наживай,
Там много соболей, торгуй и богатей (Л.88).
Поезжай в Рим к папе, там будет тебе жить кстати,
Цалуй папину ногу и тебе дадут честь многу (Л.94об).
В Африку ты поезжай, там свое щастие наживай,
С арапы и алжирцы знайся, в море воровать с ними обучайся (Л.99).
Злы на тя ориенталцы – персицкие махометанцы.
Как к ним попадешь, тиранскова мучения не минешь (Л.101).

Особо стоит отметить специфичный разговорный стиль большинства предсказаний, обусловленный взаимодействием речевых стихий городского просторечия, фольклорного балагурства, лубочного раешника:

Люди молотить, а они в замки колотить.
Не соха у них на уме, была б рогатина на ремне.
А с бороною молодцам стыдно, да и в поле бывает пыльно (Л.261).

Таким образом, рукописные гадательные книги второй половины XVIII столетия представляют возможность детального исследования социокультурных горизонтов обращавшихся к оракулу персон, с одной стороны, и стиливых взаимодействий литературы и фольклора в общей пограничной зоне рукописной словесности, с другой стороны.

Литература

1. Абрамзон Т.Е. «Любовная гадательная книжка» А.П. Сумарокова в контексте культуры XVIII в. М., 2013.
2. Вигзелл Ф. Читая фортуны: гадательные книги в России: вторая половина XVIII – XX вв. М., 2007.
3. Николаев С.И. Польская поэзия в русских переводах втор. пол. XVII перв. трети XVIII века. Л., 1989.
4. Райан В.Ф. Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006.

Алпатов Сергей Викторович
доцент филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Д. Е. Афиногенов (Москва)

Как организовать себе культ при жизни: происшествие на краю Империи

Vitia et rimas huius historiae is sedulo colligat, quem in disputationibus otiosis morari non pigeat (пороки и изъяны этой истории пусть старательно собирает тот, кому не лень тратить время на досужие разглагольствования). Так высказался об этом тексте его издатель, болландист Пауль Петерс. Речь идет о Мученичестве Иерона со дружиною (Bibliotheca Hagiographica Graeca №749, издание: Acta Sanctorum Novembris. T. 3. Col. 329–335), сохранившемся в единственной рукописи — codex Marcianus graecus 349 XI–XII в. (описание см. в EHRHARD A. Überlieferung und Bestand der hagiographischen und homiletischen Literatur der griechischen Kirche. 3 Bde. Leipzig, 1936–39. Bd. 1, 496–499). Действительно, история, рассказываемая там, выглядит в высшей степени маргинально. Посланцы императоров Диоклетиана и Максимиана были направлены в Каппадокию и Малую Армению для набора рекрутов. Пришли они и за неким зажиточным земледельцем Иероном, который с товарищами работал в это время в поле. Увидев солдат, он снял железную часть с мотыги и набросился на них сначала с черенком, а потом с какой-то палкой. Побитые солдаты убежали, а Иерон и прочие укрылись в пещере (пикантности ситуации, с точки зрения современного читателя, добавляет то, что Иерон был жителем села Матиана, современного Гёреме: <https://en.wikipedia.org/wiki/Göreme>). Наместник отправил туда отряд «военной полиции», но те побоялись войти в пещеру, пока брат Иерона, уже служивший в армии, не уговорил его сдаться добровольно. Затем последовал «этап» в столицу Малой Армении Мелитену, заключение в темницу, бичевание и отсечение руки Иерону. И вот с этого момента Иерон, которому грозит неминуемая казнь, начинает заниматься организацией собственного культа. В тюрьме он призывает к себе двух родственников и просит их записать на пергамене завещание, содержащее, среди прочего, следующие пункты:

«Желаю, чтобы моей сестре Феотиме отдали мой виноградник, находящийся в месте, называемом Педесия, чтобы она совершала память моего мученичества все время, пока остается в живых, и тогда получит достойное воздаяние от Бога».

«Также и отсеченную взъярившимся на нас свирепым дуксом часть моей руки, отдав моей матери, скажите ей, чтобы она отправила ее с письмом управляющему Анкирским городом великолепнейшему Рустикию, дабы дом, расположенный в месте, именуемом Кодессана, вкупе с садом, который при нем, и прочими окружающими его насаждениями был предоставлен мне, чтобы совершить в нем положение вышесказанных останков моей руки».

Всей этой красочной эпопее в тексте придан такой вид, будто Иерон не понес наказание за вооруженный мятеж, а пострадал за отказ отречься от христианства. Некоторые признаки указывают на то, что описываемые события реально происходили как минимум через столетие после Диоклетианова гонения, однако обилие очень конкретных и притом совершенно не обусловленных сюжетом деталей не позволяет считать рассказ чистым вымыслом. Датировка его, правда, осложняется тем, что, по заявлению автора, он переделал некие «древние записи», придав им приемлемую стилистическую форму. В любом случае это во всех смыслах маргинальное произведение требует дальнейшего весьма тщательного разбора как с исторической, так и с литературной точки зрения, *in quo nequaquam pigebit morari*.

Дмитрий Евгеньевич Афиногенов
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН

О. Н. Афиногенова (Москва)

Семейная хроника византийского вельможи в составе Синаксаря Константинопольской Церкви

В Синаксаре Константинопольской Церкви (архетип кон. X. в.) под 1-м июня мы находим память некоего благочестивого человека по имени Метрий (*SynCP. Col. 721–724*). Сразу обращает на себя внимание то, что текст, рассказывающий о Метрии, представляет собой не типичное краткое, т. н. синаксарное житие, а, скорее, поучительную историю. Из нее даже не совсем понятно, является ли Метрий святым, и если да, то в каком чине? Он не монах, не мученик, он — зажиточный земледelec из Пафлагонии, о котором мы узнаем следующее: однажды герой рассказа отправился на ярмарку, где продавал продукты своего труда, и на обратном пути остановился отдохнуть у источника. Там он нашел кошелек с золотыми монетами, подобрал его и спрятал, сохранив находку в тайне ото всех. На следующий год Метрий вновь оказался у того же самого источника, где застал чем-то очень удрученного человека. Это оказался хозяин кошелька, который несказанно обрадовался, когда ему вернули пропажу. Следующей ночью Метрию, не имевшему наследника, явился ангел, который возвестил, что у него будет сын. После того, как предсказание сбылось, ангел явился вторично, велел назвать мальчика Константином и предрек ему большое будущее при дворе византийских императоров.

Там же, в Синаксаре сообщается, что когда Константин подросток и отправился учиться в Константинополь, его приблизила к себе императрица Евдокия Ингерина, супруга императора Василия I Македонянина (867–886), сделав его другом своего сына, будущего императора Льва VI (886–912).

В отличие от сведений о святом (?) Метрии, информации о Константине Пафлагонянине сохранилось несколько больше. Он — паракимомен Константин, историческое лицо и упомянут в хронике Продолжателя Феофана (*Theoph. Contin. VI 30*). Константин Пафлагонянин занимал видное положение во дворце, являлся доверенным лицом Самоны, одного из влиятельных дворцовых деятелей при императорах Македонской династии. Самона сделал Константина приближенным императрицы Зои Карвонопсины, 4-й жены императора Льва VI, однако сам так позавидовал его успеху у императорской четы, что стал клеветать на своего выдвигенца, намекая на его интимную близость с императрицей. Однако клевета не причинила Константину сильного вреда, он унаследовал после Самоны титул паракимомена и с честью удалился в специально для него основанный монастырь в Носиях (Вифиния). Эта обитель пользовалась вниманием самого императора и благосклонностью Константинопольского патриарха.

Вероятно, сказание о добродетельном Метрии, своем отце, внес в синаксарь своего монастыря, ставший впоследствии частью Синаксаря Константинопольской Церкви, именно Константин. Эта история, скорее всего, являлась семейным преданием, которое делало Константину немалую честь, так как его рождение было предсказано благочестивому Метрию ангелом. Примечательно и то, как расставлены в истории акценты относительно благодетелей Константина. Очевидно, что он считает ими Евдокию Ингерину и Льва VI, а не Зою Карвонопсину и предавшего его Самону.

Афиногенова Ольга Николаевна
кандидат исторических наук, заведующая редакцией Агиографии ЦНЦ «Православная энциклопедия»
старший преподаватель кафедры Истории и теории церковного искусства Московской духовной академии

Об одном документе по истории русской школы рубежа XIX—XX вв. (сборник работ Василия Иванова)^[2]

В докладе рассматривается сборник ученических тетрадей 1899—1901 гг., в которых содержатся работы по русскому языку (словесности) — диктанты, изложения, сочинения, конспекты и др. Они принадлежали ученику двухклассного министерского училища в с. Антушево Новгородской губернии (ныне Белозерский район Вологодской области) Василию Петровичу Иванову (1883—1948)^[3]. Впоследствии В. П. Иванов стал учителем (работал в селах Надпорожье и Бечевинка Белозерского уезда, с 1930 г. до смерти — в Белозерске) и, вероятно, использовал свои школьные работы в преподавании русского языка и литературы. Видимо, именно использованием дореволюционных текстов в условиях новой советской школы обусловлен элемент самоцензуры (некоторые листы вырваны, зачеркнуты высказывания, в которых упоминаются религиозно-церковные и классовые реалии, а также содержится название *Россия*).

Такого рода документы крайне редко сохраняются. Сборник работ Василия Иванова представляет собой ценность, в частности, как отражающий реальные практики обучения словесности в дореволюционной школе. Он показывает, с какими учебными текстами работал школьник, какие творческие задания ему предлагались, как проходила работа над ошибками и т. д. Набор текстов, легших в основу диктантов и изложений в тетрадях Иванова, позволяет выявить, какими пособиями и хрестоматиями пользовался учитель сельского министерского училища.

Пометки, сделанные учителем в ученических работах, показывают, что, с точки зрения учителя, выходило за пределы нормы: подчеркнуты не только орфографические, пунктуационные и стилистические ошибки, но и некоторые диалектизмы.

Язык творческих работ Иванова демонстрирует сочетание ориентации на высокие книжные (в том числе учебные) образцы с усвоенным в родном селе языковым опытом носителя говора. Самая большая по объему творческая работа — «Автобиография» (написана в 1899 г., занимает один авторский лист) содержит историко-краеведческие сведения (история и быт родной деревни, описание ярмарок) и фольклорно-этнографические данные (похоронный обряд, детские запугивания). Значительную часть «Автобиографии» занимает повествование о жизни в Москве, где Василий три года работал рассыльным в мануфактурной конторе своего дяди. Он описывает труд и досуг, отдых на даче и паломничество в обители близ Троице-Сергиевой лавры, крещенское водосвятие на Москве-реке и коронационные торжества; подробно рассказывает о трагических событиях 28 мая 1896 г. на Ходынском поле, свидетелем которых он был. Все это делает сочинение Иванова ценным документом эпохи. Наряду с этим интересно восприятие большого города глазами сельского подростка.

Мария Вячеславовна Ахметова
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Школа актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (Москва)

Г. С. Баранкова, С. В. Шпирко (Москва)

Изгойство и изгой в древнерусском каноническом сочинении «Предсловие покаянию» (к проблеме датировки и текстологической группировки списков памятника)^[4]

«Предисловие покаянию» (далее ПП) - раннее древнерусское каноническое сочинение, в котором предписывались отношения, в которых должны находиться мирянин, приходящий на покаяние, и его духовный отец. Памятник сохранился в ряде русских списков, старшие из которых относятся к кон. XIV – нач. XV в. или XV в. (РНБ, собр. Софийское, № 1262, № 1285, собр. Крылова, № 45, РГБ, собр. Юдина, № 1), и оставил заметный след в древнерусской книжности.

Автором ПП определялись качества, которыми должен обладать настоящий исповедник, принимающий кающегося, и порицались основные пороки древнерусского общества. В этом произведении выстраивается своеобразная иерархическая лестница «грехов», на нижнем уровне которой находится пьянство, за ним шло несправедное обогащение, которое достигалось разными способами: за счет резвоимства (ростовщичества), воровства, грабежа, клеветы, захвата чужого имущества. В зависимости от тяжести проступка эти прегрешения по-разному оценивались при наложении епитимьи: краденое следовало отдавать «десятирицею», а нажитое за счет высоких процентов или насильственным путем «сторицею».

Однако самым большим грехом, по мысли автора, является нажива на изгойстве («сумме, которая вносится при выходе выкупающегося человека на свободу»). На термин *изгойство* обратили внимание еще А.Х. Востоков и И.И. Срезневский, В. Изергин, которые на основании его употребления указывали на древность рассматриваемого памятника. В. Изергин, давший развернутую характеристику ПП, считал, что автор ПП, настаивая на том, чтобы раб выкупался за цену, не большую той, за которую он был приобретен, придерживается того порядка, который фиксировался еще в договорах русских с греками [Изергии 1891:176]. Употребление слова *изгойство* в контексте рассматриваемого памятника может дать основание для датировки как *terminus ante quem*, так и *terminus post quem*. Историки отмечают, что уже в XI в. в категорию изгоев попадают маргиналы, а именно «люди, которые не могут исполнять социальную функцию, характерную для страты, в которой они рождены» [Щавелёв 2015: 485]. Однако если в XI в. в число изгоев могли попадать люди из привилегированных слоев общества, в том числе князья, то в XII - XIV вв. в нее попадают социальные низы. Понятие изгойства распространяется в ПП только на несвободных людей (сама лексема *изгой* в ней не употребляется). Изгоев как незащищенный маргинальный слой общества в этот период времени берет под свою опеку церковь. В ПП отражен именно этот процесс, поэтому вряд ли стоит датировать памятник XI в., как считали А.Кочубинский и В.Изергин, относя его «к самым первым временам нашей письменности» [Изергин 1891:159].

Передача фрагмента текста об изгойстве в разных редакциях ПП, выделенных при его текстологической классификации (краткой, полной, распространенной и сокращенной), дает основания для датировки их появления. В списках сокращенной редакции место об изгойстве опущено, наиболее полон текст в краткой и распространенной редакциях памятника, протографы которых могут восходить к XII или XIII в. В списках XIV-XV вв. текст об изгоях сохраняется. В полной редакции он существенно сокращен, что может свидетельствовать о ее более позднем появлении. Данные традиционного текстологического анализа можно сравнить с результатами, полученными с помощью метода формализованной классификации, предложенного одним из авторов настоящего доклада [Шпирко 2013]. Этот подход основывается на применении теории нечетких множеств, что позволяет с заданным уровнем надежности выделять группы текстуально близких списков, устанавливать между ними генеалого-

преемственные связи и осуществлять тем самым текстологические исследования на междисциплинарном уровне.

Литература

1. Изергин. В. «Предъсловие покаянию» (Историко-литературный очерк) // ЖМНП 1891. Ноябрь. С. 142-184.
2. Щавелёв А.С. Специфика социальной оценки «изгоя» в «Русской Правде» // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы. Материалы XXVII Международной научной конференции. М., 2015. С. 483-487.
3. Шпирко С.В. Применение теории нечетких множеств к задаче генеалогической классификации в текстологическом исследовании // Историческая информатика: Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. М., 2013. N 3. С. 39-51.

Галина Серафимовна Баранкова
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка РАН им.
В.В.Виноградова

Сергей Валерьевич Шпирко
кандидат физ.-мат. наук, доцент Московского физико-технического института

А. Н.Баранов, Д. О.Добровольский (Москва)

КСТАТИу Достоевского: эгоцентрические элементы в нарративе

1. У слова *кстати* в современных толковых словарях русского языка выделяются три основных значения. В «Малом академическом словаре» первое значение толкуется как «в удачный, подходящий момент, к месту, вовремя» (*Разведка подвернулась Мечуку как нельзя кстати*). В этих случаях *кстати* выступает как наречие. Второе значение, по большей части, также наречно: «пользуясь случаем, заодно с чем-л., вместе с тем» (*Пройдусь по городу, кстати куплю сигар*). Наконец, третье значение – это функционирование *кстати* в качестве вводного слова, то есть как «обозначение того, что данная фраза говорится в связи с только что сказанным, в дополнение у нему» [МАС].

2. Анализ текстов Достоевского показывает, что именно последний тип употребления слова *кстати* (как дискурсивного слова) оказываются наиболее значимым для этого писателя, сосредотачивающего свое внимание на речи героев как отражении особенностей их мышления, мировосприятия, идеологии. Наиболее существенное разграничение дискурсивных употреблений – это выделение контекстов, где *кстати* использовано в значении, которое приблизительно можно описать как ‘в смысловой связи с тем, что было сказано ранее’ и контекстов, в которых *кстати* употреблено исключительно для сохранения единства дискурса и введения новой темы, то есть по смыслу «некстати». Такие употребления *кстати* можно в первом приближении описать как ‘говоря о чем-то новом’. Контексты *замечу/скажу... кстати* занимают промежуточное положение между дискурсивными и наречными, поскольку по функции данная конструкция дискурсивна, но слово *кстати* используется в ней как наречие.

3. Анализ показывает, что, во-первых, наибольшее количество дискурсивных употреблений приходится на диалог – на реплики персонажей, во-вторых, в репликах

персонажей подавляющее количество употреблений *кстати* – это дискурсивное «некстати». В речи рассказчика использование *кстати* как «кстати» и как «некстати» уравновешено.

4. Нарратор у Достоевского, особенно если это диегетический рассказчик, то есть присутствующий в повествуемой истории как персонаж («Подросток») или как очевидец («Бесы»), в своем нарративе диалогичен. Отсюда довольно высокий процент употребления *кстати* как «некстати». Ср. характерный пример:

(1) Петр Степанович забежал раза два и к родителю, и, к несчастью моему, оба раза в мое отсутствие. В первый раз посетил его в среду, то есть на четвертый лишь день после той первой встречи, да и то по делу. *Кстати*, расчет по имению окончился у них как-то неслышно и невидно. [Ф.М. Достоевский. Бесы]

5. *Кстати* в дискурсивном употреблении относится к эгоцентрическим единицам, то есть словам, непосредственно связанным с говорящим. Нарративные употребления *кстати* позволяют смешивать модальность рассказчика и модальность описываемого персонажа, ср. (2).

(2) а. Гости Маркелова еще спали, когда к нему явился посланец с письмом от его сестры, г-жи Сипягиной. В этом письме Валентина Михайловна говорила ему о каких-то хозяйственных пустячках, просила его послать ей взятую им книгу – да *кстати* в постскриптуме сообщала ему «забавную» новость: его бывшая пассия, Марианна, влюбилась в учителя Нежданова. [И.С. Тургенев. Ночь] б. Амалия Ивановна, тоже предчувствовавшая что-то недоброе, а вместе с тем оскорбленная до глубины души высокомерием Катерины Ивановны, чтобы отвлечь неприятное настроение общества в другую сторону и, *кстати*, уж чтоб поднять себя в общем мнении, начала вдруг, ни с того ни с сего, рассказывать, что какой-то знакомый ее, «Карль из аптеки», ездил ночью на извозчике и что «извозчик хотел его убивать и что Карль его ошень, ошень просиль, чтоб он его не убивать, и плакаль, и руки сложиль, и испугаль, и от страх ему сердце пронзиль». [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание]

В примерах (2а) и (2б) *кстати* одновременно понимается как наречие в значении 'заодно', и как цитация дискурсивного употребления в речи другого лица (Валентины Михайловны и Амалии Ивановны).

6. Особенность художественного метода Достоевского, заключающаяся в стремлении отразить естественный, неподготовленный диалог так, как он есть, проявляется в дискурсивной практике использования *кстати* в полной мере. Можно предполагать, что другие авторы его времени такие, как Тургенев, Гончаров в существенно большей степени модифицировали реальный диалог, приводя его в соответствие со своими представлениями о литературной норме.

Анатолий Николаевич Баранов
проф., д. филол. н., зав. отделом ИРЯ РАН

Дмитрий Олегович Добровольский
проф., д. филол. н., г.н.с. ИРЯ РАН

Б. И. Беленкин (Москва)

«Я поведу тебя в музей...». Неосуществленное(К вопросу о маргиналиях и маргинальном в документах бывшего партийного архива)

В основу сообщения положены находки в РГАНИ. Речь пойдет о нескольких мини-сюжетах, характеризующих переходную эпоху, «междоцарствие» от смерти Сталина до начала 1956 г.

Первый сюжет связан с организацией музея И.В. Сталина (на подмосковной даче «Ближняя») осенью и зимой 1953 г. Затея с музеем ничем не закончилась. Зато благодаря сохранившемуся в архиве документу мы знаем о вопросах (так и оставшихся без ответов), которые были заданы лекторам (экскурсоводам) группой посетителей, скорее всего, единственной за всю историю того, что должно было стать общедоступным музеем.

Вторая история – не достигший цели донос антисемита, иллюстрирующий, в том числе, отношение к доносу партийных верхов. Речь пойдет о доносе бухгалтера общества «Знание» на своих сослуживцев и о неожиданных для доносчика последствиях. Характерным моментом в этой истории является то, что и сам кляузник, и судьба кляузника становятся предметом внимательного и заинтересованного рассмотрения на самом высоком уровне. Классический хам, явно «повернутый» на идее еврейского заговора, неожиданно (только что отменено «Дело врачей»!) получает отпор со стороны коллег. Но... в ЦК КПСС все еще готовы доносчику «подсобить»...

Третья история – попытка внедрить в производство вместо сорокаградусной – тридцатиградусную водку. Безусловный интерес вызывает то, какими объяснениями (перечисляются многочисленные выгоды) обставлена сомнительная инициатива. Несмотря на серьезность аргументаций в пользу уменьшения крепости «продукта № 1», задуманное, как мы можем судить, так и осталось прожектом...

В сообщении будет сделана попытка через ничтожное (вздорное) представить значимость происходивших в стране изменений. Показать, с одной стороны, растерянность в начале эпохи «после Сталина» партийного руководства, с другой, понимание (подспудное) и/или непонимание им того, что старое уходит безвозвратно...

Беленкин Борис Исаевич
заведующий библиотекой Международного мемориала

Ф. Н. Блюхер, С. Л. Гурко (Москва)

Интенциональная таксономия дискурсов

В процессе разработки теоретических оснований для описания дискурсивности у авторов возникла потребность в схематизме, пригодном для классификации различных типов дискурса. Используемая нами первоначально четырёхчленная схема оказалась достаточно эффективной при описании вариаций идеологической формы дискурсивности в исследованных текстах. Варианты, условно обозначаемые как «научный», «этический», «эстетический» и «религиозный», отчётливо обнаруживались на основании следов, оставляемых в грамматической и логической структурах текста.

Однако, поскольку было понятно, что сам принцип выявления своего рода «латентной семантики» пригоден не только для выявления работы идеологии в тексте, понадобилась и более сложная классификационная схема.

Различение неявных смыслов, возможно непредумышленных автором, но естественно возникающих при создании текста определённого вида, собственно говоря, предполагало выявление интенциональной структуры, реализующейся в конкретных дискурсивных

стратегиях. То есть речь идёт о том, что автор не свободен в выборе стиля, или жанра, или типа аргументации при создании текста, но вынужден, если только рассчитывает быть понятым, следовать структурно-функциональным особенностям предсуществующих и притом актуальных для данного времени и места типов дискурсивности.

Но «интенциональность», понятая в Брентановском смысле «направленности», может быть схвачена как темпоральная структура текста. При этом есть надежда, что статистически значимое преобладание в тесте определённого типа темпоральной направленности будет обнаруживаемо по характерным следам, например, использованию специфических конструкций, определяющих грамматическое время.

Попробуем набросать заведомо неполную, открытую таблицу, классифицирующую некоторые наблюдаемые типы дискурсивности. При удачном выборе принципов построения подобной классификационной матрицы можно надеяться на своего рода предиктивный эффект: начав с очевидных позиций и стремясь заполнить таблицу, получим куда менее очевидные недостающие характеристики рассматриваемых типов, которые уже можно будет пытаться проверить при анализе текстов.

Зададимся тремя сравнительно независимыми описательными характеристиками:

- собственно темпоральной (из какого времени говорится и в какое время речь обращена);
- коммуникативной (кто адресант и кто адресат сообщения);
- формально-психологической (каков ведущий аффект этого дискурса и какова его главенствующая риторическая форма).

Получим таблицу такого вида:

тип дискурса	темпоральная характеристика		коммуникативная характеристика		Формально-психологическая характеристика?	
	из	в	адресант	адресат	аффект	риторическая форма
научный	настоящего	вечное будущее	наука	потомки	тщеславие?	аргументация
дружеский?	настоящее	прогнозируемое будущее	индивид	свои	симпатия	юмор
враждебный?	вечное прошлое	настоящее	индивид	отторгаемые свои	ненависть	инвектива
идеологический	актуальное прошлое	прогнозируемое будущее		привлекаемые чужие	высокомерие?	метафора
юридический	актуальное прошлое	настоящее		корректируемые свои		
педагогический	вечное прошлое	прогнозируемое будущее	наука	корректируемые свои		поучение
религиозный	вечное прошлое	вечное будущее	бог	корректируемые чужие		поучение

Незаполненная до конца (или заполненная предположительно) таблица предлагает канву для отыскания и уточнения недостающих характеристических элементов, при удачном подборе которых можно рассчитывать на то, что устойчивое обнаружение в тексте отдельного характеристического элемента будет указывать на оправданность поисков и других, коррелирующих с ним, а тем самым и получения основания для принятия решения о дискурсивной классификации рассматриваемого текста.

Блюхер Федор Николаевич
к.ф.н., с.н.с. Института философии РАН

Гурко Сергей Львович
н.с. Института философии РАН

М. А. Бобрик (Москва)

Языковой комментарий к Мандельштаму: «Холодное лето»^[5]

Далеко не каждый из нас привычен читать по-русски «со словарем». Необходимость же в этом есть, особенно когда перед нами текст другой эпохи. На материале небольшой прозы О.Э. Мандельштама «Холодное лето», впервые напечатанной в журнале «Огонек» за 1923 год, в докладе предлагается методика лингвистического комментария к тексту XX века. Цель комментария двоякая –

- с одной стороны, уловить точки, в которых тогдашний язык нам не вполне понятен или может быть понят превратно; это точки изменений узуса и норм из перспективы современного читателя, отделенного почти столетием от времени создания текста;
- с другой стороны, мы стремимся соотнести употребление Мандельштама с тогдашним узусом; облегчить понимание авторского выбора, указав на актуальные для эпохи синонимические варианты; отметить, где возможно, стилистические коннотации.

В помощь читателю в нем собраны – из Национального корпуса русского языка, словарей, литературы – те сведения, которые представляются необходимыми на самом первом уровне понимания текста, когда мы стремимся понять, что значит буквально то или иное слово или фраза. Не преодолев этот стартовый уровень понимания, невозможно перейти к разговору о поэтике и сложных смыслах. В фокусе внимания – прежде всего, те слова и конструкции, которые изменили свое значение или вовсе вышли из употребления за время с 1920-х годов. Попутно обсуждаются те языковые исправления, которые были предприняты во всех изданиях Мандельштама 1950-х-2010-х годов, как правило – без указаний на внесенную правку.

Лингвистический комментарий такого рода предпринимался до сих пор в отношении древнерусских текстов, и то однажды – имею в виду образцовый комментарий к берестяным грамотам Андрея А. Зализняка (А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект.

М., 2004). Текст Нового времени последовательно комментируется с языковой точки зрения впервые.

Адресовать такой комментарий можно и каждому заинтересованному читателю Мандельштама, и историку литературы, и переводчику Мандельштама на другой язык, и лингвисту, которого специально интересуют обсуждаемые явления языка.

Комментарий приглашает к медленному чтению, в процессе которого, можно надеяться, происходит разоблачение мнимой простоты текста и обостряется языковая рефлексия читающего на пути к пониманию.

Бобрик Марина Анатольевна
к. ф. н., доцент Школы лингвистики НИУ ВШЭ (Москва)

А. Е. Бочкарев (Нижний Новгород) Нижегородский текст. Опыт реконструкции

В отечественной семиотической традиции городское пространство осмысливается нередко как текст, особенно когда описывающие его произведения наделяют его какими-то особыми, нетривиальными смыслами, выходящими за рамки обычного таксономического описания. Так реконструируются Петербургский и Московский тексты русской культуры.

В ряду других российских городов заслуживает внимания и Нижний Новгород. Тема Нижнего Новгорода фигурирует и в литературных произведениях, и в очерках журналистов, и в мемуарах политических деятелей, и в путевых заметках путешественников, оказавшихся в Нижнем Новгороде по воле случая, проездом или с намерением посетить Ярмарку, навестить близких, полюбоваться открывающимися со стен Кремля и Александровской набережной великолепными видами [1]. Причем подвести эти разнородные по жанру произведения под *Н.Н.*-текст как особое пространство созерцания, переживания и представления можно лишь при условии, если объединяет их не только тема, но и какие-то общие специфические свойства, которыми обладают в пределах заданной концептуальной схемы все или почти все засвидетельствованные варианты.

Реконструируемый на их основе *Н.Н.*-текст воссоздает с достаточной полнотой некоторые сходные для всех вариантов нетривиальные смыслы. В калейдоскопе чередующихся дескрипций Нижний Новгород определяется и как *величественный* (А.П. Миллюков), и как *живописный* и *достойный кисти художника* (Е.Л. Марков, А.П. Миллюков), и как *неугомонно-суетливый* (Н.Н. Рейхельт), и как *глубоко и старинно-русский* (Е.Л. Марков), и как *преуспевающий* (Е. Пищикова, К.М. Станюкович), и как *полусонный* (И.Е. Шевченко-Красногорский), *захолустный* и *обезличенный* (Е. Шмурло), и как *благоустроенный* и *чистый* (Е.Л. Марков, А.П. Миллюков, Л.В. Колотилов), и как *грязный* и *необустроенный* (А.К. Гейнс, М.И. Семевский), и как *погрязший в торговле* и *меркантильный* (Е. Шмурло, А.П. Субботин), и как *благотворительный* (Л.В. Колотилов), *православный* (Е.Л. Марков), *богов* (М. Горький), и как *забывший христианские заповеди* (А.П. Субботин), *пьяный* (И.Ф. Горбунов), *разгульный* (В. Соллогуб, А.П. Миллюков), *развратный* (П.А. Крушеван).

Оценочные предикаты *великолепный*, *чудесный*, *грязный*, *пьяный* не требуют, конечно же, особых усилий для понимания. Затруднение вызывает их интерпретация: почему в базисных суждениях о городе отбираются такие, а не какие-то другие свойства, и почему

одни находят Нижний Новгород *великолепным, живописным, чудесным*; другие – *разгульным, стяжательным, грубым*.

С точки зрения классической логики многие из приведенных предикатных дескрипций действительно противоречивы, поскольку один и тот же объект нельзя определять в одно и то же время и в том же отношении противоположным образом. Например, признать Нижний

Новгород *военным и торговым, благотворительным и стяжательным, богатым и разгульным, чистым и грязным, скучным и веселым, европейским и захолустным, обустроенным и необустроенным, нежным и грубым*.

Синтетически разрешить противоречия можно путем разведения несовместимых предикатов по (i) разным временным интервалам: прежде *военный*, сейчас *торговый*; зимой *скука*, летом *веселье*; (ii) разным локациям: по отношению к Кремлю и Александровской набережной – *великолепен и живописен*; по отношению к многочисленным церквям и монастырям – *православный*; по отношению к Ярмарке, Толкучке и Миллионке – *базарный и стяжательный*, по отношению к расположившимся близ Ярмарки трактирам – *веселый, пьяный и разгульный*; (iii) разным установкам мнения: для кого-то *грязный и необустроенный* — для кого-то *чистый и благоустроенный*; для кого-то *благотворительный* — для кого-то *стяжательный*, для кого-то *нежный* — для кого-то *грубый* и т. д.

Источники

Проезжая через Нижний / Сост. Н.В. Морохин, Д.Г. Павлов. Нижний Новгород: Книги, 2012. 656 с.

Андрей Евгеньевич Бочкарев
доктор филологических наук, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации
НИУ «Высшая школа экономики»

Н. Г. Брагина (Москва)

Копия<=>оригинал: семиотика и семантика уподобления

В докладе речь пойдет о копировании как одном из видов уподобления, основанном на целенаправленном придании одному объекту (Y) сходства с другим объектом (X) или образом (X'). Соответственно отношение между объектом (Y) и объектом (X) – это отношение копии и оригинала. Оригинал первичен, копия – вторична, однако, именно появление / возможность появления копии создает условия, позволяющие наделять какой-л. объект свойствами оригинала. Соответственно копия и оригинал находятся в отношениях взаимной обусловленности.

Социокультурные характеристики отношения копия <=> оригинал проявляются в ряде свойств: а) копия способствует сохранению и закреплению в культурной памяти образа оригинала: *оригинал утерян, сохранились только копии*; б) копии увеличивают ценность оригинала (чем больше копий, тем более высока ценность оригинала, который является образцом для подражания); в) копия способна замещать оригинал, уменьшая потребность в нем; г) *копия* в идеале стремится к самоотождествлению с оригиналом (замена подобия тождеством: клонирование) – в этом случае оригинал сохраняет лишь номинальные функции, связанные с этимологией (лат. *originalis* «первоначальный, первичный»).

Отношения копия <=> оригинал выражены в лексической сочетаемости: *копировать образец, чей-л стиль, чью-л. / какую-л. манеру; подделывать что-л., имитировать кого-что-л., стилизовать что-л. под что-л., подражать кому-чему-л., косить под кого-л. (жарг.), мимикрировать; фальшивая, искусственная, деланная улыбка; фиктивный брак;*

прическа / очки... под Софи Лорен, под Леннона...; борода / стрижка... а-ля Брехт, а-ля рюс и др. Оценочные прилагательные: *бесподобный, неподражаемый, неповторимый*, – подчеркивают уникальность какого-л. объекта, указывая на невозможность ему уподобиться.

В докладе будут также рассмотрены некоторые семантические и прагматические свойства лексических единиц, обозначающих имитацию подлинности, в частности, синонимичные конструкции *X под У* и *X а-ля У* (*прическа под Софи Лорен* и *прическа а-ля Софи Лорен*).

Брагина Наталья Георгиевна
д. филол. н., профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации
Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина / профессор кафедры русского языка Института лингвистики, РГГУ

Н. В.Бунтман (Москва)

Опущение в переводном тексте – прием, недоработка или языковая асимметрия?

В типологии переводческих трансформаций «опущение» фигурирует наряду со всеми остальными (упрощением, перераспределением лексических или семантических составляющих, разъяснением и проч.), однако все определения этого явления в основном сводятся к тому, что оно противоположно «дополнению», употребляется довольно редко и в сущности – маргинально. На наш взгляд исследование случаев опущения могло бы не только уточнить типологию языковой и речевой асимметрии двух языков (в нашем случае русского и французского), но и дополнить некоторые разделы сравнительной грамматики и стилистики.

Материалом исследования послужили примеры опущения глагольных форм и безличных конструкций, взятых из двух надкорпусных баз данных, основанных, в свою очередь на русско-французском параллельном подкорпусе НКРЯ. В этом подкорпусе общим объемом 1248956 словоупотреблений находятся в основном литературные произведения. При построении двуязычных аннотаций случаи опущения в переводе той или иной исследуемой языковой единицы попадают в рубрику «zero». При необходимом поиске можно получить не только статистику опущения конкретных единиц, но и проанализировать соответствующие текстовые пары с учетом контекста.

Разумеется, трудно воспроизвести процесс работы самого переводчика, актуализирующего некую единицу языка-источника. Всякий раз он вынужден размышлять, насколько далеко возможно зайти в нарушении границ и правил.

Случаи опущения могут объясняться самыми различными причинами, в частности, не зная, с какого именно издания осуществлялся перевод, мы не в праве категорично заявлять о «плохом» качестве перевода. Подобное отсутствие фрагмента текста мы будем называть «опущение источниковое» (выпущенный в переводе фрагмент – в квадратных скобках):

Оригинальный текст	Перевод
Захар умер бы вместо барина, [считая это своим неизбежным и природным долгом, и даже не считая ничем, а просто бросился бы на смерть, точно так же как собака, которая при встрече с зверем в лесу	Zakhar serait mort pour son maître; mais s'il eût dû passer une nuit à son chevet, que la santé et même l'existence du maître eussent

бросается на него, не рассуждая, отчего должна броситься она, а не ее господин.] Но зато, если б понадобилось, например, просидеть всю ночь подле постели барина, не смыкая глаз, и от этого бы зависело здоровье или даже жизнь барина, Захар непременно бы заснул.	dépendu de sa vigilance, il se serait endormi, et cela sans aucun remords.
--	--

Речь далее пойдет о глаголах, вводящих в русском языке прямую речь и в большинстве случаях (в особенности при наличии дополнений и обстоятельств) дающих речевую характеристику персонажей. В базе данных глагольных форм отмечаются опущение таких глаголов как *продолжал, говорил, советовал, спросил, сказал, прибавил, добавил, говорят, возразил, перебил, отвечал, огрызался, думал, закричали, начал, заметил, откликнулся, шипел, хрипел, заключил, откликнулся* (приводятся их точные формы).

Другая группа – глаголов положения (лежать, сидеть, стоять) не менее показательна при изучении случаев опущения:

Оригинальный текст	Перевод
Верстах в пяти от Сосновки лежало сельцо Верхлёво, тоже принадлежавшее некогда фамилии Обломовых	À cinq verstes de là, le village de Verkhlevo appartenait, lui aussi, à la famille Oblomov.

Систематическая асимметрия в сопоставлении русского и французского языков была описана В.Г. Гаком, однако, обширный материал надкорпусной базы данных позволяет провести более детальный анализ. Еще одна группа глаголов – глаголы начала действия (начать, собираться):

Оригинальный текст	Перевод
Но он все собирался и готовился начать жизнь,	Mais il n'en finissait pas de se préparer à la vie.

Предполагается также разобрать и типологизировать случаи опущения на материале надкорпусной базы лингвоспецифичных единиц.

Бунтман Надежда Валентиновна
к.ф.н., доцент кафедры французского языка
факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. Ломоносова

Ю. Л.Василевская (Тверь)

Первая мировая война в творчестве И.С. Соколова-Микитова: от очерков к «снам о России»

Очерки и рассказы И.С. Соколова-Микитова о событиях, которым он стал свидетелем, будучи братом милосердия в санитарно-транспортном отряде, создавались в 1916 году и в качестве известий от «нашего военного корреспондента» печатались в газете «Биржевые

ведомости», журнале «Огонёк» и ряде других изданий. Осмысление собственного военного опыта стало для писателя важной вехой в творческой эволюции и послужило основой для самого значительного его художественного произведения, незаслуженно забытого после революции и установления советской власти – повести «Чижикова лавра». При поверхностном рассмотрении очерки М.С. Соколова-Микитова о войне вполне «классические» по содержанию: война ужасна, война калечит людей, но при всём при этом именно такое испытание показывает, чего на самом деле стоит тот или иной человек, именно близость смерти обнажает истинный человеческий характер. Ряд очерков посвящён теме «и всё-таки жизнь продолжается»: в них показан окопный быт солдат и санитарных частей. Однако в немногих из них война – это всего лишь страшная безумная вакханалия («С носилками», «Жуть»).

Отношение к смерти в творчестве И.С. Соколова-Микитова двойственное. С одной стороны уже в автобиографической повести «Детство» все явления, связанные с иным, загробным миром (страшные поверья о домовых, анчутках и призраках, посещение церкви и т.д.) решительно вытесняются героем на периферию сознания. В ряде немногочисленных рассказов, центром которых становилась смерть персонажа («Медовое сено», «Ава», «Фурсик» и др.), И.С. Соколов-Микитов пытался «уравновесить» произошедшее включением этой смерти в вечный природный цикл. «Классический» герой И.С. Соколова-Микитова, охотник, не видит в смерти убитого зверя трагедию (опять-таки за редким исключением), хотя может восхищаться его красотой. Однако, с другой стороны, смерть в некоторых произведениях писателя предстаёт без умалчиваний и «компенсаций». Помимо названных очерков о войне сюда относятся многочисленные записи писателя (заготовки для будущих произведений), опубликованные впоследствии под названием «На своей земле. Записи давних лет». Многие из них – описание ужасного происшествия, обычно связанного со смертью. Иногда рассказ о смерти выделялся за счёт смены рассказчика. По такому принципу среди прочего повествования выделено свидетельство единственного выжившего после кораблекрушения матроса Бекусова (цикл очерков «Спасение корабля»).

Всё это говорит о том, что в творческом сознании И.С. Соколова-Микитова (как принято считать, жизнерадостном и жизнеутверждающем) мысль о неизбежной смерти, не компенсируемой и ничем не восполняемой, была, и именно эта мысль дала толчок к созданию повести «Чижикова лавра».

По многочисленным свидетельствам самого писателя, а также его друзей, известно, что главное в творческом кредо И.С. Соколова-Микитова – писать только о том, что видел и переживал сам, «от сердца». Отсюда и автобиографизм его крупной прозы и тяготение к очерку. Однако именно этот постулат будет, пожалуй, единственный раз нарушен именно в упомянутой повести, главный герой которой, побывав в немецком плену, вынужденно оказывается в эмиграции. Известно, что писатель не был в плену и в его «военных» очерках не сохранилось никаких упоминаний о том, что он беседовал с теми, кто там побывал.

Небоевые будни бывшего военнопленного становятся в повести изображением затянувшейся нежизни, «снов» о потерянной родине. Писатель снова прибегает к тому же повествовательному приёму, который он использовал в очерке «С носилками» – смерть, показанная как итог, который в глазах умирающего ещё не подведён, и при этом как ужасная правда, видная и рассказчику и читателю.

Пародийные разговорники как особый тип текста (на словацком материале)

Предметом рассмотрения в докладе будет такой специфический вид непрофессиональных лексикографических описаний, как пародийные разговорники. На материале двух словацких диалектных интернет-разговорников мы покажем основные приемы пародирования в них. Так, в словацком фрагменте Интернета размещен диалектный разговорник под названием «anglicko-vychodňarsky slovník» (англо-восточнословацкий словарь). Возможные расхождения между английскими фразами и их восточнословацкими эквивалентами в контексте жанра являются приемами пародирования. К таковым относятся:

1. Употребление диалектно маркированной лексики.

- WHERE WERE YOU? - Ta dze ši ty bul!
- SOMEWHERE HERE - Dzeškaj tu.

2. Большая экспрессивность словацкого эквивалента. В данном случае стилистически нейтральным английским фразам соответствуют словацкие экспрессивно маркированные конструкции.

- Can I help you? - Co kukaš jak na cel'e na vrata?
- Please, read the list carefully. - Ňežgrap jak kocur zos labu!

3. Наличие пейоративной лексики в словацком эквиваленте. Ср.:

- WHERE ARE THE TOILETS, PLEASE - Idzem srac!
- YOU ARE OLD FASHIONED - Ši jak jebo z ľesa.

4. Придание словацким выражениям статуса наблюдаемой ситуации.

- DO YOU SPEAK ENGLISH? - Znaš rečovac jak toten Buš?
- OH, HE IS SO HANDSOME! - Ta bars šummy toten chlop!

5. Квазиэквиваленты, показывающую различия в трактовке идентичного положения дел.

- Can I have a contact number for you? - Naval' čislo na tel'efonnu bud'u.
- What's in the minibar? - No idzem šicko okoštovac.

Указанный словарь до известной степени стал частью Интернет-фольклора. Кроме исходной страницы размещения, он представлен также на других порталах, к которым, в частности, относятся: личные блоги; локальные информационные ресурсы; специализированные порталы, содержащие главным образом юмористический контент. При этом на разных сайтах словарь размещен в различных вариантах, добавляются новые выражения, заменяется часть реалий (Буш / Клинтон).

Несколько иной тип пародирования представлен в «шаришско-словацком словаре» (šarišsko-slovenský slovník). Данный разговорник, который также носит название «словарь», разбит на ситуативно-тематические группы «в магазине», «в кафе», «дома» и т. п. При этом часть фраз дается с переводом на литературный язык, часть без приведения эквивалента. Различия между оригиналом и переводом в данном случае отсутствуют, а пародийность предполагает сам состав выражений. Так, многие выражения отличаются повышенной экспрессивностью и наличием пейоративно маркированной лексики, обыгрывается тема употребления алкоголя:

- neznaš jak, ta štur sebe ruki do ríci a še kukaj jak to budzem robic ja, ne !? - nevieš ako, tak si vopchaj ruku do zadku a pozeraj sa ako to budem robim ja, určite! / если не умеешь, засунь себе руки в задницу и смотри как делаю я, ладно?
- už vecej nebudzem pic, aľe ani meňej / я не буду пить больше, но и меньше не буду

Одним из ключевых для словаря является мотив уборки, в т. ч. радикальными методами:

- na kapure šedzi ftaček, noľe ruc do ňeho kameň, nech tam nesere, chto to ma furtom umivac ? - na bráne sedí ftačík, hod' do neho kameň, aby tam nešpinil, kto to má stále umývať ? / на воротах сидит птица, швырни в нее камень, чтобы не гадила, кто будет все это отмывать?

В ряде случаев, наоборот, моделируются не восточнословацкие, но столичные реалии: в блоке «знакомство» типичная пользовательница словаря – жительница столицы – фактически живет в пространстве социальных сетей:

- Ja som zadana, mam priatel'a z Bratislavi a še pravidelne stretavame na fejbuku. Ešci o tym nezna, ale spolu chodzime. / Я несвободна, у меня друг из Братиславы и мы с ним регулярно встречаемся на фейсбуке. Он еще об этом не знает, но мы встречаемся.

В обоих случаях словари отражают автоэтностереотипы своих составителей. В них моделируется неформальное и более доступное для непосредственного читательского восприятия лексикографическое описание, непрофессиональное здесь, в силу общей гротескности жанра, трансформируется в антипрофессиональное, что является общей приметой сетевого творчества, где границы между специализированным и любительским в значительной мере размываются, тем самым научная пародия смыкается с литературной, а непрофессиональные научные описания, подобно непрофессиональной литературе, приобретают массовый характер.

Ващенко Дарья Юрьевна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ФГБУН Институт славяноведения РАН

И. В. Вернер (Москва)

Начальник – начальствовать: семантика лексем в политическом и экзегетическом дискурсе Максима Грека

Церковнославянские лексемы *начальникъ – начальствовати* являются многозначными так же, как и производящая (на синхронном уровне) лексема *начало*,

означающая не только возникновение чего-либо во времени и пространстве, но и причину, предпосылку, условие, основу чего-либо, а также власть, государство, главу, начальника и, наконец, во мн.ч. – один из разрядов ангелов. Все эти значения зафиксированы в Словаре древнерусского языка XI-XVII вв. как для лексемы *начало*, так и для *начальникъ*, под которым понимается тот, кто положил начало чему-либо, т.е. основатель, зачинатель (в том числе первый человек мира и родоначальник), а также вождь, предводитель, руководитель, повелитель, наставник. Однозначным в словаре оказался лишь глагол *начальствовати* «управлять, руководить».

Основные значения славянских лексем находят свои соответствия в семантике греческих *ἀρχή*, *ἄρχω*, *ἄρχων*; греческие сложные слова с *ἀρχι-* регулярно переводятся на церковнославянский композитами, включающими морфему *начало*: *началозьдатель* - *ἀρχιτέκτων*, *началообразие* - *ἀρχέτυπον*, *началозлобный* - *ἀρχέκακος* и др.

Данных исторических словарей недостаточно для воссоздания целостной истории бытования лексем, однако прослеживается определенная их актуализация (особенно в случае глагола) в XVI в. Ценный и любопытный материал, выходящий за пределы лексикографических описаний, представляют в этом отношении оригинальные и переводные тексты Максима Грека.

В конце 1540-х гг. Максим пишет несколько посланий Ивану IV, посвященных проблемам политической этики и являющих собой нравственно-этическое руководство молодому царю, - «Слово к начальствующему на земли» и «Главы поучительны начальствующим правоверно». Эти тексты продолжают традицию поучений и наставлений правителю, представленную в комплексе сочинений, переписанных в Иосифо-Волоколамском монастыре несколько ранее (совещательные главы Агапита Юстиниану, учительные главы Василия царю Льву, слова Сократа, Аристотеля к Александру Македонскому и послание патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу).

Послания Максима Грека демонстрируют, во-первых, абсолютное предпочтение глагола *начальствовати* перед синонимами, употребительными в предшествующих текстах (*владычествовати*), во-вторых, переходность глагола *начальствовати* и его управление творительным падежом (*начальствовати подвластных, начальствуемых; начальствовати целомудрием/страстьми*), в-третьих, специфическую семантику глагола *начальствовати*: субъектами при глаголе выступают «цари и святители», которые «пекутся равнѣ о всѣх сущих под ними», т.е. глаголу придается значение заботы о подопечных, их нравственного воспитания и социального служения им, а сам глагол становится у Максима Грека лингвистической манифестацией симфонии священства и царства – неотъемлемой составной части концепции «Москва – Третий Рим».

Лексема *начальникъ*, соответствующая греч. *ἄρχων*, появляется и в переведенных Максимом Толковой Псалтыри 1522 г. и Псалтыри 1552 г. без толкований. В старших редакциях славянской Псалтыри *ἄρχων* всегда переводится как *князь*. В ветхозаветных текстах *ἄρχων*, как правило, относится к тем, кто объединяет в своем лице политическую (судебную, силовую) и духовную власть. Именно в таких контекстах лексема *начальникъ* вводится Максимом Греком непосредственно в славянский перевод Псалтыри (Пс 104:21 – о Иосифе, поставленном начальником над египтянами ради их обращения к благочестию и богопознанию) либо выносится в маргинальные глоссы к старшему переводу *князь* (Пс 67:28 и Песнь 1:15 – о начальниках Завулону и Моаву, Пс 2:2 – о начальниках иудейских, т.е. членах Синедриона, осудивших Христа). Толкования Псалтыри 1522 г. к последнему чтению и некоторым другим актуализируют и противоположное значение несправедливого начальства, начальника как виновника чего-либо, прилагаемое к споспешникам зла в разных его ипостасях.

О. А. Волошина (Москва)

Об одном лингвистическом эксперименте С.И. Карцевского

В 1923 г. С.И. Карцевский провел любопытный лингвистический эксперимент, предложив ученикам школы написать сочинение-воспоминание о русской революции. В 1924 году на страницах журнала для учителей-словесников «Русский язык за рубежом» С.И. Карцевский публикует тексты детских сочинений о революции в России - «извлечение из материалов, собранных среди учащихся русской гимназии в Праге». По инициативе директора гимназии 18 марта 1923 года учащимся было предложено двухчасовое классное сочинение на тему «Мои воспоминания с 1917 года». Карцевский собрал и отредактировал 134 сочинения детей разного возраста, а затем издал в журнале большую часть собранного материала. В предисловии он пишет: «эти «человеческие документы» достаточно громко и вразумительно говорят сами за себя. Тут есть над чем подумать и психологу, и педагогу. Материал, над которым приходится работать эмигранту-учителю, совсем особого рода. Перед нами молодежь, испытывавшая столько, сколько не выпадало в обычное время и на долю взрослого человека» [Воспоминания, 1924: 27]. Поскольку время было ограничено, учащимся удалось описать краткие, но наиболее яркие впечатления от происходящих в революционной России событий. Карцевский разделил сочинения на 3 группы в соответствии с возрастом учеников – младший возраст – те, кому в 17 году было от 3 до 5 лет, средний возраст – дети 7- 8 лет и более старшие дети. Карцевский пишет о том, что ему пришлось в некоторых местах править орфографию, но в целом удалось сохранить стилистические и синтаксические особенности оригинального текста.

В сочинениях младших школьников некоторые эпизоды, связанные с семьей и бытом: здесь арест и ссылка близких родственников, голод и продажа вещей, даже разлука с любимой собакой и сломанная при обыске кукла. «Однажды мы с бабушкой купили муку. Но мука не оказалась хорошая. Когда бабушка напекла калачи и мы их наелись, то мы были распухлые» [Воспоминания, 1924: 4]. «Уже вторую ночь мы спали с мамой на одной постели, без простынь и одеял, в платьях и даже пальто. Вдруг среди ночи я проснулась оттого, что отворилась дверь и вошла мама. На маме было очень утомленное и взволнованное лицо» [Воспоминания, 1924: 7].

Дети среднего возраста описывали происходящее в городе и готовы были оценить ситуацию в целом: «В городе творился кошмар. Трупы валялись по неделям. Если случилось упасть трупу перед каким-нибудь домом, то жильцы, не желая целую неделю видеть и чувствовать запах разложения, нанимали тачки, которые как караван тянулись к кладбищу. Там вырывалась большая могила, в которую бросали громадное количество трупов и тонким слоем прикрывали ее землей. Голодные собаки разрывали их и уничтожали с громадным аппетитом» [Воспоминания, 1924: 11]. Работы учеников старших классов интересны не только содержанием, но и стилистическими особенностями: «Помню я смутно, как из другой, прошедшей жизни, это кровавое реяние красных знамен, эти толпы пьяные от весеннего ветра и солнца, эту злополучную пародию, вкривь и вкось горланившуюся фабричным городским и казарменным людом: «Вставай, подымайся!» - и, Господь да простит мне, не могу без едкой, острой, какой-то даже подсасывающей иронии подумать: «да, встали..., поднялись... и в грязи и смраде остались» [Воспоминания, 1924: 18].

Карцевский дает высокую оценку работам школьников: «Учитель-словесник найдет в этих воспоминаниях немало интересного для наблюдения над детским языком, наконец, он не сможет не обратить внимания на прекрасную передачу своих воспоминаний большинством молодых авторов, и невольно сравнит их с обычными казенными

«сочинениями» [Воспоминания, 1924: 27]]. Эти сочинения показывают революционную Россию глазами маленьких участников и наблюдателей тех событий. Педагоги, психологи и лингвисты получают интереснейший материал для исследования запечатленной в детском языке картины тех далеких событий. Карцевский считал, что «было бы интересно и поучительно обследовать язык русских беженцев в разных странах» [Карцевский, 2000: 245], потому что язык этих текстов, с одной стороны, запечатлел важное историческое событие, изменившее судьбы наших соотечественников, а с другой стороны, показал революционные события глазами конкретных людей, отразил их впечатления, мысли и эмоции.

В каждой своей работе Карцевский стремился показать, что язык есть социальное установление и продемонстрировать его «логико-психологический механизм». Стоит отметить яркую отличительную черту научного творчества Карцевского: рассматривая конкретное языковое явление в контексте языка как целостной системы, автор неизбежно поднимался до уровня вопросов теории языка, проблем общего языкознания.

Литература

Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Т. 1. М.: «Языки славянской культуры». 2000.

Воспоминания детей-беженцев из России. Обработано и составлено прив.-доц. С.И. Карцевским // Русская школа за рубежом. Прага. 1924.

Волошина Оксана Анатольевна
доцент кафедры ОСИЯ филологического факультета МГУ

О. Ю. Гаак (Тверь)

Публицистика Э.М. Ремарка. Сотрудничество с газетами и журналами

«Газета всегда права – хотя бы потому, что выходит каждый день с новым содержанием» (Э.М. Ремарк, «Существенные и мелкие иронические моменты в моей жизни», Интервью с самим собой).

На сегодня журналистская деятельность Э.М. Ремарка недостаточно исследована. Его публицистика появлялась в разных изданиях Германии, однако основательно неизученным является тот факт, что его литературное творчество началось именно с вхождением в журналистскую сферу.

Мы рассмотрели публицистику Э.М. Ремарка и выявили значимые этапы его журналистской деятельности.

Мало известен и тот факт, что писатель принимал участие в создании нового проекта фирмы «Ulschtein». Изложенные Э.М. Ремарком предложения по изданию иллюстративного журнала для автолюбителей дал толчок развитию специализированной прессы в Германии. Чётко сформулированные автором пункты-рубрики, которые должен был отразить предполагаемый журнал, предполагали прогрессивное развитие такой прессы и её развитие. «Нет ни одного журнала, который предлагал бы хотя бы часть этого материала», - так обозначил свою работу Э. М. Ремарк в письме к издательству.

В нашей работе рассмотрены произведения, опубликованные в немецких изданиях «Osnabrücker Landeszeitung», «Osnabrücker Tageblatt», «Echo Continental» и «Sport im

Bild». Данные работы позволяют проанализировать творчество писателя с новой стороны: прежде всего, как журналистские произведения, отвечающие всем нормам современной журналистики. Отсюда следует, что уже в начале XX века Э.М. Ремарк имел чёткое представление о воздействии журналистики на аудитории, чётко определяя её структуру и манипулятивное воздействие.

Проведённый нами анализ журналистских работ Э. М. Ремарка выявил характерные особенности его стиля. В результате мы пришли к выводу, что уже в XX веке немецкий писатель использовал смешение журналистских жанров, создавая качественный и универсальный продукт, а также применял в своих работах методы рекламного воздействия на читателей.

Таким образом, публицистика Э.М. Ремарка может стать образцом современной журналистики, а её детальное изучение способно привести к открытию нового жанрового контента.

Гаак Ольга Юрьевна
студентка Тверского государственного университета, бакалавр

Л. М. Гаврилина (Москва)

Казус Калининграда: российская периферия в центре Европы

Российская культура как любая крупная культура обречена на существование в состоянии «цветущей сложности» (К.Н. Леонтьев), в ее пространстве - огромное многообразие региональных вариантов, множество субкультурных образований. Для российской культуры, с ее имперским прошлым вопросы о соотношении столицы и провинции, центра и периферии, о балансе центробежных и центростремительных тенденций, о соотношении региональных и общенациональной идентичностей остаются стабильно актуальными как для исследователей, так и для российской политической элиты.

Современное социогуманитарное знание ушло от упрощенного понимания отношений центра и периферии в терминологии «власть-подчинение». Сегодня эти взаимоотношения представляются более сложными, исследователи выделяют внутреннюю и внешнюю периферию (Дж.Фридман), «полупериферию» (И.Валлерстайн), различают понятия периферии и провинции. Для анализа культурной составляющей проблемы нам представляются наиболее приемлемыми семиотический подход Ю.Лотмана, рассматривавшего семиосферу национальной культуры как сложный иерархически упорядоченный баланс между центром (ядром) и периферией, а также концепция культурного ландшафта, разработанная В. Каганским. Он развивает схему «центр-провинция», выделив 4 зоны и типа культурного ландшафта: 1) *центр* как репрезентатор системы; 2) *провинция* как «прицентральная периферия» - инертная, но устойчивая и самодостаточная срединная зона; 3) *периферия* – «приграничная провинция», окраина, - менее устойчивое образование, сильно зависящее от центра, но и от границы; наконец, 4) *граница* – своего рода антицентр. Анализ российского культурного пространства, предпринятый В. Каганским, позволил выявить его фрагментированность,

мозаичность, при этом – «высокоцентрализованность и моноцентричность». Горизонтальные связи между регионами слабы, все взаимодействие происходит через центр. Центр является конструирующим ядром, а главным актором, «пространственным игроком», по мнению исследователя, является государство.

Эта концепция дает дополнительные возможности для анализа культурной ситуации в «приграничной провинции» - на периферии культурного пространства. Вернее, на стыке межкультурных пространств. Граница, как известно, не только разделяет, но и соединяет, может вызывать стагнацию или, напротив, способствовать бурному развитию. Амбивалентный характер воздействия границы на развитие территорий показала И.М. Бусыгина на примере земли Саар и территории бывшей ГДР в Германии.

Наш интерес связан с российским Калининградом, бывшим Кенигсбергом, - приграничной периферией российской культуры, находящейся в центре Европы. К слову сказать, почти все известные гипотетические «географические центры Европы» располагаются к востоку от Калининграда. Специфика этого региона – в его существовании на границе – реальной и виртуальной, пространственной и временной. Двойной модус пограничности, синхронический и диахронический, придает калининградской региональной субкультуре неповторимую специфику. Это территория *российской провинции*, которая никогда не осознавала себя таковой (сама идея провинциальности не монтируется с королевским прошлым Кенигсберга), это *российская периферия*, которая не видит себя окраиной, а напротив, идентифицирует себя как российский форпост в Европе.

Амбивалентность культурной ситуации этой «российской периферии в центре Европы» заключается в том, что его ярко выраженная «российскость» и «европейскость» существуют в причудливом, но закономерном единстве.

Гаврилина Лариса Михайловна
кандидат исторических наук, доцент кафедры теории культуры, этики и эстетики
Московский Государственный институт культуры (МГИК)

И. В. Галактионова (Москва)

Дневники Ивана Каллиниковича Голубева (1860–1926): общий обзор

«Немного могут составлять интересного мои записки, в особенности самое начало, когда я служил у своего родного дяди Петра Павловича Боченкова при его книжной торговле в Москве на Домниковской улице (Дьяковке) Басманной части 1 участка. Переpletное заведение и квартира наши находились по той же улице в доме Смирнова. Моя тетушка Пелагия Ивановна спала и видела меня семейным человеком, чтобы я не избаловался, как говорила она, и вот поэтому в прошлом 79 г. я обручился с девицею Екатериной Федоровной, живущей у своей матери крестной Веры Николаевны Титовой, имеющей бахромное заведение в собственном доме на Нижней Пресне. Невеста моя – сирота, очень симпатичная. Вид грустно-печальный. Вероятно, мне еще придется вернуться обратно к биографии своей жизни немного позднее, и поэтому я теперь перепису только те листики, набросанные мною почти 13 лет тому назад (теперь пишу 15 октября 1892 г. в г. Иркутск)». Таким вступлением (приведенным в современной орфографии и пунктуации) начинается первая тетрадка дневниковых записей Ивана Каллиниковича Голубева, посвященная событиям и впечатлениям 1880 года.

И.К. Голубев – этнограф, член Московского библиографического кружка, книгопродавец и издатель. Краткую его биографию с приложением указателя статей и заметок самого Голубева и статей и заметок о нем, а также обширного списка городов и мест, где он побывал, можно найти в изданной в 1925 году Русским библиологическим обществом брошюре «Иван Каллиникович Голубев. Пятьдесят лет на службе книге. 1875 – 1925», за полную достоверность сведений в которой, впрочем, трудно ручаться. Так, о первом путешествии Голубева по Дальнему Востоку в качестве книгоноши Общества для распространения Священного писания в этой брошюре написано: «он получает в 1883 году общественную командировку на Дальний Восток и <...> решает использовать свою командировку для служения великому делу насаждения грамотности и просвещения в самых отдаленных глухих местах своей родины».

В семейном архиве сохранилась папка с дневниковыми тетрадками в основном за 80-90 годы XIX века, есть тетрадка за 1924 год, а также листки с отдельными записями. Часть тетрадок – это переписанные набело более ранние записи; почерк в них аккуратный и ровный, сокращений мало. Другие тетрадки содержат записи синхронные с описываемыми в них событиями; иногда они писались буквально на коленке, слова в конце строк часто не дописывались; разбирать такие записи гораздо сложнее. В одних тетрадках есть записи за весь год, в других – лишь за начало – первую половину года.

Как и любые дневники, эти тетрадки любопытны с человеческой точки зрения – о чем и как пишет автор, каким человеком предстает. Но также они интересны и в лингвистическом отношении. Их автор не заканчивал школы, грамоте учился по книгам, служа «мальчиком» в переплетном отделении книжного магазина своего дяди. В первых тетрадках практически отсутствуют знаки препинания, орфография сильно отличается не только от нашей современной, но, возможно, и от орфографии конца XIX века.

В данный момент разбор дневниковых записей И.К. Голубева только начат. Расшифрованы тетрадки за 1880–1884 годы и часть записей за 1885 год.

Галактионова Ирина Владимировна
кандидат филологических наук, доцент филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

И. Г. Галкова (Москва)

Христос по имени Федор. Об одной легенде XX века

Легенда о Федоре Рыбалкине как втором явлении Христа является ключевым элементом верования христиан-федоровцев, община которых сейчас продолжает существовать в селе Старая Тишанка Воронежской области. Легенда интересна как специфический пример народной агиографии, источниками для которой послужили в равной мере сохраняемая память о реальных событиях, евангельские тексты и официальная советская публицистика. Не менее интересным представляется также и то, как варьировало ее содержание по мере развития истории движения.

Федоровцы – одно из ответвлений так называемой катакомбной церкви, церковного подполья, которое оформилось в своем противостоянии советским реформам церкви и коллективизации деревни. Движение зародилось в начале 1920-х годов на юге

Воронежской губернии, получив свое название по имени юродивого Федора Рыбалкина, крестьянина из села Новый Лиман Богучарского района, вокруг которого и сформировалась первая религиозная община. Федоровцы отличались активностью и слаженностью своего духовного и социального противостояния, имели огромное влияние в регионе. Основатель движения, Федор Рыбалкин, был арестован в 1926 году, в 1929 году приговорен к 10 годам заключения в Соловецком лагере. Далее его следы теряются.

Личность Федора среди его соратников и последователей с самого начала имела мифологический ореол, однако отождествления его с Христом ни в одном из ранних документов (речь идет прежде всего о следственных делах федоровцев) не прослеживается. При этом настойчиво повторяются следы другой легенды – о царе-избавителе. Федора многие считали скрывавшимся императором Николаем, и даже его арест трактовали как уловку, за которой должно было последовать воцарение. «Монархический уклон» федоровского движения обусловил его особенно жестокое подавление.

В конце 1920 – начале 1930-х годов федоровцы подверглись репрессиям – наиболее активные участники движения были расстреляны или заключены в лагеря, около 300 семей отправлено в ссылку. Аресты продолжались до конца 1940-х годов. В каком виде эти годы сохранялась в семьях выживших федоровцев память об основателе движения, сказать трудно.

Возрождение федоровской идеи началось в 1950-х годах силами двух проповедников, бывших сподвижников Рыбалкина: Алексея Арепьева в Краснодарском крае и Арсения Иващенко в Воронежской области. Именно Арсению Иващенко, человеку, обладавшему яркой харизмой и талантом проповедника, думается, следует приписывать если не авторство, то, по меньшей мере, фиксацию легенды о Федоре в евангельском ключе и ее осмысление как краеугольного камня федоровской религиозности. Текст оформился, скорее всего, в послевоенные годы и был зафиксирован письменно только в начале 1970-х (по меньшей мере, более ранние варианты нам не известны).

Трансформация легенды из «монархической» в «евангельскую» отвечает изменениям, произошедшим в целом в церковном подполье в послевоенные годы. С одной стороны, надежды на царя-избавителя, бытовавшие во многих крестьянских религиозных кружках (и обусловившие появление множества самозванцев) к этому моменту по большей части ушли, как исчезли и мысли о возврате к прежнему мироустройству деревни и связанный с ними социальный протест. С другой, открывшаяся в середине 1940-х годов возможность легализации религиозной жизни для многих ставила под вопрос необходимость сохранения ее катакомбных форм. В рамках же федоровской истории – неизвестность судьбы Рыбалкина уже не оставляла надежды на его возвращение живым; но возвращение федоровцев в лоно церкви означало бы перечеркивание всей многолетней истории их духовного сопротивления. Федоровское движение в такой ситуации пошло по пути окончательного обособления от института церкви, создав, по сути дела, собственное Священное писание и обустроив свою жизнь по принципу раннехристианских общин. Этот выбор стал мощным объединяющим фактором, привлечшим в общину многих новых членов и позволивший ей пережить еще одну волну гонений в начале 1960-х гг.

Галкова Ирина Геннадьевна
кандидат исторических наук
заведующая музеем Международного Мемориала, Москва

Ю. Е. Галямина (Москва)

Образ русского у коренных народов Западной Сибири

Корпус текстов на кетском, селькупском и эвенкийском языке, повествующие о жизни коренных народов Западной Сибири, дает богатый материал для лингвистического, но и для культурологического анализа. В частности, они позволяют выявить концепты, бытующие в коллективной картине мира этнических общностей этих народов.

Одним из таких концептов является концепт русского человека. С русскими коренные народы Западной Сибири столкнулись в ходе «завоевания» этого пространства русскими отрядами. Последующие несколько веков влияние русских и русского языка только усиливалось. Все эти исторические и социальные процессы отразились на представлениях коренных народов о том, кто такой «русский человек» и «русский народ».

1. Под русскими понимаются представители любой некоренной сибирской нации, который выступает не в личном качестве, а как представитель государства, выполняющий экономические или государственные функции.

Подобное отношение сохраняется до сих пор, например, при описании текущей политической ситуации. Представители коренных народов часто не имеют общероссийской идентичности, а федеральную власть рассматривают как власть русских.

Например, в рассказе на кетском языке встречаются такие слова (примеры даются в переводе на русский язык): «Этот русский начальник руководит. Мы живем в стороне. Тоже хороший человек, но молодой. В будущем что получится? А он-то сидит. Что в будущем будет, мы не знаем. Их дело»^[6].

2. Русский — это человек, который находится выше в социальной иерархии и обладает большими социальными возможностями. Кроме того, «русский» в определенном смысле дистанцирован от представителей коренных этносов. Определенная дистанция, которая существует между русским как носителем некоторой наднациональной, государственной идентичности также отражается в дискурсивных практиках ведения диалога.

Пример из селькупского языка: «А он на меня кричать начал. Ну, потом я ушел, молча [=без звука]. Ругаться я буду с русским (что ли)? Не буду (я) ругаться, ушел (я)».

Литература

- 1 Вахтин Н.В. Языки народов Севера в XX веке. - СПб, 2001.
2. Галямина Ю. Е. Образ русского в коллективной памяти коренных народов Западной Сибири (на материале кетских, а также селькупских и эвенкийских текстов) // Материалы XII международного семинара Этничность и власть: коллективная память и технологии конструирования идентичности (Украина, г. Ялта, 20–25 мая 2013). — Севастополь, 2013. — С. 80–83.
2. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Галямина Ю.Е. Истории жизни автохтонного населения Сибири: публикация глоссированных текстов. Публикация 1-я // Вестник РГГУ, №6/08 // Серия «Языкознание», МЛЖ, №10. - Москва, 2008. - С. 246-285.
3. Кетский сборник: Мифология, этнография, тексты. - М:Наука, 1962.
4. Серкина Н.А. Материалы Г.М.Корсакова, записанные его аспиранткой Н.А.Серкиной (Косман) во время занятий с ним кетским языком в зиму 1940-1941г. (рукопись). Санкт-Петербургский отдел Архива РАН.

М. К. Голованивская(Москва)

Синтаксис территории: что это такое?

1. Определения (термины).

Синтаксис территории – это установленная людьми материализованная система связей внутри территории. Эта область знания может быть отнесена к философии культуры, семантической географии, философии территории.

В терминах коммуникации о соединении территорий говорят давно: министерство путей сообщения, инженерные коммуникации и так далее. Это те же сообщения, что и в языке, это та же коммуникация, о которой мы привыкли говорить в лингвистике. В качестве примера рассматривается карта древней Александрии, которую можно прочесть как смысл.

2. Возможность.

Описание территории через систему связей, установленную внутри нее, позволяет увидеть ее интерпретационную модель со стороны обитателей и прочесть ее как смысл. В качестве примера рассматривается дорога фимиама (XII век до н.э. – VII век н.э.). На этом примере показывается, какого рода «смыслы» перемещались по этому пути, от кого и куда они передавались и какие цивилизационные последствия это имело.

3. Гипотеза.

Все связи и взаимосвязи, установленные человеком, универсальны. Синтаксис территории подобен грамматическому синтаксису. Связи между территориями (городами, странами, особыми зонами) подобны связям между словами и предложениями.

В качестве примера рассматривается старинная карта Шанхая.

4. Понятие связи как таковой.

Связь (в технике) – передача информации (сигнала) на расстояние. Связь – отношение общности, соединения или согласования. В качестве примера рассматривается путь олова (1000 век до н.э.).

5. Связь в синтаксисе и типы дорожных развязок.

Сочинение – отношение синтаксического (грамматического) равноправия между словами в простом предложении, а также между предикативными частями сложного предложения. По значению сочинительная связь подразделяется на следующие виды:

- * соединительная связь (союз «и» и др.) – двустороннее движение
- * противительная связь («а», «но») – одностороннее движение
- * градационная связь («не только – но и»), дорога в которой есть спецполоса для другого вида транспорта.

- * разделительная связь («или») – дорога с попеременным пропускным режимом.

Подчинение – неравноправная связь, односторонняя зависимость одного компонента связи (слова либо предложения) от другого. Главная и второстепенная дорога.

Примыкание – подчинительная связь, при которой грамматически зависимым является слово, не имеющее формоизменения, а также деепричастие, инфинитив и форма сравнительной степени. Принадлежность – неотъемлемая особенность, свойство кого-нибудь или чего-нибудь. Круг-развязка. Т-образный перекресток.

6. *Функциональный синтаксис / синтаксис территории*

Функциональный синтаксис – синтаксис, использующий в качестве метода исследования подход от «функции к средству», то есть выясняющий, какими грамматическими средствами выражаются пространственные, временные, причинные, целевые и др. отношения

Синтаксис территории – синтаксис, использующий в качестве метода исследования подход от «функции к средству», то есть выясняющий, какими материализованными средствами выражаются пространственные, временные, причинные, целевые и др. отношения

Рассматривается пример автопробега по Африке Алжир-Мадагаскар (1925 год)
7. Дорога (связь) и город.

Основные типы городов по типу модели синтаксической связи: солнце (Москва, многие города Италии), решетка (Санкт-Петербург, Александрия, Рим), круг (Ватикан, Шанхай), пирамида (Дели, Пекин), звезда (города средневековой Европы), цепь (связь между городами, торговый путь и города вокруг них). Интерпретация каждого инварианта городской связности.

8. *Факторы, определяющие способы пространственных коммуникаций и тип связи.*

Такие факторы представлены тремя векторами

- * Вектор силы (завоевания) = подчинительная связь
- * Вектор знания (открытие территорий) = примыкание
- * Вектор обмена (поиск сотрудничества) = сочинение

9. *Классификация наиболее известных дорог по типам воплощенной в них связи:*

* Стратегические (военные и административные дороги): королевский путь Дариуса в Персии, Аппиева дорога, Виа Домиция в Галлии, Токайдо (Япония), Кхапак Нан (инки), Трансатлантический путь, Путь рабов (Европа, Африка, Америка), Транссиб, Транс-амазонский путь = подчинительная связь

* Торговые: Нил, Дорога олова, Путь фимиама, Великий шелковый путь, Дорога специй, Путь чая и лошадей, соляной путь, кофейный путь и др. = сочинение

* Коммуникация и туризм: Национальная дорога N 7 (Франция), Восточный экспресс, Стард Хайвэй (Австралия), Дорога 66 (США), дорога Ганди (паломничество) и пр.

Мария Константиновна Голованивская
доктор филологических наук, профессор
кафедры региональных исследований МГУ им. М.В.Ломоносова

М. В. Головизнин (Москва)

«Зырянские истоки» творчества Варлама Шаламова, зашифрованные в «Четвертой Вологде»

Начиная главную автобиографическую повесть «Четвертая Вологда», Варлам Шаламов подчеркивал: «Я пытаюсь в этой книге соединить три времени: прошлое, настоящее и будущее – во имя четвертого времени – **искусства**». Ранние писательские и поэтические эксперименты Шаламов действительно ставил еще в Вологде. «Я начинал со стихов, с мычанья ритмического, шаманского покачивания – но это была лишь ритмизированная

шаманская проза». К «шаманизму» как компоненту творчества писатель обращался и в стихах. Более того, Шаламов неожиданно заявил о собственных «шаманских» корнях, уходящих в зырянский край. «...Отец мой родом из ... потомственной священнической семьи, предки которой еще недавно были зырянскими шаманами». Архивные документы великоустюгских священников Шаламовых, которые никогда зырянами не были, и данные этнографии об отсутствии у зырян шаманов с бубнами позволяют предположить мифологизацию писателем биографии своих предков.

Такой нестандартный взгляд Шаламова на причины творческих устремлений связан не только с духом севера, но, вероятно, и с ранним знакомством его с семьей литературоведа А.Н. Веселовского (1838-1906), которая в 1920 г. переехала в Вологду, а юный Шаламов часто бывал в их доме. А.Н. Веселовский работал над проблемами генезиса поэзии и прозы, рассматривая происхождение эпоса, лирики и драмы в контексте разложения древних обрядовых мистерий. Он, в частности, подчеркивал «замечательно тонкое чувство ритма самоедских шаманов» и анализировал в своей книге «История поэтики» обширный финно-угорский этнографический материал (хантов, манси, удмуртов). Его сын Александр и внук Алексей, с кем непосредственно общался молодой Шаламов, занимались интенсивной краеведческой деятельностью в рамках Вологодского Общества изучения Северного Края (ВОИСК). Тема изучения культуры коми-зырян была в нем одной из центральных благодаря членам ВОИСК, представителям этого народа писателю и философу К.Ф. Жакову и будущему американскому социологу П.А. Сорокину, у которого культура коми «... будучи впитана в детстве», сформировала эстетический вкус на всю жизнь». Патриархальные стороны жизни Русского Севера, описанные Шаламовым в «Четвертой Вологде», перекликаются с очерком Питирима Сорокина «Пестрое кружево», посвященным Великому Устюгу, с той лишь разницей, что Сорокин предпочитает «старый степенный Устюг новому - культурному», а Шаламов дает понять, что «патриархальная» Вологда безвозвратно принадлежит прошлому.

Более того, ранее «зырянская тема» вызвала крутой поворот в жизни и творчестве Василия Кандинского, решившего посвятить себя живописи после знакомства с культурой и бытом коми-зырян в ходе этнографической экспедиции на Русский Север. Примечательно, что и сам Кандинский, и его биографы (видимо, с большим на то основанием, чем Шаламов) усматривали истоки творческих устремлений художника в «шаманском генетическом коде», поскольку предки Кандинского со стороны отца, по-видимому, принадлежали к народу манси. Каллистрат Жаков, создатель «зырянской Калевалы» - стихотворного эпоса Биармия искал в фольклоре зырян новаторские идеи для современной литературы коми. Такие ее черты как непосредственность, отсутствие академических условностей, зыбкая граница между былью и мифологией, отчасти свойственны и «новой прозе» Шаламова.

Особая роль в «зырянском аспекте» шаламовской темы принадлежит ученику К.Ф. Жакова, уже упомянутому Питириму Сорокину – теории которого, по выражению Шаламова «уходят в вологодскую глушь». Сам П. Сорокин писал об истоках своих взглядов на общество следующее: «Зыряне всегда были свободными людьми и решали свои дела самостоятельно при помощи непосредственного самоуправления [...] Воспитываясь в такой социальной среде, я естественным образом впитывал бытующие в ней верования, моральные нормы и нравственные принципы». Известно, что отец писателя, священник Тихон Шаламов работал вместе с Питиримом Сорокиным в рамках ВОИСК и принимал участие в разрешении конфликтов ученого с вологодским духовенством, которые вероятно происходили из-за пропаганды Сорокиным теорий эволюционизма и отрицания им божественной природы человека. В своей работе «Трагический дуализм человека», Сорокин указывал, что в человеке «под ангельским

ликом тлеют угли дьявола», а культура, гуманность – «это грим и белила, которые скрывают наше звериное «нутро». В «Четвертой Вологде» Шаламов делает на этот счет многозначительную оговорку: «Аргументы насчет божественной сущности человека отец не принимал главными. Его главным героем был Питирим Сорокин – зырянин, земляк отца». Позже, в социологических трудах, П. Сорокин обосновывал, как «первобытные инстинкты» обостряются в человеке, прежде всего, в условиях голода. Примечательно, что аналогичные представления высказывает и Варлам Шаламов, видевший в ГУЛАГе «чрезвычайную хрупкость человеческой культуры, цивилизации», когда «человек становился зверем через три недели — при тяжелой работе, холоде, голоде и побоях».

По-видимому, к Питириму Сорокину и к дискуссиям в рамках ВОИСК восходит и шаламовская метафора «живые будды» - люди нравственного примера, полные творческой силы. Питирим Сорокин, по словам Шаламова в «Четвертой Вологде», «был любимым героем отца (православного священника – М.Г.) по теории живых будд». Неоднократно упоминая эту метафору в прозе, в стихах и в переписке, Шаламов нигде не раскрывает смысл такой «теории». Известно, что Будда как высоконравственная личность является героем учения П. Сорокина об альтруистической любви. Шаламов, вряд ли имел возможность знакомиться с его поздними трудами, которые стали доступны в СССР лишь после «перестройки». Вместе с тем «религия живых Будд, [где-то - М.Г.] сохранившаяся до сих пор», упоминалась Шаламовым еще в 60-е годы. Вполне «буддийским» по содержанию выглядит и тезис Шаламова: «я горжусь, что за всю свою жизнь я не убил своей рукой ни одного живого существа, особенно из животного мира... не держал в руках охотничьего ружья и иного оружия». Хотя, Шаламов не демонстрировал приверженности к буддизму, по тексту «Четвертой Вологды» видно, что разногласия на почве убийства животных стали у Шаламова почвой мировоззренческого конфликта с отцом-священником, и началом его своеобразного атеизма.

Как ни странно, эти псевдобуддийские аспекты, «вкрапленные» в «Четвертую Вологду», могут быть объяснены с помощью «зырянской темы». Изучение культуры, языческих воззрений зырян и родственных им народов в начале XX века породило поиски аналогий их с традиционными культурами народов Ирана и Индии. Тому способствовали археологические находки иранского серебра на Урале, культ «золотой бабы» у коми и обских угров, в котором тогдашние ученые усматривали влияние восточноазиатского буддизма. П.А. Сорокин и К.Ф. Жаков в своих работах, издаваемых ВОИСК, развивали популярные тогда теории эволюции первобытных культов от анимизма, тотемизма к «зрелым» религиозным воззрениям. Индийским религиям, как ступенькам этой эволюции, отводилось важное место. Впоследствии на базе этих идей Сорокин формулировал многие социологические теории развития общества, в т.ч., теории альтруизма, а Жаков создал т.н. лимитизм – философско-религиозную пантеистическую доктрину, включавшую в себя буддизм, и христианство как этапы стремления к Богу – «первопотенциалу». В отличие от Питирима Сорокина, которого Шаламов упоминает неоднократно, сведений о его знакомстве с жизнью и творчеством К.Ф. Жакова пока не разыскано. Последнее лишь актуализирует поиск в этом направлении.

Марк Васильевич Головизнин
к.м.н. доцент МГМСУ им. Евдокимова
член Совета Ассоциации медицинских антропологов

С. Л.Гонобоблева (Санкт-Петербург)

Диаспора русских староверов из Латинской Америки: история «открытия» и изучения

Феноменальная диаспора русских староверов, проделавшая путь из России в 1920-е в Китай, затем в Латинскую Америку и Австралию, затем в Северную Америку, а в 2000-е частично вернувшаяся в Россию, была замечена исследователями в самом начале 21 века. Появились первые публикации, последовали экспедиции, образовался круг ученых, занимающихся южноамериканскими староверами.

Диаспору исследовали лингвисты, антропологи, экономисты, музыковеды. Появилось большое количество статей, несколько книг. Можно выделить три научные «ветви», исследующие южноамериканских староверов: московскую, Санкт-Петербургскую и дальневосточную. За десятилетие данная тема была представлена на многих конференциях, в том числе и на единственной, посвященной именно старообрядцам зарубежья – в Торуни.

Находящиеся на периферии русского мира южноамериканские староверы представляют собой удивительно жизнеспособную и динамичную общность, активно проявившую себя в стремительно меняющихся социальных и политических условиях последнего десятилетия.

Их связь с метрополией в начале их реэмиграции осуществлялась через исследователей, приезжавших в Латинскую Америку, и через дипломатов. Исследователи становились теми, кто открывал для староверов Россию, часто становился принимающей стороной. Трансграничная общность русских староверов (по меткому определению проф. Н.А. Добронравина), распространилась и на изучающих их ученых.

Помимо научных исследований были устроены выставки картин Капитолины Бодуновой, талантливой художницы-староверки из Уругвая, опубликованы инициированные исследователями мемуары Данилы Зайцева – персонажа в диаспоре самого неоднозначного, посетившего в России даже события на Болотной площади. В России запущена программа переселения соотечественников, в которой южноамериканские староверы принимают участие.

За десять лет в диаспоре произошли серьезные изменения. Некоторые ее покинули, ушли по разным причинам в мир. Некоторые переехали в Россию и собираются устраивать в Приморье новые староверческие поселения. Оставшиеся в Латинской Америке понимают необходимость сохранения веры и русского языка и обучают детей, поддерживая постоянные связи с Россией. Переехавшие в Россию молодые староверы моментально теряют диалект, но говорят на испанском и португальском.

Изучающие староверие ученые всегда составляли особую касту, поскольку за материалом обращались непосредственно к информантам, тесно с ними общались, с постоянным взаимообменом и взаимовлиянием. Исследователи южноамериканских староверов ведут увлекательный образ жизни вне границ: постоянно путешествуют – вслед за своими подопечными, постоянно принимают гостей из разных концов света: староверы считают нас условно своими в миру.

Перед учеными все эти годы встает много этических вопросов – никогда не забуду, как в 2006 году в торговом центре города Понта Гроса я встретила в интернет-клубе с двумя староверками и показала им сайты на русском – впервые для них. Несомненно, исследователи понимают и меру своей ответственности, и меру вмешательства/невмешательства в жизнь общины. Убеждена в том, что получаем мы от общения с южноамериканскими староверами очень многое.

Гонобоблева Софья Львовна
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН
и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН

М. А. Горюнов (Москва)

Теория аффекта в работах Иммануила Канта

1. В работах Канта содержится цельная концепция аффекта. Философ разрабатывал ее в рамках эстетических, антропологических, этических и религиоведческих исследований.

2. Аффект, согласно Канту, является предельным проявлением эмоции. С точки зрения Канта, человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти, осознает свои чувства. Человек, одержимый страстью, осознает свою одержимость. Человек, находящийся в состоянии аффекта, не осознает ни себя, ни своей одержимости.

3. Аффекты делятся на свойственные всем живым существам без исключения и на те, которые свойственны только живым существам, наделенным разумом. Кант особенно выделяет два аффекта: аффект удивления и аффект изумления. Следуя за Декартом, он считает удивление аффектом, общим для всего живого, а изумление – общим для всего живого и разумного.

4. Изумление, охватывающее человека в момент знакомства с примерами моральных поступков, чрезвычайно ценно. Ему противостоит не менее сильное оживление чувств, вызванное тщеславием. Согласно Канту, человеку следует стремиться к первому и избегать второго.

5. Существует методика, позволяющая перенаправлять внимание от тщеславия к морали. Суть приема – вместо образов, одобренных тщеславием, сосредотачиваться на образах, одобренных Просвещением.

6. Аффект изумления, замещая аффекты, производные от тщеславия, призван помочь человеку выполнить свое назначение: быть моральным.

7. Диспозиция аффекта и разума была многократно обыграна в философской литературе. Ее следы можно обнаружить в работах Жоржа Батая, Рене Жирара, Жака Деррида.

Максим Александрович Горюнов,

Н. Б. Граматчикова (Екатеринбург)

Воспоминания жен «первых директоров»: частная память в публицистическом и официальном дискурсе

Материалом для исследования служат рукописные очерки Е.Г. Банниковой и М.А. Васильевой, написанные ими в конце 1960-1970-х годах о своих мужьях-директорах. А.П. Банников (1895-1932) был первым директором Уралмашинстроя (1926-1932) в Свердловске, и после его смерти урна с прахом была помещена в стелу у проходной Уралмашзавода. В.В. Васильев (1889-1941) был организатором и первым директором Кондо-Сосьвинского боброво-соболиного заповедника (1929-1938), ему В. Бианки посвятил очерк «Васька-Ойка-Суд — Кожаный чулок». В настоящее время рукописные тетради вдов, Банниковой и Васильевой, хранятся в архивах музеев завода и заповедника; их фрагменты использовались в статьях и в музейных экспозициях.

В обстоятельствах жизни и смерти «первых директоров» много общего: напряженная деятельность, связанная с огромной личной ответственностью и риском; особый склад личности и определенная «харизма»; принадлежность одному поколению, позволяющая, в большей или меньшей степени, иметь дистанцию по отношению к происходящим в государстве процессам и быть активными субъектами преобразований; неожиданный уход из жизни вдали от семьи, порождающий у биографов и семей ряд вопросов и лишивший потомков собственноручных воспоминаний директоров (эффект «незаконченной биографии»).

Воспоминания жен-вдов создаются спустя 40-50 лет после описываемых событий конца 1920-х—1930-х гг.; будучи инициированы не только «велением сердца», но ощущением долга по отношению к памяти супруга, неординарность личности которого они хорошо понимают и стараются отразить в свойственной позднесоциалистической эпохе форме.

Исследование этих текстов позволяет работать с несколькими проблемными полями:

1) проследить, насколько тексты частных воспоминаний об «известных людях» определены сложившимся дискурсом поздней советской публицистики:

Так, в очерках Банниковой и Васильевой встречается ряд общих мотивов, определенных, в первую очередь, языком эпохи: жизнь как «деяние» и подвиг; завод и заповедник как детище и др. Сравнение текста Банниковой с романом А. Бусыгина «Первый директор» (1977) о Банникове отчетливо выявляет важные для языка самоописания эпохи и 1970-х и 1920-х концепты и мотивы (А. Юрчак). Для воспоминаний Васильевой «художественным фоном» может служить очерк В. Бианки

2) насколько тексты воспоминаний жен способны вводить их авторов в контекст жизни супруга (гендерная и семейно-ролевая проблематика), какие «практики легитимации» семейных ролей и частного бытия в целом при этом преобладают;

Васильева позиционирует себя как жена и подруга, дающая собственную оценку происходящему, эффективно взаимодействующая с «тузнаселением», но всецело подчиняющаяся решениям мужа и его профессиональным и карьерным соображениям. Позиция Банниковой в тексте сильнее скована официальным дискурсом, ее роль пассивнее

и «выход за пределы дискурса» чрезвычайно ею проблематизирован. При этом текстология тетрадей Банниковой богаче: мы имеем дело с черновиками, где «гладкие абзацы» публицистических клише чередуются с проникновением в текст фрагментов «устной традиции»; а также рядом эпизодов, где она оказывается в роли «изобретателя жанра», лишаясь знакомых ей жанровых схем. Письменная фиксация «неофициального облика» мужа-директора стоит ей огромного труда: по-настоящему выйти к личному, человечески-повседневному ей так и не удается. Рукопись воспоминаний открывает мучительную правку текста, имеющую своей целью поиски выхода к легитимации частной памяти (чаще других она обращается к эпизоду с ходаками у Ленина)

3) круг публицистических и художественных произведений, сложившийся вокруг этих директоров, начиная от поздних 1970-х до перестроечных 1990-х и современных публикаций, дает возможность увидеть черты «правильного» биографического текста в каждый период, а также меру востребованности в нем частной памяти. Первое наше приближение к данной теме свидетельствует о драматической уязвимости семейной памяти, ее востребованности в качестве нужного эпохе манипулятивного ресурса, легко редуцируемого до необходимого минимума.

Грамотчикова Наталья Борисовна
канд. филол. наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН
доцент кафедры классической литературы и фольклора департамента «Филологический факультет» УрФУ

А.И.Грищенко (Москва)

Славянские и еврейские маргиналии Плача Иеремии в Библейском сборнике Матфея Десятого 1502–1507гг.

Начатый в 1502 г. в Вильне и оконченный в 1507 г. в Супрасльском монастыре уроженцем Тверской земли Матфеем Десятым библейский сборник (БАН 24.4.28, далее СМД) содержит уникальный для средневековой славянской книжности набор глосс на полях Плача Иеремии (лл. 103об.–106): в нём представлены не только отдельные еврейские буквы, но и целые слова (названия букв на иврите) в еврейской же графике.

В этой библейской книге пять глав, первые четыре представляют собой в Масоретском тексте алфавитный акростих: гл. 1, 2 и 4 содержат по 22 стиха, начинающиеся соответствующими буквами еврейского алфавита; гл. 3 — 22 трёхстишия, которые также образуют алфавитный акростих. Алфавитным акростихам еврейского текста соответствуют названия еврейских букв в греческой и латинской графике, представленные в ранних списках Септуагинты и Вульгаты соответственно, причём средствами греческого и латинского письма не передаётся ряд фонетических особенностей еврейского языка (прежде всего — шипящая /š/, которая обозначается одной из двух модификаций буквы џ «син/шин»).

В СМД использована та единственная редакция Плача, которая была широко распространена в многочисленных списках Толковых Пророчеств (ТП), восходящих к рукописи, переписанной в 1047 г. новгородским попом Упырём Лихим. Единственные толкования в Плаче — это пояснения к названиям еврейских букв, сохранившиеся только в первой главе и соответствующие их «переводам» (не всегда верным) на греческий язык в главе «То, чем греки обогатились от варваров» книги «Приготовление к Евангелию» (Praepar. evang. X.5, 4–9) церковного историка Евсевия Кесарийского: «АЛФ — обу[ч]ение, или скончание» (ср.: Ἄλφ — μάθησις), «БЕТ [в ТП — ВИТ] — дом[у] в нем»

(ср.: Βήθ — οἶκου), «ГИЛМ [в ТП — ГИМЕЛ] — скончание вышнему» (ср.: Γίμελ — πλήρωσις), «ДЕЛТ — книги вышшая» (ср.: Δέλθ — δέλτων) и т. д. Унаследованные — с некоторыми искажениями — из ТП названия еврейских букв и их толкования составили первую в Плаче СМД алфавитную серию, имитирующую еврейский акростих (в виде киноварных вставок прописными буквами внутрь текста — как и в списках ТП); к трём последним буквам прибавилось ещё по одному названию, не из греческого источника и киноварными строчными буквами на полях, причём для 7 только такое название и приведено — «рѣшь»; для оставшихся представлено по два названия: «СЕНЬ / шинь» и «ТАУ / тавь».

Серии букв с первой по четвёртую находятся при главах 1–4, т. е. там, где в еврейском оригинале был алфавитный акростих, а пятая серия — при пятой главе, не содержащей акростиха, но более мелким почерком и вплотную друг к другу. Названия букв в славянской графике в сериях со второй по пятую (и три последних названия в первой серии) передают еврейское произношение, а не греческое или латинское, ср.: π — ἥθ — Heth — «ИТ» в ТП vs. «хет» в СМД; ρ — ἰώθ — Ioth — «ИОТ» в ТП vs. «юд» в СМД; ζ — Σάδη — Sade — «САДИ» в ТП vs. «цади» и «цадик» [вероятно, для конечной формы буквы] в СМД; ρ — Ὶς — Res — [отсутствует в ТП] vs. «рѣшь/решь» в СМД; ω — Σέν — Sen — «СЕН» в ТП vs. «шин» в СМД.

В сериях первой, второй, четвёртой и пятой на полях коричневыми чернилами изображены те же буквы в собственно еврейской графике, которую можно охарактеризовать в целом как полукурсив, причём разного ареального типа (то ашкеназский, то византийский), а в ряде случаев буквы имитируют квадратное письмо (в одном — неумело скопированное инициальное начертание буквы 8 «алеф»). В этих сериях еврейские надписи принадлежат, по-видимому, славянскому писцу. Более аутентично выглядят названия букв в еврейской графике в третьей серии — там, где они записаны словами с огласовками: этот тип почерка наиболее близок ашкеназскому курсиву, однако славянская запись отвечает не ашкеназскому произношению иврита, а восточному (по всей видимости, караимскому).

Александр Игоревич Грищенко
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Московского педагогического государственного университета
старший научный сотрудник
Отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН

П. С. Громова (Тверь)

Жанровая природа прозы И.С. Соколова-Микитова

Проза И. С. Соколова-Микитова в жанровом отношении весьма разнообразна. Она включает фольклорные, литературно-художественные, документально-художественные, публицистические, мемуарные произведения, а также большое количество произведений пограничных, синтетических жанров. Жанровая структура прозы Соколова-Микитова отражает процессы, характерные для русской литературы первой половины XX в., в частности расширение потенциала малого жанра, а также условное жанровое определение, жанровая компиляция, жанровая модификация и т.д., и позволяет глубже понять их.

Произведения писателя, самостоятельные или объединенные в циклы, часто имеют вполне релевантные авторские жанровые подзаголовки. Ряду же других произведений жанровые определения даны условно, на основании того, в какой цикл они были помещены автором, или сложившейся литературно-критической и литературоведческой традиции. Своеобразие прозы Соколова-Микитова заключается в том, что творя в каком-либо эпическом жанре, писатель зачастую пренебрегает некоторыми жанрообразующими признаками (художественно-биографические повести «Детство» и «Елень»). Средний эпический жанр в творчестве Соколова-Микитова позволяет проследить механику деформации и трансформации средних и малых прозаических жанров в литературе XX в.

Основу творческого наследия писателя составляет документально-художественная проза. Она соответствует главной творческой установке Соколова-Микитова – «писать правдиво». При этом особый интерес представляют биографические записи и писательские заметки (прежде всего «Записи давних лет», а также цикл заметок «Из записных книжек»), на основании которых в дальнейшем писателем были созданы фрагменты биографических повестей «Елень» и «Детство». Сопоставление этих записей и художественно оформленных фрагментов позволяет выявить механизмы обработки предметного содержания и методологические принципы творчества писателя. Материалом для подобного рода исследования могут служить также обнаруженные нами неизвестные широкому кругу читателей фрагменты посвященных русскому Северу произведений Соколова-Микитова, а именно отрывок из литературного сценария к фильму «Путь корабля» (предположительно, художественно-документальный; ИРЛИ РАН. Ф. 595. Оп. 1. Д. 242. Л. 1-2) и отрывок из литературного сценария к фильму «Медведи белые» (предположительно, научно-популярный; ИРЛИ РАН. Ф. 595. Оп. 1. Д. 243. Л. 1-2). Эти отрывки не только расширяют жанровую парадигму творчества Соколова-Микитова, но и позволяют проследить воплощение писателем значимого проблемно-тематического содержания в различных жанровых формах, поскольку оказываются непосредственно связаны с повестью-циклом «Спасание корабля» и другими «северными» произведениями писателя сложных жанров, объединяющих документальное, публицистическое и литературно-художественное начала.

Говоря об эволюции жанра в творчестве Соколова-Микитова, можно указать на ее направление: от малых жанровых форм, сформировавшихся в классической литературе XIX в., к сложным малым и средним формам, сочетающим в себе жанровые и методологические особенности фольклорной, художественной, документальной, публицистической и эпистолярной литературы. Жанровая модель творчества Соколова-Микитова является неклассической, колебание объема и содержательности произведений наблюдаются на протяжении всего творческого пути автора.

Громова Полина Сергеевна
канд. филол. наук, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
кафедра филологических основ издательского дела и литературного творчества; ст. преподаватель

А. А. Гусева (Москва)

Внутренняя форма письма как внутренняя форма языка: проблемы грекофильской переводческой традиции Средних веков

Медиевистам часто приходится сталкиваться с проблемой пословного перевода. Но это только вершина айсберга. Обыкновенно считается, что легче всего воспринимается лексический уровень, потом морфемный, синтаксический, и только потом графический.

Современное языковедение предполагает некоторую дискретность восприятия перевода, последовательность восприятия исследователем средневекового перевода (и читателем вообще) единиц, уровней и ярусов языка. В центре восприятия средневековой грамматики - об этом пишет, например, Августин Блаженный (напр., *De Dialectica*, 5, *De grammatica*, 1), - буквенно-фонетический облик слова. И это позволяет по-новому взглянуть на проблему пословных переводов.

Проблема перевода формы исходного языка остро стоит в текстах т. н. грекофильской традиции. Пословные переводы необходимы тогда, когда перевод внутренней формы – главная цель переводчика, вплетающего свой язык в сетку исходного (принципиально иной подход по сравнению с современными методами перевода). Отсюда межъязыковая метафрастичность как один из необходимых элементов переводческой техники.

Так дается импульс росту синонимических конструкций и моделей – межъязыковых, межвременных, графических (с диакритиками и семантическими графемами), морфемных, собственно грамматических. При этом синонимы в языковом сознании эпохи в первую очередь с разной степенью подобия выражают единый для исходного и переводящего языка смысл, при этом восприятие слова начинается с его внешнего, звукового или буквенного, облика.

Отсюда вторая важная черта философии грамматики грекофильской традиции – уподобление переводящего языка исходному по внутренней форме. В этом уподоблении заложена парадоксальная перверсивность: смысл становится внешним, а язык внутренним.

Понимание как понятность, каким оно видится сейчас, по сути исключается из опций перевода.

Так появляется своего рода инкультурация внутренней формы – она становится свидетельством и способом аргументации, подтверждающим истину. Происходит интересная вещь: с одной стороны, «греческое» - чужое, которое становится своим. С другой стороны – ясно видна необходимость использовать реалии, понятные реципиенту.

В этих условиях особенно легко происходит смена «грамматической истории» (которая начинается с письменности – с алфавитов). Грамматическая история, понятая как совокупность фактов грекофильской традиции, ведет за собой и принципы перевода, которые надо переводить так же, как и язык, текст, культуру, мир.

Для грекофильской традиции «другая грамматика» и, следовательно, другие переводческие принципы являются таким же важным маркером, как алфавит и система надстрочных знаков. С этой точки зрения можно говорить о кластере грекофильских христианских алфавитов, обладающих общими признаками, и вероятно, такие же кластеры можно «собрать» сквозь уровни и ярусы «грекофильских языков». И отчетливей всего эти кластеры видны именно в ситуации перевода как кульминации рефлексии о языке, где графическое, не являясь ни внешним, ни внутренним, становится как бы связкой – маркером, аргументом и доказательством истины.

В основе грекофильских переводов, как уже говорилось, лежат такие критерии точности, которые, казалось бы, не приводят к пониманию. Но тем не менее переводчики армянской грекофильской школы стремились текст сделать «армянским», родным и понятным по сути, как стремились его сделать понятным, например, грекофильские переводчики Ареопагитик: работавший двадцать лет над переводом корпуса инок Исайя, Евфимий Чудовский, Паисий Величковский.

Поиски внутренней формы в конце концов приводят к парадоксу того, что стоит за языком - и каждый раз это путь к пониманию, продумывание своего способа высказывания о мире и своего места в нем, это путь к апологетике обретенного мира.

Гусева Анна Андреевна
Институт философии РАН
м.н.с., к.филос.н.

С. М. Евграфова (Москва)

Заметки об устной форме научно-популярного дискурса

Необходимость популяризации научного знания – одна из самых заметных тенденций современной цивилизации, вызванная необходимостью уравновесить сверхузкую специализацию профессионального научного знания. Стилиевое и жанровое разнообразие научно-популярного дискурса очень велико, что позволяет задуматься над особенностями бытующих стилей и жанров и над использованием различных приемов адаптации сложного материала.

Учебные лекции. Мода на дистанционное обучение привела к появлению в интернет-пространстве большого количества обычных учебных лекций, многие из которых читают замечательные преподаватели (лекции по нейропсихологии Т.В. Ахутиной на канале МГППУ и проч.), но это жанр учебно-научной, а не научно-популярной речи.

Просвещение профанов. Мода на устные научно-популярные выступления порождена успехом тэдовских лекций (ted.com); это риторически подготовленные, заученные наизусть, разыгранные как актерский этюд выступления в обязательном сопровождении иллюстраций-слайдов. Основная цель – сообщение профессионально не подготовленной аудитории неумолимой порции важной, но развлекательной информации по теме, интересующей широкую публику (секреты счастья, различия в цветах кожи, влияние школьного обучения на креативность и проч.). Формат сообщения – от 15 до 20 минут, условие – отказ от использования специальной терминологии; смешные слайды, шутки и политические аллюзии приветствуются. Такие мини-лекции – это презентация темы и – в меньшей степени – эксперта.

В России наиболее близкой просветительской формой являются короткие сюжеты по 10–12 минут (портал «ПостНаука» и под.): специалист-эксперт, приглашенный журналистами, рассказывает на камеру сюжет по актуальной, но не «популистской» теме. Выступления являются подготовленными, но не заучиваются наизусть и не разыгрываются как актерский этюд (допустимы паузы хезитации, самоисправления и комментарии); никакие иллюстрации не предусмотрены; шутки и политические аллюзии немислимы. Такие видеосюжеты отвечают на вопрос «А что такое X?» (невербальная семиотика, вариативность пунктуации и т. п.).

Борьба за интеллект широкой публики. В России в медиапространстве долго господствовала лженаука, наряду с проблемами уфологии трактующая области традиционного научного знания (историю, антропологию, лингвистику). Необходимость серьезного просвещения наивного обывателя создала традицию приглашать серьезных ученых-экспертов читать популярные лекции.

Формат такой лекции – привычные вузовскому преподавателю 2 академических часа (чтобы раскрыть заявленную тему, ученые могут предлагать серии из двух-трех взаимосвязанных лекций). Выбор темы – за ученым; элементы нарочитой развлекательности исключены. Лектор сам определяет форму презентации материала и уровень речевой сложности своего выступления (обычно ориентируются на частично подготовленного слушателя и потенциальную оценку коллег-профессионалов: термины не исключаются и не всегда объясняются).

Для слушателя важен авторитет эксперта и сам факт участия в *правильном* мероприятии (когнитивная активность подменяется социальной; создаются благоприятные условия для не критического восприятия информации). Аттрактивную функцию выполняют и темы лекций – далекие от быта, дискуссионные (антропогенез, молекулярная генетика, «Слово о полку Игореве»), и сами лекторы. Соответственно, возрастает значимость фигуры рассказчика, его индивидуальная манера общения с аудиторией, оценки, которые он дает сообщаемым фактам.

На материале ряда лекций анализируется информационная насыщенность и способы облегчения восприятия сложного материала, используемые различными лекторами.

Евграфова Светлана Маратовна
к. филол. н., доцент кафедры русского языка РГГУ

Н. С. Журавлева (Челябинск)

Между историей и литературой: образ уральского города в хронике В. Катаева «Время, вперед!»

Благодаря «антропологическому повороту» второй половины XX столетия в гуманитарной науке зародилось представление о том, что выявление исторической истины возможно посредством культуры и искусства. Возник устойчивый интерес к литературному тексту как историческому источнику. Сторонники «новой культурной истории» даже полагают, что у литературы больше возможностей реконструировать прошлое, чем у самой истории. Литературный нарратив есть документированное выражение духовной истории страны. Литература выступала одним из механизмов трансляции образов в культурной памяти общества. Особенно это справедливо в отношении советского социума с высокой читательской потребностью вследствие провозглашения чтения основной формой политического самообразования. Призыв М. Горького познавать новую социалистическую действительность и стремиться к ее освоению художественным словом был подхвачен В. Катаевым. В 1931 г. писатель две недели провел на Урале, в Магнитогорске. Образ края, традиционно воспринимаемый пришлыми людьми как кладезь природных богатств, для него приобрел иные символические значения. Это не просто граница между Европой и Азией, а воплощение движения «бешеным темпом на Восток» с целью распространить революцию и социализм, под которым большевики подразумевали высокоиндустриальное общество. Магнитогорск воплощал пространство вариантов для многих групп населения, лишенных до революции потенциала для социальной мобильности: крестьяне, женщины, нерусские народы. Будущий завод-гигант олицетворял перемены в государстве, переживающем модернизацию. Этот уральский город выступал образцом искусственной среды обитания

человека, преобразовавшего природу и подчинившего ее себе. Эта «стройка века» привлекла внимание всего мира, пораженного масштабами и темпами строительства, развернувшимся по всему Советскому Союзу. Концепт «время» проходит через все сочинение: герои часто смотрят на часы, спешат на работу, торопятся победить в соцсоревновании с Харьковом. Иногда счет идет на часы и минуты. Специфика хроники как жанра заключена в изображении самого хода времени, а не переживаний и конфликтов людей. Даже диалоги героев кратки и отрывисты, как будто они дозируют время, не желая тратить его впустую. Таким образом, хронику В. Катаева «Время, вперед!» можно причислить к историческим источникам, отражавшим дискурс 1930-х гг., однако с учетом литературно-художественной специфики: вымышленность персонажей, типизация их черт, олицетворения, метафоры и др. В этом смысле расположение хроники на грани между литературой и историей существенно расширяет границы репрезентации эпохи становления Советского Союза, позволяя реконструировать не только событийный ряд, но и «дух времени».

Нелли Сергеевна Журавлева
кандидат исторических наук, доцент
Национально-исследовательского Южно-Уральского государственного университета

О. В. Закутняя (Москва)

Средства художественной выразительности в современных научно-популярных текстах: особенности функционирования (когнитивный аспект)

Предпринята попытка исследовать особенности поэтики научно-популярных текстов, взятые в аспекте их когнитивной функции.

Специфичность текстов научно-популярных статей и книг, по нашему мнению, определяется их своеобразным генезисом — говоря образно, «двойным происхождением». С одной стороны, научно-популярная статья — это полноценный публицистический текст, для которого справедливы те же композиционные и стилистические особенности, что и для других журналистских текстов. С другой стороны, научно-популярные статьи и книги представляют собой следующую степень упрощения научного дискурса, главная особенность которого — ориентация на познание окружающего мира с использованием специальных средств и методов, характерных, прежде всего, для естественных наук.

Таким образом, с одной («научной») стороны, в построении текста «участвуют» тема, специфические термины и своеобразная «модель мира», определяющая, в конечном счете, главный «сюжет» произведения. С другой же, «литературной», стороны, не менее важны те методы создания образности, которые широко используются в художественной литературе и публицистике.

Исходя из этого можно предположить, что в научно-популярных текстах происходит попытка исследования естественнонаучной проблематики средствами литературы. Нашей задачей было определить, насколько в этом участвуют средства художественной

выразительности, какие специальные функции они могут выполнять в научно-популярном тексте, попытаться понять, где пролегает граница между научным фактом и его описанием.

В качестве материала для исследования используются статьи, написанные для научно-популярных журналов «Вокруг света», «В мире науки», «Наука и жизнь», а также ряда научно-популярных книг. Предпочтение отдавалось книгам и статьям с более ярко выраженной художественной составляющей: статьям-«историям» (термин из журналистской практики), книгам, приближенным к научной фантастике, а также частично научной фантастике.

Закутняя Ольга Валерьевна
к.ф.н. (аспирантура факультета журналистики
МГУ им. М.В. Ломоносова), место работы — Институт космических
исследований РАН (пресс-служба, редактор)

Анна А. Зализняк (Москва)

«Маргинальная» составляющая в семантике дискурсивных слов

Значение целого ряда русских дискурсивных слов формируется на основе представления о «границе» или «крае» некоторого условного пространства: *только, лишь, всего лишь, кроме того, включая, исключая, в крайнем случае, по крайней мере* и др. (см. в частности Киселева, Пайар 1998, Баранов 1998). Предметом настоящего рассмотрения будет предлог *кроме* и образованные с его помощью дискурсивные слова. Предлог *кроме* восходит к др.-русск. форме местного падежа от существительного *крома* «край»; в др.-русском предлог *кромѣ* означал: «за исключением», «из», «вне», «против»; это слово употреблялось также как наречие со значением «прочь», «в сторону», «в стороне», «вдали» (Срезневский 1989: 1328-29).

Слово *кроме* устанавливает некую границу, отделяющую упомянутый объект от множества других объектов – на том основании, что он не обладает некоторым свойством. Так, например, фраза *Кроме Пети, все ученики решили эту задачу* означает: ‘все ученики класса решили задачу; Петя, будучи также учеником данного класса, задачу не решил’. Однако можно также сказать *Кроме Пети, задачу решили Вася и Коля*, и это будет означать, что Петя, так же, как Вася и Коля, задачу решил – тем самым Петя не исключается, а наоборот, причисляется к множеству учеников, обладающих утверждаемым свойством.

Слово *кроме*, таким образом, имеет два значения. Обозначим их *кроме 1* (= за исключением <чего-л.>) и *кроме 2* (= помимо <чего-л.>). При этом значения 1 и 2 в некотором смысле противоположны. Действительно, *Все было съедено, кроме* (= за исключением) *десерта* означает, что десерт не был съеден – в отличие от чего-то другого, а *Кроме* (= помимо) *десерта были съедены еще и фрукты* – наоборот, что десерт был съеден – так же, как и что-то другое. В терминах классификации логико-семантических

отношений между фрагментами текста, соединяемыми коннектором, в первом случае это будет отношение исключения из множества, во втором – включения.

За счет чего возникает такая противоположность?

Ключ к решению загадки совмещения в слове *кроме* двух в некотором смысле противоположных значений состоит в употреблении кванторного слова *все/всё*, которое может находиться как перед, так и после предложной группы с *кроме*, ср.: *Кроме Пети, все решили задачу; Все кроме Пети решили задачу; Кроме десерта всё было съедено; Было съедено всё кроме десерта*. Дело в том, что при наличии в предложении этого кванторного слова оператор *кроме* исключает вводимый им объект из сферы действия этого квантора, и субъектом при предикате оказывается построенное таким образом множество «*все минус X*», т.е. предложение с *кроме 1* (независимо от положения квантора *все*) имеет логическую структуру: $S(\text{все кроме Пети}) P(\text{решили эту задачу})$. Аналогичная операция имеет место при наличии отрицательного кванторного слова *никто/ничто*, которое задает множество объектов (из одного элемента) «*никто плюс X*». Логическую структуру предложения *Никто кроме Пети не решил эту задачу* можно представить следующим образом: $S(\text{никто кроме Пети}) P(\text{решил эту задачу})$.

При отсутствии при предложной группе с *кроме* слов *все* или *никто* (*Кроме Пети эту задачу решили Вася и Коля; Кроме десерта были съедены еще и фрукты*) реализуется иная концептуальная схема: слово *кроме* проводит границу между объектами, про которые уже известно, что они обладают упомянутым свойством (*Петя; десерт*), и теми, о которых это сообщается (*Вася и Коля; фрукты*). *Кроме 2* соединяет две отдельные пропозиции: $P1(\text{Петя решил задачу}); P2(\text{Вася и Коля решили задачу})$, при этом первая имеет статус данного, а вторая – нового. Таким образом, путь семантической деривации от значения 1 к значению 2 состоит в том, что «граница» переносится на уровень коммуникативной организации высказывания.

Следующий шаг семантической деривации представляет дискурсивная единица *кроме того, что*, использующая модель *кроме 2*, ср.:

Дуня, **кроме того что** девушка умная, – в то же время и существо благородное, как ангел;

Однако коммуникативная иерархия может утрачиваться: пропозиция, вводимая единицей *кроме того, что* может содержать не менее, а даже более важную информацию, чем главное предложение, ср.:

Рюхин *ничего не* понял из слов доктора, **кроме того, что** дела Ивана Николаевича, видно, плоховаты;

А у меня *нет* других доказательств, **кроме того, что** я люблю...

Постпозиция *кроме того, что* возможна только при условии наличия отрицания. Главное предложение обязательно содержит отрицание. А единица *кроме как* используется исключительно в отрицательных контекстах:

Никто не смел войти ко мне, **кроме как** в определенный час убрать комнату и принести мне обедать.

Наконец, крайней точкой этой цепи последовательной эмансипации «изгнанного за пределы» элемента является единица *кроме того*, которая вводит полноценное отдельное

предложение, связанное с предыдущим лишь опосредованно (через соотнесение с некоторой третьей ситуацией – ср. анализ этой единицы в Рудницкая 1998), ср.:

Жалованье было хоть и больше прежнего, но жизнь была дороже; **кроме того**, умерло двое детей, и потому семейная жизнь стала еще неприятнее для Ивана Ильича.

Литература

- Баранов А. Н. Внутренняя форма как фактор организации значения дискурсивных слов // Труды международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Казань, 1998.
Киселева К., Пайар Д. (ред.) Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998.
Рудницкая Е.Л. КРОМЕ ТОГО, или ОТДЕЛЬНОЕ ДОБАВЛЕНИЕ // Киселева, Пайар 1998. С. 262-267.
Срезневский И. И. Материалы к словарю древнерусского языка. В 3-х тт. М., 1994.

Анна Андреевна Зализняк
доктор филол. наук, г.н.с. Института языкознания РАН

Т. С. Зевахина (Москва)

Про Веничку: по страницам «Записных книжек» Венедикта Ерофеева

Веничка из поэмы «Москва-Петушки» и автор «Записных книжек» писатель Венедикт Васильевич Ерофеев – одно и то же лицо. Остроумные, провокационные, бесшабашные заметки писателя делают Ерофеева весёлым собеседником заинтересованного читателя. Люди, «лишённые игровых начал и дара мистификации», ему не интересны. «Я тебя не выношу, когда ты не забавный», – говорит Веничка своему другу Игорю Авдиеву.

Какой же сам Веничка и чем он живет? У него нежная и ранимая душа. Он пишет: «Ах, господа, вы даже представить себе не можете до какой степени уязвлены были мои человеческие чувства». Он – отшельник («Как Родион. Все бегут по лестнице вверх и вниз. Эй, держись! А тут одно – как бы тебя не заметили»), но без восхищенных слушателей жить не может: сначала это однокурсники с филологического факультета МГУ, потом девушки из провинциальных вузов, а после писательского триумфа знаменитой поэмы в его окружении – представители московской богемы.

Как Веничка относится к трезвому образу жизни? Отрицательно. Спотыкаемся в его дневнике о «хронику величайшего из запоев» (записи 8 августа – 13 сентября 1972 г). Как и герой поэмы «Москва-Петушки», автор «Записных книжек» за каждый день перечисляет напитки и тех, кто их употребляет вместе с ним. (Причем даёт полное название напитков, а представителей весёлых компаний записывает инициалами: так 18 августа – Английский джин, шотландское виски, алжирское, за 3.62, экстра, рымникское; 11 сентября – Одеколон «Свежесть», одеколон «Жасмин», одеколон «Фиалка»; 13 сентября – Болгарское сухое; 14 сентября - ничего). Веничка восклицает: «Когда тебя с похмелья лихорадит, помни – от лихорадки умер Александр Македонский!».

Как относятся к Веничке его начальники на работе? Веничка протоколирует слова секретаря комсомола строительного треста: «Когда я вижу молодого здорового человека, который только тем и занимается, что хлещет водку и проповедует какое-то человеконенавистничество», я теряю веру в наше светлое будущее. Веничка, одиночка, в социальной и политической жизни идет против течения, вставляя немало шпилек в адрес советских функционеров.

А что для Венички женщины? Они для него нежнейшие существа, и сам он в их обществе становится мягким, покладистым, отмечая «жмусь к ней, как к голубь к карнизу».

Как относится Веничка к детям? О своем первенце он с нежностью пишет: «Мальчик знал только букву «Ю». По воспоминаниям его сестры Нины Васильевны Фроловой, «когда на свое двадцатилетие Веничка приехал к ним в гости в город Славянск и увидел свою маленькую племянницу Маришу, которая только что начала ходить, он затеял с ней такую игру: показывал на её щечки и говорил «ланиты», показывал на ее грудь и говорил «перси».

Что думал он о своем творчестве? «Мал мой каботаж. Но, как говорят поморы, «иду своим каботажем», – замечает Веничка. В этом его скромность. А скромнен ли он? Ведь Веничка не был бы Веничкой, если бы не сказал: «Какого влияния я хочу? Чтобы «моё влияние» было в расширении души человеческой, чтобы душа была нежнее, чтобы у неё было больше уха, больше ноздри. И – больше в сущности ничего не хочу».

Как Веничка слушает музыку? Читаем запись от 13 марта 1957 г.: «Невыносимо тоскливо. Наверное, оттого, что вчера весь вечер слушал Равеля». Это перекликается с его выписками из Аполлона Григорьева о Фете 40-х гг.: «Я не знал человека, которого бы так душила тоска» (запись в Абрамцеве, апрель 1975 г.).

Каков Веничка как стилист? Он с легкостью переходит с иронично-высокого стиля («Я проснулся и вынужден был оставить вдохновенное своё ложе») к грубо низкому («Он меня ущемляет! Он вёл себя, он причинял, наносил, дерзнул»).

Каким видел Веничка будущее России? По свидетельству Игоря Авдиева, в дневнике 1990 г. Веничка записал: «Россия ничему не радуется, да и печали, в сущности, нет ни в ком. Она скорее в ожидании какой-то, пока еще неотчетливо какой, но грандиозной скверны; скорее всего, возвращения к прежним паскудствам». Увы, он предсказал не лучезарное существование страны.

Венедикт Ерофеев (1938-1990) вел свои дневники со студенческих лет до самых последних дней жизни, практически не пропуская ни одного дня. Как вспоминает его сестра Нина Васильевна Фролова: «Венка всегда носил с собой блокнот». Первым публикатором записных книжек Ерофеева был его ближайший друг – Игорь Авдиев. Кроме того, в издательстве «Захаров» вышли два тома его «Записных книжек» в 2005 и 2007 году. Они охватывают 18 лет жизни писателя. В настоящее время издательство «Азбука» планирует издать ещё два тома «Записных книжек», ранее не публиковавшихся.

Татьяна Сергеевна Зевахина
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
кафедра теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ

Е. В. Зименко, М. В. Ленчиненко (Москва)

Письмо, просьба, требование: Библиотека Московского университета и ее читатели в 1917–1920 гг.

Комплекс архивных документов, отложившийся в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, содержит немало документов, относящихся к дважды юбилейному 1917 году и связанных с историей библиотеки в драматический период первых послереволюционных лет.

Разного рода записки читателей (письма, объяснительные записки, заявления, требования), адресованные сотрудникам библиотеки, чрезвычайно интересны для исследования, поскольку такого рода материалы не имеют строго определенной структуры и отражают индивидуальную манеру авторов, а кроме того, позволяют увидеть, как менялись темы, тональность документов, стилистическая окраска.

Период 1917–1920 гг. интересен еще и тем, что, с одной стороны, сложившаяся университетская культура пытается сохранить себя в условиях резкого социального перелома, а с другой – новая реальность грубо вторгается в этот сложившийся уклад. Такой конфликт, который нам хорошо известен по художественной литературе (профессор Преображенский – Шариков), не в меньшей степени проявляется в отношениях библиотекарь – читатель.

В рамках традиционной университетской культуры позиции расставлены следующим образом: библиотека и университет – это центр, читатель – периферия, о чем свидетельствуют тексты документов. В них сохраняются принятые формы обращений и другие обороты («Милостивый Государь», «имею честь заявить», «покорнейше прошу», «решаюсь Вас беспокоить», «Примите уверение в совершенной преданности Вам» и др.). При этом можно отметить, что авторы записок рассчитывают на естественное внимание сотрудников библиотеки к их просьбам, иногда довольно необычным. Так, приват-доцент Н.П. Грацианский, историк-медиевист, уехавший в глухую провинцию, просил библиотекаря изъять из сданной книги забытые им рукописные заметки, которые он собирался впоследствии опубликовать. Его тревожило, что плодами его труда может кто-то воспользоваться: «Вот почему я и решаюсь Вас беспокоить своею просьбою. Прилагаю на всякий случай марки для пересылки записей».

На довольно распространенную ситуацию, когда читатель не может вовремя вернуть библиотечную книгу, накладываются революционные и другие события (кто-то был вынужден «экстренно оставить Москву», кого-то «уплотнили», кто-то оказался в германском плену). Но и это не отменяет ощущения того, что читатель все равно провинился перед библиотекой. Запискам свойственна тональность извинения.

Полным диссонансом звучат записки другой группы – читателей, которых привела в библиотеку Московского университета Октябрьская революция. Надо отметить, что и до событий Октября университет отличался духом демократизма, а его библиотека со дня ее основания была первой публичной библиотекой Москвы. Тем не менее, посторонние читатели всегда принимали правила, установленные библиотекой в соответствии с ее уставом. Однако революция породила новый тип читателя. Для него не существуют не только правила библиотеки, но и формулы вежливости – он разговаривает на языке требований и приказов. Требования могут быть переданы в библиотеку на бланке НКВД, заполненном красными чернилами, со списком нужной литературы, которую приказано прислать с предьявителем этого бланка.

Крайний случай подобного общения читателя с библиотекой – история, произошедшая в 1919 г. с членом Коллегии Наркомюста, заведующим VIII отделением (по отделению Церкви от Государства) Петром Ананьевичем Красиковым – известным революционером, чье имя до сих пор продолжают носить улицы некоторых городов. Требуя книгу К. Каутского «Античный мир. Иудейство и христианство», которая была на руках у другого читателя, он приказал послать тому телеграмму, угрожая, что иначе потребует ее через ЧК. При этом он позволял себе грубую брань в адрес библиотекаря. На замечание заведующего читальным залом «о перемене тона, как не приличествующего в стенах Библиотеки», Красиков ответил «истерическими выкриками». Покидая библиотеку, он заявил, что ее необходимо «проветрить», а «всех, кто не за коммунизм и за Советскую власть – вон».

Соотношение «библиотека – читатель» изменило свой вектор: теперь читатель почувствовал, что библиотека обязана ему, и поэтому вел себя как хотел. За это «смутное время» библиотека лишилась множества книг. Библиотекарь Ф. Пыжевич докладывал начальству в 1920 г.: «За последнее время из Читального зала происходит исчезновение книг в большом количестве. Это исчезновение с каждым днем прогрессирует и, если дело пойдет так и далее, то при наблюдающемся ныне книжном голоде, чрез некоторой срок читальный зал рискует оказаться совершенно без книг».

Как мы видим, пропадали не только калоши из парадного, на что жаловался профессор Преображенский. И он был совершенно прав, говоря о «разрухе в головах людей», чему мы находим подтверждение в записках, адресованных Библиотеке Московского университета.

Елена Владиславовна Зименко
Руководитель сектора изоматериалов Научной библиотеки МГУ
имени М.В. Ломоносова

Марина Владиславовна Ленчиненко
заведующая сектором частных коллекций Научной библиотеки МГУ
имени М.В. Ломоносова

Е. Н. Зарецкая (Москва)

Своеобразие языка и культуры племени пираха и попытка его интерпретации

На Амазонке живет малочисленное племя пираха (около 300 человек), язык которого отличается редким своеобразием.^[2]

Этому языку свойственно:

- отсутствие категории времени в глаголе;
- отсутствие числительных и лексических аналогов категории количества;
- отсутствие пассивных конструкций;
- отсутствие дизъюнкции, т.е. альтернатив восприятия действительности;
- невозможность описания чего бы то ни было, находящегося вне поля зрения говорящего в момент речи;
- неразличение понятий *лево*, *право*;
- фактическая невозможность называния цвета;
- отсутствие рекурсии в толковании Н. Хомского;
- и пр.

Жителей этого племени отличает также непривычная модель поведения, например:

- прерывный сон;
- отсутствие персональной специализации деятельности (все делают всё);
- фактическая невыраженность ритуальных феноменов (раскраски тела, рисунков, танцев, песен);
- и пр.

В докладе сделана осторожная попытка психо-лингвистической интерпретации некоторых особенностей языка и поведения племени пираха.

Зарецкая Елена Наумовна
Доктор филологических наук, профессор
РАНХиГС при Президенте РФ
Зав. Кафедрой социально-гуманитарных дисциплин

Ю. И. Ибраева (Москва)

«Об ином ни о чем я вам писать не имею токмо известую...» Семейная переписка в контексте эпохи (по материалам семейной переписки Меншиковых)

До настоящего времени семейная переписка первой четверти XVIII века остается одним из самых не востребовавшихся исторических источников, вследствие того, что ее информативные возможности по вопросам политической и экономической истории оказываются весьма ограниченными, а также из-за присущей этому жанру субъективности. Однако письма являются ценнейшим источником для исследований в рамках таких активно развивающихся междисциплинарных направлений, как история семьи, история детства, история понятий, интеллектуальная история, история эмоций, история телесности.

Увеличение мобильности дворян в результате петровской модернизации привело к тому, что переписка стала единственно возможным способом поддержания постоянной родственной коммуникации. В письмах, адресованных ближайшим родственникам и домочадцам, содержатся сведения о человеческой каждодневности в контексте эпохи. Семейная переписка позволяет составить представление о восприятии тех или иных исторических событий обществом, и о тех свойствах исторических личностей, которые не проявляются в публичном пространстве.

Уникальную возможность оценить с этой точки зрения информационный потенциал семейного архива первой четверти XVIII в. предоставляет анализ семейной переписки Александра Даниловича Меншикова, хранящейся в РГАДА. Семейный архив князя Меншикова обширен, хотя и недостаточно исследован. Семейная переписка Александра Даниловича с женой и детьми за период с 1706 по 1727 гг., являющаяся только частью этого комплекса материалов, насчитывает почти 500 неопубликованных документов.

Письма князя Меншикова и его близких позволяют осмыслить содержание новых «норм» организации быта, воспитания наследников, распределения власти и обязанностей в семье.

Корреспонденция Меншиковых содержит свидетельства, могущие пролить свет на реальные изменения повседневных практик, иерархию семейных и личных ценностей, систему домашнего воспитания, способы социализации наследников. Она позволяет судить и об изменениях, происходящих в языке, и о развитии эпистолярного жанра (значительный объем сохранившейся семейной корреспонденции – явление неординарное для начала XVIII века).

Анализ семейной переписки князя Меншикова показывает, что в первой четверти XVIII века модернизация затронула все составляющие повседневности, и в жизни представителей ближайшего окружения царя-реформатора не было сфер, не испытывающих прямого давления власти.

Конечно же, семейная переписка одной, тем более исключительной фамилии, не является репрезентативным источником для изучения частной жизни всего российского дворянства. Но исследование эпистолярного наследия семьи Меншиковых дает представление о том, как шел процесс европеизации частного пространства верхушки дворянского общества, каким образом семья, отвечавшая за воспроизведение привычного уклада и нравственных ценностей, социализацию наследников, под давлением государства находила компромисс между привычным, традиционным, и новым, чужим.

О. А. Казакевич (Москва)

«Иногда мне кажется, что я помню весь XX век...» (Семейные предания, определяющие жизнь)

В докладе речь пойдет об одном фрагменте воспоминаний Валерии Михайловны Герлин (1929–2012), школьного учителя русского языка и литературы, дочери расстрелянного чекиста, жены поэта, писателя и между прочим тоже школьного учителя Юрия Айхенвальда.^[8] Это очень важный для рассказчицы фрагмент, он посвящен истокам, тому, что было задолго до ее рождения, что было известно ей по семейным преданиям, но что воспринимается и описывается ею не менее ярко, чем события, свидетельницей которых она была сама. Об этом говорит и вступление к рассказу об истоках: «Я как-то сейчас считаю, что я помню весь XX-й век, что конечно, не правда, но мне так кажется. Мне даже кажется, что я помню не только весь XX-й, а не меньше, чем полтора века».

Истоком своего мироощущения и основных жизненных ценностей рассказчица называет народничество: «Дело в том, что мои родители, их друзья ближайшие и все, кто потом (а их было немало) меня воспитывали, произошли, что называется, из одного корня. Это был дом в Киеве. Дом, домик-развалюха с садом, стоял на Жилинской улице и принадлежал одной совершенно замечательной женщине, которая вернулась после сибирской ссылки за свои, так сказать, революционно-народнические убеждения и действия. У нее там умер муж в этой ссылке. Где-то в начале века, в 10-ые годы <...> ее дом оказался местом, где помогали и куда принимали всех нуждающихся, гонимых, несчастных – всех, кому нужна была помощь. <...> Звали эту женщину Александра Андреевна Годзевич, а все ее питомцы (их было много <...>) называли ее Матуня (мать это по-украински)». Она была украинкой, прекрасно говорила по-русски, а коллектив ее, те, кого она опекала, был абсолютно интернациональный: евреи, украинцы, поляки, русские – это главным образом, но были и немцы, были еще бог знает кто там, вот. В основном это было студенчество революционно-настроенное, часто там бывали всякого рода нелегалы, их тоже там прятали. Если кому-то надо было помочь (в смысле материальном), то скидывались последними грошами (все были бедные). Во всяком случае, все это было на каком-то хорошем человеческом запале, на хорошем человеческом уровне». На Жилинке встретились и познакомились родители рассказчицы, ее будущие опекуны и много еще замечательных, ярких и талантливых людей.

Интересно, что к Жилинке имел некоторое отношение писатель Василий Гроссман. Когда ему было лет 9, на Жилинку его водила тетя Надежда Алмаз. Впоследствии Гроссман описал Жилинку и ее жителей, сначала иронически в своем первом романе «Степан Кольчугин», а потом героически в романе «За правое дело».

Образ Жилинки в рассказах родителей и их друзей во многом определил жизненные приоритеты рассказчицы: «Вот их друзья – это была Жилинка, и их вот сообщество Жилинское, их молодость, их вполне революционные устремления – это вошло в меня, видимо, никуда не делось. Ну вот, мы, я и, пожалуй, мое поколение, мое окружение были

воспитаны на этом чувстве. <...> Я очень рано почувствовала, что самое главное в жизни – это друзья».

Московская квартира Валерии Михайловны и Юрия Александровича, всегда полная друзей (в том числе их бывших учеников), стала по сути неосознанным воплощением образа Жилинки Валерии Михайловны. Жаль, что это пришло мне в голову только сейчас, и я не успела ей об этом сказать.

Казакевич Ольга Анатольевна
к. филол. н., зав.лаб., НИВЦ МГУ

В. Н.Калиновская, О. А.Старовойтова (Санкт-Петербург)

Эго-документальное наследие А.С.Пушкина и развитие русского национального словаря^[9]

Важность изучения «эго-документов» XIX в. как источника для истории русского языка обусловлена их местом в общем объеме текстового материала эпохи и значимостью для русской культуры в целом. Изучение этих текстов позволит решить один из самых актуальных для истории русского языка XIX в. вопрос о взаимоотношении литературного языка и разговорной речи, а также реконструировать последнюю с достаточно высокой степенью надежности. В связи с этим представляется уместным обращение к анализу того пласта творческого наследия А.С. Пушкина, которое носит название «эго-документ».

В вопросе влияния языка писателя на язык его современников и последующее развитие литературного языка особое место традиционно отводят новациям писателя, вошедшим затем в общее употребление. Среди лексических и семантических новаций XIX в., которые, на наш взгляд, являются когнитивно значимыми для развития литературного языка и отчасти имеют непосредственные истоки в той идеологической и эстетической парадигме, которую задал А.С. Пушкин в первой трети XIX в., значительную роль играет лексика, связанная с литературной деятельностью, приобретшей в этот период характер профессионального дела.

Такой яркой новацией в этом ряду является прилагательное *альманашный* (не зафиксировано в толковых словарях), которое могло употребляться в прямом значении: *альманашные дома*, однако пушкинское употребление характеризуется тем, что прилагательное приобретает качественное значение с явным признаком оценочности: *альманашная грязь*, что носит системный характер, отвечая общей тенденции развития коннотативных значений у относительных прилагательных. В то же время нельзя утверждать, что процесс формальной и семантической деривации в данном случае был однозначным: отрицательная коннотация у прилагательного может быть обусловлена не только фактором лексической сочетаемости, но мотивирована другой лексической новацией — *альманашник*. О ее актуальности говорит высокая частотность употребления лексемы (новация XIX в.; в словарях не фиксируется) в статьях и письмах, свидетельствующих о пристрастном отношении Пушкина к этому слову и понятию, стоящему за ним. Активная журнальная (альманашная) деятельность писателей привела к созданию своеобразного профессионального жаргонизма, характеризующего непринужденную речь писательской среды.

Оказавшись в русле активных словообразовательных и семантических процессов, характеризующих динамично развивающийся русский язык XIX в., пушкинское производное от антропонима Байрон (*байроничать*, новация XIX в.; новация А.С. Пушкина; в словарях не фиксируется) органично вписалось в систему языка, войдя в состав словообразовательного гнезда. Используя новообразование *байронический*, А.С. Пушкин и его современники через прецедентные имена делали русскую литературу частью мирового литературного процесса; динамика сочетаемости (*байроническая поэма/поэзия* → *байроническая природа*; *байронический колорит* и др.) служит иллюстрацией отражения в языковых формах соответствующей культурной парадигмы.

Словоупотребление А.С. Пушкина демонстрирует актуальность и значимость рассмотренных лексем в культурной парадигме эпохи. Принадлежность представленной лексики к определенному дискурсу (литературная полемика, критика) заставляет оценивать ее с точки зрения «идеологической нормы» первой трети XIX века, что непременно должно быть отражено при семантизации подобных новаций в лексикографии.

Валентина Николаевна Калиновская
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института лингвистических исследований РАН.

Ольга Альбертовна Старовойтова
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
Санкт-Петербургского государственного университета

А. Е. Каменская (Тверь)

Текст и контекст: несуществующая граница

Вот уже не одно десятилетие отечественная (и не только отечественная) филология отчаянно вырывается и не может вырваться из-под тотального доминирования структуралистских методов анализа текста. Вот уже не одно десятилетие говорится о кризисе существующей филологической методологии. Появляются робкие попытки проведения дискурс-анализа, однако и они, по сути, не выходят за рамки привычного структуралистского разбора тех или иных элементов текста. А между тем, пафос структурализма, заключающийся в стремлении сделать из филологии точную науку, оправдывает себя лишь при анализе некоторых, очень немногочисленных текстов. При всей кажущейся научной строгости структуралистского подхода к анализу текста, этот подход скорее не приближает нас к действительной структуре текста, но удаляет от неё, давая огромное пространство для измышлений.

Более того, такой подход, отрицающий важность и нужность контекста, лишает некоторые жанры и типы литературы их основных жанровых свойств. Например, вся литература факта, все дневники, мемуары и воспоминания при таком подходе будут принципиально не понятой литературой, т. к. именно особое соотношение текста и контекста является определяющим фактором для отнесения или не отнесения тех или иных произведений литературы к литературе факта.

Также и некоторые писатели, если рассматривать их произведения исключительно с позиций филологического структурализма, остаются писателями непонятыми. Одним из таких авторов, на наш взгляд, является польский классик Витольд Гомбрович. Гомбрович дебютировал в польской литературе в 1933 году как автор автобиографического текста —

«Дневник периода возмужания». Эту книгу часто определяют как «сборник безумных новелл». Потом были «Фердидурке», «Ивона, принцесса Бургундская», «Крыса», «Транс-Атлантик», «Венчание». Все эти тексты принесли Гомбровичу репутацию автора-интеллектуала, автора-комбинатора, которого надо расшифровывать, который склонен бесконечно играть с читателем. Так Гомбровича воспринимают и по сей день. Когда в пятидесятые годы появился его «Дневник», эта книга была воспринята как очередная игра, очередная пародия. Однако сам Гомбрович называл себя реалистом, а превыше всего ценил способность личности оставаться собой и непосредственно выражать себя. Даже в польском народе Гомбровича более всего удручает нежелание этого народа быть собой. Логично предположить, что в своих текстах (в первую очередь, в «Дневнике») Гомбрович старался не измыслить сложные текстовые конструкции, но максимально точно выразить свою личность.

Структуралистский анализ отделяет текст от автора, написавшего этот текст. Поэтому структуралистские расшифровки текстов Гомбровича так и останутся более или менее удачными расшифровками, пока мы не поймём, что за этими текстами стоит личность, говорящая на малопонятном нам языке. Поэтому Гомбровича правильнее рассматривать как феномен скорее антропологический, чем филологический. Нельзя вычленив один текст Гомбровича из Гомбровича и анализировать исключительно этот текст.

Таким образом, структуралистские техники незаменимы как один из инструментов анализа текста, однако интерпретации, выстроенные исключительно на результатах структуралистского анализа, уводят нас далеко от истины. Такие интерпретации лишают гуманитарные науки главного объекта изучения — человека.

Каменская Анастасия Евгеньевна
магистрант по специальности «Теоретическая культурология»
Тверской Государственный университет

А. В. Карпова (Москва)

Клуб мемуаристов группы Блумсбери: мемуары как способ общения

Группа Блумсбери – английское объединение интеллектуалов: писателей, художников, общественных деятелей, образовавшееся в Лондоне в начале XX века. Среди наиболее известных представителей группы можно назвать писателя Вирджинию Вулф, экономиста Джона Мейнарда Кейнса, художественного критика Роджера Фрая, писателя Эдварда Моргана Форстера. Группа Блумсбери, малоизвестная за пределами Великобритании, играла очень важную роль в культурной жизни Лондона. И сообщество в целом, и его отдельные члены оказали заметное влияние на становление модернистских принципов письма, на развитие английского постимпрессионизма в искусстве, на формирование новой экономической системы Великобритании.

Период наибольшей активности группы приходится на годы перед Первой мировой войной, однако с началом войны её деятельность не прекращается. Одной из форм деятельности её участников становится организованный ими Клуб мемуаристов.

Клуб мемуаристов просуществовал чуть больше сорока лет с 1920 по 1964. Изначально он состоял из 12 человек, к концу существования в нем насчитывалось примерно 18 человек. Все участники находились в близких дружеских или родственных отношениях. Клуб собирался несколько раз в год (обычно раз в квартал), два или три человека зачитывали подготовленные мемуары, после каждого выступления шло обсуждение услышанного.

Таким образом, к концу существования, по подсчетам С.П. Розенбаума, было прочитано в общей сложности около 120 мемуарных заметок, часть из которых на данный момент считается утерянной. Сохранилось примерно 80 заметок, большая часть которых все еще не опубликована.

Мемуары участников в основной своей массе были посвящены событиям, свидетелями которых были все или почти все члены клуба. Авторы не столько сообщали что-то новое, сколько искали подтверждения, пытались вовлечь своих коллег в процесс вспоминания. Можно предположить, что в таком случае процесс презентации текста для них был практически равноценен процессу его создания. Адресат получал мемуарный текст непосредственно от составителя в устной форме и имел возможность на этот текст ответить непосредственно или же написать собственный ответный текст, что практиковалось среди участников. Мемуарный текст, обычно по форме своей не предполагающий прямого ответа, в клубе становился связующим звеном, с помощью которого происходил как устный, так и письменный обмен информацией. Значимым кажется и тот факт, что участники Клуба избрали именно форму мемуаров для подобного общения, которая позволяла акцентировать внимание на каких-то отдельных жизненных эпизодах.

Изучение деятельности Клуба мемуаристов в коммуникативном аспекте кажется важной и интересной задачей, поскольку подобная форма написания и представления мемуарных текстов является необычной и маргинальной, не характерной обычно для мемуарного творчества.

Другая задача, также важная на сегодняшний день, заключается в том, чтобы очертить и типологически охарактеризовать мемуарное наследие участников группы Блумсбери. Значительная часть мемуаров до сих пор не опубликована и научно не описана.

Обе эти актуальные задачи взаимосвязаны и должны решаться совместно.

Карпова Александра Викторовна
аспирант, преподаватель Кафедры Теоретической и прикладной лингвистики
Института лингвистики Российского гуманитарного университета

А. Л. Касаткина (Москва)

Архетипическое в научном тексте: полемика о Марии Магдалине и исследования этой полемики

Психология обратилась к письменным источникам в самом начале своего существования. Всем известен фрейдовский анализ воспоминания Леонардо да Винчи и истории Моисея. Юнг делает объектами своих исследований тексты алхимиков и визионеров. Постъюнгианская психология рассматривает массовую культуру, сближаясь в этом с исследователями фольклора. Одна из постъюнгианских школ получила название «Архетипической психологии» по работам её основателя Джеймса Хиллмана, который продолжил исследование паттернов и закономерностей в личном и коллективном бессознательном. Книга Хиллмана, «Миф анализа», посвящена в том числе идее женской неполноценности в донаучных представлениях и научных теориях. Хиллман показывает, как эта идея неизменно присутствует в текстах, начиная с мифологического рассказа об Адаме и Еве, с текстов Аристотеля и Галена до теорий Фрейда. Создаётся картина того, как «архетипические уровни бессознательного вмешиваются в процесс построения теорий».

Инструментарий Джеймса Хиллмана, как представляется, приложим к самым разнообразным научным теориям в человеческой истории. Полемика начала XVI века о Марии Магдалине также может быть рассмотрена под ракурсом присутствия в ней архетипического уровня, что обогащает наше представление об участниках этой полемики и о самом процессе.

Инициатором дискуссии о Магдалине был профессор одного из парижских коллежей, гуманист Жак Лефевр д'Этапль, выпустивший в 1517 году трактат, в котором доказывалось, что культ Марии Магдалины сложился на основании евангельских текстов, повествующих, на самом деле, о трёх разных женщинах: Марии, называемой Магдалиной, из которой Иисус изгнал семь бесов, Марии из Вифании - сестры Марфы и Лазаря, и безымянной женщины, омывшей ноги Иисуса миром и получившей прощение грехов за свою любовь. Главным антагонистом Лефевра и защитником традиционного взгляда на Марию Магдалину, при котором евангельские эпизоды об этих женщинах объединялись в один образ, стал канцлер Кембриджского университета епископ Рочестерский, Джон Фишер.

То, что делает Лефевр в своём трактате, только отчасти имеет отношение к исторической действительности (вместо одного композитного образа три реально существовавшие женщины), в большей мере это вычленение из многообразной традиции, касающейся Марии Магдалины, элементов, принадлежащих одному архетипу. Фишер противопоставляет Магдалине Лефевра свой образ Магдалины и стоящий за ним архетип. В процессе полемики архетипические ассоциации вызывали у Лефевра и Фишера, разумеется, не только евангельские образы, обсуждавшиеся в связи с Марией Магдалиной: вся совокупность сознательных взглядов каждого из полемистов (как и любого человека вообще) пронизана отсылками к неосознаваемым нуминозным психическим сущностям. Можно дать им условное обозначение, можно сопоставить с известными мифологическими образами (так делает популярная психология), можно оставить в виде набора признаков, архетипическое будет воспринято любым читателем именно как таковое. Жак Лефевр и Джон Фишер придерживаются мало где пересекающихся, а во многом противоположных способов верить, думать и чувствовать. Теория Лефевра воспринимается как более современная не оттого, что она близка к современному научному взгляду на определённые евангельские фрагменты, а потому, что архетип, структурирующий текст Лефевра, структурирует научную мысль как таковую. Фишер, выражающий ценности другого архетипа, может предстать в наших глазах устарелым и вовсе ненаучным, несмотря на очевидные достоинства его метода. Анализ нескольких научных высказываний, суммирующих полемику о Магдалине, даёт представление о том, что бессознательный уровень восприятия текста сильно влияет на оценку, которую дают современные исследователи своим коллегам из прошлого.

Касаткина Анна Леонидовна
преподаватель кафедры классической филологии
Института Восточных Культур и Античности РГГУ

И. Б. Качинская (Москва)

ЭРОТИЗМЫ И ИХ ЭВФЕМИЗМЫ (по материалам архангельских говоров)

В народной культуре все, что связано с «телесным низом», может получать прямые названия, но может подвергаться эвфемизации. К области «телесного низа» обычно относят названия частей тела, связанных с половым актом и с деторождением; акты испражнения и мочеиспускания; менструации и половой акт. Эвфемизации подвергаются

далеко не все термины и акты. В докладе будут рассмотрены метафоры, заменяющие названия мужских и женских гениталий, а также направления метафоризации. Материал взят из богатейшей картотеки «Архангельского областного словаря» и из моих собственных полевых записей фольклорных и нефольклорных текстов. Фольклорные записи чаще всего представляют собой частушки «с картинками» (т.е. содержащие «неприличную» лексику), а также пословицы, поговорки и загадки. Например: *Банька кожана, дверца волосяна, один моется, двое колотятся*. Гораздо чаще эротические загадки имеют «невинную» отгадку: *Кабы не татина рогатина, заросла бы мамина мохнатина* (соха и земля).

Основных «прямых» названий половых органов не так много, от них имеется достаточно много словообразовательных и фонемных вариантов. Однако непристойное слово 1) может вовсе опускаться – и тогда на его месте появляется многозначительная пауза; 2) оно может заменяться местоимением и местоименным наречием (*она, самая, моя, твоя, всё, он, это, эво, куда, туда*), 3) существительным, практически не имеющим значения (*место, штучка*); 4) может указывать на принадлежность (*женское, женено, женское место, женственность; мужское, мужство*); 5) указывать на расположение на теле, т.е. на телесное пространство (*перёд, передок, низ, вниз, низкое место, это место*), 6) на характер расположения, «рельеф» (*дыра, дырка*), 7) на размер; 8) на внешний вид – покрытость волосами (*лохматина, мохнатина*). Метафора может быть связана с функцией: 9) мочеиспускания (*пикушка, писка*); 10) с детородной функцией (*род, роды; женилка*); 11) указывать на нетронутость девственной плевы (*целина, цело, целка*) или, наоборот, на искушенность женщины (*рваная дырка, целая тарелка*), 12) на цвет (*черневинка*); 13) на отношение говорящего (*срам, срамное место, грешник, сраментина*). 14) Очень широко в метафоре используется зоологический код (*кура, курица, кутька, кунка, кунька, кунница, соболь; петух*) и 15) предметный код (*палка, кол, полено, колотушка, игрушка, погремушка, чемодан*). 16) Выделяется пищевой код (*мясо, колбаса*); 17) инструменты и орудия (*долото, колотушка, рогатина, перо и чернильница, кожаный нож*); 18) оружие (*дуло, пистолет, мушкет, кобура, пистон*). 19) Встретился растительный код (*сено, корешок, сучок, мягкое дерево, огурец, хрен, шишка*), 20) антропоморфный (*барыня, матушка, сестра, кума, царица; батюшка, товарищ*), в антропоморфном коде особо следует выделить 21) использование имен (*Миронья, Макариха*). 22) Зафиксирован изоморфизм внутри телесного кода, т.е. собственно соматики (*губы, губушки, борода, усы, хохол; плоть, мясо*). 23) Появляются квазислова, в которых можно увидеть фонетический маркер (*мана, мымра, мымыра, куралейка, хундырёчек*), 24) глоссолалии (*шайда-майда, шанта-панта, шантя-мантя, хая-вая, кунька-мунька, кундрик-мундрик, хундерь-мундерь*).

Как видно из приведенных примеров, некоторые слова одновременно могут иметь несколько мотиваций и входить в разные метафорические ряды (*чёрная мохнатая* – и цвет, и «мохнатость», *чернобурка* – цвет и зоологический код, *чернильница* – цвет и предметный код, *мясо* – пищевой и телесный код, *волосяная дверца* - предметный, телесный коды и «мохнатость» - и др.).

Для названия женских гениталий выявлено около 170 слов и словосочетаний (включая фонемные и словообразовательные варианты, вместе с прямыми названиями и местоимениями); мужских примерно столько же. Подавляющее большинство лексем представляет собой эвфемистические замены. Цифра не конечна: в картотеке «Архангельского областного словаря» со временем могут выявиться и другие слова, метафорически обозначающие половые органы. Некоторые метафоры достаточно устойчивы, некоторые выглядят окказиональными. Какие-то лексемы употребляются на ограниченной территории, в пределах нескольких близкорасположенных деревень, какие-то являются общерусскими. Думается, что выявленные направления и модели метафоризации достаточно устойчивы, что их можно проследить не только в русском и общеславянском материале, но и в других языках.

К. Л. Киселева (Москва)

Язык журнала Psychologies: автор, герой, эксперт и читатель в тексте о психологии

Журнал Psychologies издается в России уже больше 11 лет, и одной из его задач все эти годы была выработка нового языка, на котором можно, не упрощая, но и не усложняя, говорить с экспертами-психологами и с широкой аудиторией, которой интересно лучше понимать себя, свое поведение, свои отношения с другими, относиться к собственной жизни более осознанно.

В журнале присутствуют разные жанры, а именно, интервью, авторские колонки, личные истории героев, рассказанные ими самими, но основным жанром, на котором держится вся эта конструкция, стал текст с экспертами. Этот жанр предполагает в своем базовом виде журналиста, который на основании своего собственного опыта, разговоров со знакомыми и коллегами, других жизненных впечатлений формулирует запрос к экспертам, задает им вопросы, а затем пишет текст. В этом тексте присутствуют голоса людей определенного пола и возраста, которые рассказывают о себе (герои, например, «Марина, 39 лет»), голоса экспертов с указанием их специализации (например, историк религии), голос классиков психологии и вообще гуманитарного знания (в виде цитат) и голос автора текста, который по существу не отделяет себя от героев, соединяет в себе журналистскую и человеческую ипостась, примеряет на себя все сказанное экспертами. Задачей текста является ответить на изначальный запрос, который волнует многих читателей, в доступной и полезной для читателя форме.

В докладе мы покажем, как взаимодействуют в тексте эти разные голоса (автор-журналист, эксперт, герой, читатель), как они конструируются средствами языка (выбором местоимений, авторской речью, когда автор становится попеременно то представителем героев, всех нас, то переводчиком, который переформулирует и проясняет мысли эксперта) и в чем такое устройство текста является психотерапевтичным.

Ксения Львовна Киселева
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН
главный редактор журнала PSYCHOLOGIES

Е. И. Кислова

Маргинальная модель обучения церковнославянской грамоте 1720-х гг.

Распространение "регулярного" духовного образования началось после издания "Духовного регламента" в 1721 г. Традиционно мы считаем, что указы отражают представления самого Петра I на то, чему должно обучаться духовенство - потому, что они им подписаны. А противоречия между указами связываются с колебаниями самого Петра и с расхождением идеала, нарисованного в указах, с реальной практикой. При этом нужно понимать, что за каждым указом, подписанным Петром, стоял какой-то конкретный автор. Так, создание "Духовного регламента" традиционно связывается с именем Феофана Прокоповича.

В "Духовном регламенте" фактически описано 2 модели обучения: первая - минимальная, для населения, в разделе "дел общих": обучение минимизировано до обучения "чисто, ясно и точно честь и разуметь", а наизусть предлагается заучивать две книжицы - о догматах веры и о должностях всяких чинов, "когда таковые книжицы изданы будут".

Второй уровень образования установлен Духовным регламентом для духовенства. Обратим внимание, что в нем сразу же продемонстрирована ориентация на латынь. Обратим внимание на хорошо известную формулировку: "Не надобе исперва многих учителей, но первый год довольно единого или двоих, которые бы учили Грамматике, сиесть, язык правильно знать латинский, или греческий, или оба языка". Таким образом обучение грамматике непосредственно расшифровано применительно к латыни или греческому.

Таким образом, обучение русскому / церковнославянскому языку на втором уровне никак не регламентировалось "Духовным регламентом".

Однако уже в мае 1722 года появляется новый указ, который явным образом противоречит по своим установкам "Духовному регламенту" и не содержит никаких требований преподавать детям духовенства латынь. Традиционно отказ от латыни объясняется "скудостью учителей", способных обучать богословию и философии - предметам, существовавшим исключительно на латыни. Обучение теперь предлагалось ориентировать на "Первое учение отрокам" и затем обучать "Славенской грамматике" Федора Поликарпова, арифметике и геометрии.

Этот указ ориентирован на совершенно иную модель образования - в ее основе лежит знание церковнославянского, но от традиционной модели ее явным образом отличает ориентация на грамматическую основу преподавания этого языка. Как мы покажем в докладе, совершенно не случайно появляется в этом контексте и упоминание Новгородского Архиерейского дома и Новгородской епархии в качестве образца: в это время архиепископом Новгородским был Феодосий Яновский. Именно с его именем связан также ряд архивных документов, обнаруженных нами в архиве Синода. Они показывают, что вполне возможно, в 1720-х годах могла существовать "альтернатива" латинскому образованию духовенства - ориентированная на церковнославянский язык и грамматический подход к его преподаванию.

С его деятельностью связаны 3 дела из архива Синода, которые хорошо показывают нам, как обстояло дело с преподаванием грамоты в среде духовенства в 1720-х гг. и которые будут подробно рассмотрены в нашем докладе.

Кислова Екатерина Игоревна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

Е. С. Коган, М. А. Буга (Екатеринбург)

Текстовые граффити как способ репрезентации концептов современной культуры
В настоящее время термин *граффити* имеет широкую трактовку и используется в культурологии, социологии и даже экономике для обозначения рисунков, надписей, выцарапанных, написанных или нарисованных краской или чернилами на стенах и других поверхностях. Текстовые граффити представляют собой значимый текст, написанный на какой-либо городской поверхности (стена дома, мусорный бак, камень на газоне и т. п.). В широком понимании граффити является любая надпись, в данном же докладе

рассматриваются лишь те, которые выполнены сознательно, несут в себе определенную идею и представляют собой одно из направлений современного искусства.

Выполняя изначально функцию метки территории, граффити постепенно видоизменяется как в плане выражения, так и в плане содержания, расширяясь концептуально. Уличные художники подобно журналистам «высказываются» на улицах города, затрагивая социально-значимые проблемы. Городское пространство начинает «говорить» о том, что волнует людей. Особенностью российского стрит-арта является то, что художниками-граффитистами являются, по преимуществу, представители интеллектуальной элиты среди молодежи. Таким образом, анализ концептов, выражаемых в текстовых граффити, позволяет выявить наиболее значимые для современного общества идеи, «болевы точки» современного культурного сознания. Именно план содержания текстовых граффити рассматривается в данном докладе.

Материалом для исследования послужили более 40 текстовых граффити г. Екатеринбурга, выполненных как известными уличными художниками, так и анонимными райтерами. В докладе предполагается детальный анализ основных концептов и способов их репрезентации. Ниже кратко представлены лишь некоторые базовые идеи.

Одним из наиболее значимых концептов, проявленных в текстовых граффити Екатеринбурга, является одиночество и потребность в общении. Наиболее яркими примерами проявления этого концепта служит работа Тимофея Ради «Я бы обнял тебя, но я просто текст» и надпись неизвестного райтера, представляющая собой цитату из фильма А. Тарковского «Солярис» «Человеку не нужен космос. Человеку нужен человек».

Значима для текстовых граффити идея быстротечности времени. Она реализуется в двух направлениях. Первое из них, позитивное, актуализирует стремление «ловить день», не теряя время даром: «Сегодня важный день», «У тебя одна минута от юности до старости» и др. Второе же, оценивая жизнь человека в масштабе вселенной, акцентирует ничтожность человеческого бытия и незначимость его действий: «В течение своей жизни старайся имитировать время», «Лучшие коллекции ненужных воспоминаний».

Одним из ключевых концептов является важность поддержки ближнего и взаимопомощи. Данный концепт проявляется в таких текстах, как «Я конечно мало знаю о тебе, а ты обо мне, но теперь у нас есть кое-что общее» и «Нужные слова» Тимофея Ради. Его воплощению способствует также особая грамматика: использование форм 2 лица глаголов и местоимений, что создает эффект личного обращения к читателю текста: «У нас с тобой железные нервы». Особое место в данной группе занимают работы райтера Мама, который оформляет текст граффити в виде стилизованных записок на стенах домов. Его тексты, представляющие собой обычные фразы, которые слышит в детстве почти каждый ребенок, акцентируют внимание на важности семейной заботы: «Пойдешь в магазин – не забудь купить хлеб», «Лето проходит, а ты еще ни одной книжки не прочитал», «Суп на плите. Котлеты в холодильнике» и др.

Для некоторых граффити важным является пространство, в которое они включаются. Так, например, надпись на валуне «Здесь есть соль» отсылает к библейскому выражению «соль земли», выдвигая тем самым идею ценности человека.

Коган Екатерина Сергеевна
ст. преп. каф. социокультурного развития территорий Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ)

Буга Мария Алексеевна
студент 3 курса профиля «Журналистика в области культуры» Екатеринбургской академии современного искусства (ЕАСИ)

А. Д. Козеренко (Москва)

Сильные эмоции: маргинальное поведение во внутренней форме идиом как симптом

Доклад продолжает серию работ, посвященных обсуждению того, как физиологические процессы, связанные с чувствами, отражаются во фразеологии.^[10]

Существует огромное количество идиом русского языка, описывающих разнообразные эмоции, которые испытывает человек (около 850 идиом из примерно 10000 по данным Словаря-тезауруса современной русской идиоматики, 2007). Среди них достаточно много таких, во внутренней форме которых содержится описание того или иного телесного проявления, симптома эмоции, ср. *опустить руки, колени трясутся/дрожат, залиться краской, скрипеть зубами, глазами хлопать, лицо вытянулось, глаза на лоб полезли, отвесить челюсть* и т.п. Идиомы, содержащие телесный симптом во внутренней форме, могут описывать одну конкретную эмоцию (так, *уши* обычно *горят* от СТЫДА, *волосы встают дыбом* от СТРАХА или УЖАСА, *лишиться дара речи* можно от УДИВЛЕНИЯ), либо служить для описания сразу нескольких разных эмоциональных состояний (например, идиома *дух захватило/перехватило* может описывать такие разные эмоции, как РАДОСТЬ, ИЗУМЛЕНИЕ, ГОРДОСТЬ, СТРАХ или ОБИДУ).

Можно заметить, что во внутренней форме всех приведенных идиом наблюдается нарушение функционирования одной из подсистем организма человека. В работе 2016 г., посвященной классификации и описанию дисфункций организма, содержащихся во внутренней форме русских идиом, мы подробно рассмотрели все подсистемы организма, которые могут быть задействованы при описании эмоций во фразеологии. Это такие подсистемы, как МИМИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЛИЦА (на нее приходится самое большое количество идиом – ведь именно по мимике человека мы прежде всего считываем его эмоции), СИСТЕМА, ОБЕСПЕЧИВАЮЩАЯ РАВНОВЕСИЕ, УСТОЙЧИВОСТЬ; СИСТЕМА ТЕРМОРЕГУЛЯЦИИ; СИСТЕМА КРОВООБРАЩЕНИЯ; МЫШЛЕНИЕ; ВЫДЕЛИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА; ДЫХАНИЕ; ЗРЕНИЕ; РЕЧЬ и ГЛОТАНИЕ.

Однако за рамками этого исследования осталась еще одна группа идиом, демонстрирующих не нарушение функционирования какой-то отдельной подсистемы организма как таковое, но нарушение нормального поведения человека в целом: *биться головой о стену/стенку, разрывать... [на себе] одежды, заламывать руки; руки ломать, хоть волком вой; выть волком, хоть криком кричи, [хоть] ложись да/и помирай; хоть помирай, пойти вразнос, кусать [себе] локти, сойти/слететь... с катушек; как с катушек сорваться* (косвенное описание симптома), *с резьбы сорваться* (косвенное описание симптома), *выйти из себя, брызгать слюной, прыгать до потолка*. Именно эти идиомы мы хотели бы рассмотреть подробнее в рамках настоящего доклада. Какие именно формы принимает маргинальное поведение, вызванное сильными эмоциями? Какие именно нормы оказываются нарушены, и, соответственно, как должно выглядеть нормальное поведение? Какие эмоции могут вызывать столь сильные, можно сказать пограничные телесные проявления?

Цель доклада – описать маргинальное поведение человека как симптом, отраженный в идиоматике, описывающей эмоции.

Литература

- Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ 1996, N 1. С. 71-92.
Козеренко А. Д. Сильные эмоции: нарушение функционирования систем организма как симптом // Internationale Konferenz „Phraseologie und (naive) Psychologie“ Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz 7. – 10. April 2016, Resümees (Book of Abstracts / Сборник аннотаций). Institut für Slawistik, Graz 2016. С. 33-34

Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания, 2011, №6. С. 54-67

Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Киселева К.Л. Козеренко А.Д. при участии М.М. Вознесенской и М.М. Коробовой, под редакцией А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики, Москва, 2007

Wierzbicka Anna. Defining emotion concepts. *Cognitive Science* 16, 1992 pp.539 – 581.

Wierzbicka Anna. Talking about emotions: Semantics, culture and cognition. *Cognition and emotion*. 6.3/4, 1992. pp.289 – 319.

Анастасия Дмитриевна Козеренко
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Е. Б. Козеренко (Москва)

Февраль 17-го в «Синей книге» З.Н. Гиппиус: опыт текстологического анализа

«Петербургский дневник» З.Н. Гиппиус содержит уникальные свидетельства очевидца революционных потрясений, произошедших столетие назад в столице Российской Империи. В «Синей книге» - первой части «Петербургского дневника» - последовательно изложены впечатления и мысли автора о событиях с августа 1914 года по ноябрь 1917 года. Перед читателем разворачиваются драматические и трагические события предреволюционного периода и непосредственно двух всплесков революции - в феврале и октябре. Центральная тема - февральская революция, основные события которой Гиппиус, находясь в непосредственной близости к ним, описывает буквально по часам. Подход Гиппиус к изложению далек от девиза «без гнева и пристрастия», напротив, мы видим абсолютную эмоциональную вовлеченность автора, при этом ее поэтический дар служит инструментом познания и отображения действительности. Гиппиус здесь, прежде всего, мыслительница, пророк, облакающий в точное образное слово свои чувства, размышления и прозрения. Магия «Петербургского» дневника переносит читателя в пространство и время грозного революционного Петербурга и создает ощущения причастности и живой включенности в происходящее.

В данной работе делается попытка анализа пророческой речи автора, выявления и описания языковых средств и стилистических приемов, создающих этот магический эффект.

Основная тема предреволюционного периода звучит рефреном: тяжесть войны и ожидание надвигающейся катастрофы.

Зима 1916 года:

«Война — в статике», «Греция замерла», «никому нет никуда выхода. И не предвидится»;

«При этом плохо везде. Истощение и неустройство»; «У нас особенно худо. Нынешняя зима впятеро тяжелее и дороже прошлогодней. Рядом — постыдная роскошь наживателей»; «Господи, да и как передать сознательное ощущение волоска, на котором все висит? Сознательное, но недоказуемое». «Какая-то ЧРЕВАТОСТЬ в воздухе; ведь нельзя же только — ЖДАТЬ!»

При этом неуклонно происходит поляризация взглядов, которую с тревогой отмечает автор:

«Замечательная русская черта: непонимание точности, слепота ко всякой мере. Или открыто будь «пораженцем» и садись в тюрьму, как чертова там Роза Люксембург села, — или закрой глаза и кричи «ура», без рассуждений».

Лето 1916 года:

«В атмосфере глубокий и зловещий ШТИЛЬ. Низкие-низкие тучи — и тишина.» «Никто не сомневается, что будет революция. Никто не знает, какая и когда она будет, и — не ужасно ли? — никто не думает об этом. Оцепенели.» «Спокойствие... отчаянья.»

Октябрь 1916 года, ощущение безумия происходящего, катастрофа надвигается:

«Россия — очень большой сумасшедший дом. Если сразу войти в залу желтого дома, на какой-нибудь вечер безумцев, — вы, не зная, не поймете этого. Как будто и ничего. А они все безумцы.» «Если мы ничего не сделаем — сделается «что-то» само. И лик его темен.»

Предчувствие и желание революции для окончания войны:

«Желание революции для окончания войны: Хочу, чтобы это была именно Революция, чтобы она взяла, честная, войну в свои руки и докончила ее. Если она кончит — то уж прикончит. Убьет.»

И вот революция совсем близко, однако Гиппиус пишет: «Ничего неожиданного для такой Кассандры, как я.»

И вот начинается движение:

«23 февраля. Четверг

Сегодня беспорядки. Никто, конечно, в точности ничего не знает. Общая версия, что началось в Выборгской, из-за хлеба. Кое-где остановили трамваи (и разбили). Будто бы убили пристава. ... все «будто бы»»

«24 февраля. Пятница

Беспорядки продолжают. Но довольно, пока, невинные (?).»

Далее события начинают разворачиваться все более стремительно:

«Завтра предрекают решительный день (воскресный). Не начали бы стрелять вовсю. А тогда... это тебе не Германия, и уж выйдет не «бабий» бунт. Но я боюсь говорить. Помолчим.» «Интересно, что правительство не проявляет явных признаков жизни. Где оно и кто, собственно, распоряжается — не понять. Это ново.»

«26 февраля. Воскресенье

Вчера было заседание Гор<одской> Думы. Длилось до 3-х час. ночи. Председательствовал Базунов. Превратилось в широкое политическое заседание при участии рабочих (от кооперативов), попечительств и депутатов. Говорил и Керенский. Постановлено было много всяких хороших вещей.»

Наконец, происходят основные события февральской революции, Гиппиус их фиксирует подробно по часам, нарастает общий подъем и воодушевление, которые разделяет и она сама:

«Не судительное время — грозное. И что бы ни было дальше — радостное.» «В толпе, теснящейся около войск, по тротуарам, столько знакомых, милых лиц, молодых и старых. Но все лица, и незнакомые, — милые, радостные, верящие какие-то... Незабвенное утро, алые крылья и марсельеза в снежной, золотом отливающей, белости...»

В докладе далее приводится анализ описания атмосферы, участников и развития событий, представленных З.Н. Гиппиус в «Синей книге» в период с февраля по октябрь 1917 года.

Литература

- Николюкин А.Н. Зинаида Гиппиус и ее дневники (в России и эмиграции). http://gippius.com/about/nikoljukin_zinaida-gippius-i-ee-dnevnik.html
Тэффи Н. Зинаида Гиппиус. Дальние берега: Портреты писателей эмиграции / Состав и коммент. В. Крейд. – М.: Республика, 1994.
Pachmuss, Temira. Zinaida Hippus: An Intellectual Profile. 1971.

Козеренко Елена Борисовна
кандидат филологических наук
заведующая лабораторией компьютерной лингвистики и когнитивных технологий обработки текстов ФИЦ ИУ РАН - ИПИ РАН /
заведующая кафедрой компьютерной лингвистики и формальных моделей языка МПГУ

П. В. Королькова (Москва)

Сказка в представлении современных школьников: к вопросу о ядре и периферии литературной сказки

Авторская (литературная) сказка, возникшая в России около двух столетий назад, продолжает оставаться популярным и востребованным жанром, активно функционирующим не только в области детской литературы, но и в рамках литературы для взрослого читателя. Сегодня она переживает глубокие изменения: на сказку оказывает существенное влияние трансформация жанровой парадигмы новейшей литературы, общий всплеск интереса к необычному, в том числе связанный с распространением философии и эстетики постмодернизма, расцвет в последние десятилетия фантастики (особенно фэнтези), взаимодействие изящной словесности с иными видами искусства (прежде всего кинематографом), компьютерными технологиями и прочими реалиями современной технической эры. Даже за рамками сказочного жанра наблюдается устойчивая тенденция к воспроизведению и разнообразнейшему переосмыслению сказочных образов и мотивов современным мифологическим, сатирическим, фантастическим, утопическим и т.п. повествованием.

В докладе речь пойдет о результатах эксперимента, проведенного в московской школе, в рамках которого дети в возрасте 12 – 13 лет должны были в течение урока (45 минут) написать собственный сказочный текст. Единственным ограничением было то, что это должна была быть сказка собственного сочинения, а не услышанная, увиденная по телевизору или прочитанная ранее. Эксперимент позволяет глубже понять специфику трансформаций сказочного канона в сознании современного молодого читателя, особенности развития литературной сказки сегодня, пути влияния на нее других жанров и областей литературы, то есть особенности функционирования области ядра и периферии.

Тексты (далеко не все из них в действительности можно назвать сказочными) не только отражают представления школьников о жанре, но и свидетельствуют о смешении в сознании современного молодого читателя представлений о разнице между легендой, мифом, сказкой, научной фантастикой и фэнтези. Представления современной детской аудитории о жанре сказки либо сводятся к представлению о наличии формальных критериев, выделенных М.Н. Липовецким, – традиционных зачинов и концовок,

пространственно-временных формул, традиционных функций фольклорно-сказочных персонажей, устойчивых мотивов, – либо воплощаются в уверенности в том, что произведение должно содержать фантастическое начало (в представлении многих современных читателей данный критерий является достаточным для определения жанра сказки) и поучение. Непоследовательное обращение к элементам художественного мира фольклорной волшебной сказки в большинстве случаев не предопределено внутренней логикой текста; немногочисленные случаи их переосмысления также чаще всего не носят системный характер и не отражают замысел авторов. В свою очередь обращение к художественному миру фэнтези и научной фантастики свидетельствует об активном взаимодействии и размывании границ жанров в восприятии современного читателя, о расширении области периферии современной литературной сказки и размывании представлений о ее каноне.

Королькова Полина Владимировна
кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела истории культуры славянских народов
Института славяноведения Российской академии наук
старший преподаватель кафедры славистики и центрально-европейских исследований
Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета

Н. Р. Косоурова (Тверь)

Автобиографическое начало в творчестве И.С. Соколова-Микитова

Автобиографическая фигура рассказчика с его воспоминаниями, лирическими размышлениями, философскими обобщениями сближает многие произведения И.С. Соколова-Микитова. Ранее мы подходили к заключению, что малая проза Соколова-Микитова автобиографична и автопсихологична. Особенно это касается рассказов периода 1920-х годов, во многом из-за возможности сравнить новый и старый быт родных мест. То же актуально для средних эпических жанров, для относящейся к этому же периоду автобиографической повести «Детство». В цикле «На тёплой земле» больше всего характерен одноименный рассказ. Семь частей рассказа, разделенные отточиями, погружают читателя в семь сновидений-воспоминаний. Это не просто мысленное возвращение к картинам прошлого, это воссоздание зрительных («вижу себя на берегу реки»), слуховых («из глубины памяти, освещающей события первых лет, слышу голос...»), тактильно-кинестических ощущений («подобрав ноги, я сижу за спиной отца») в первой фразе каждой части. К слову, семь частей, семь безусловно родственных зарисовок самостоятельны по тематике. В каждой автор тезисно раскрывает картину своего существования в далеких местах детства: первые воспоминания о родителях, первые сказки, первая охота, принятие вечных ценностей – природы, родины; маленький, но полноценный мир, состоящий из кусочка леса, прозрачной реки и высокой травы на берегу. Автобиографический рассказчик – это одновременно и «мальчик с открытой светловолосою головою» и седой старик, отражающийся всё в том же ручье. В автобиографических заметках «тёплой землёй» назвал Соколов-Микитов свою родину и всегда с глубочайшей нежностью вспоминал о ней.

Ребёнок, живущий «под обаянием любви к отцу», вырос и сам стал охотником – сюжет о первой охоте в рассказе «На тёплой земле» продолжается во многих рассказах этого цикла

и за его рамками. К расцвету охотничьей прозы относим циклы «Рассказы охотника», «На речке Невестнице», много соответствующих зарисовок в цикле миниатюр «На своей земле». «Рассказы охотника» были составлены по материалу, собранному в 1940 – 1960-е годы. В этот период Соколов-Микитов уходил от внешнего, трагического и посвящал свои произведения гармонии, единению с природой, стремился воссоздать мир и покой и даже одиночество, живые в его детских воспоминаниях и вновь достижимые в прогулках по глухому лесу. Сборник предваряет вводная миниатюра «По лесным тропам», снова рисующая образ мальчика, наблюдающего за отцом-охотником и испытывающего «трепетное волнение». Совместная охота с отцом, сон-воспоминание о поездке на дрожках («На тёплой земле») становится реальностью, обретает детали в рассказе «Летним утром». Образ ребёнка, сливающийся со взрослым охотником, это «тогда», противопоставленное «современным молодым охотникам», которым никогда не увидеть и не почувствовать «забытую теперь охоту» («Дупелиный ток»).

Другие произведения из названных циклов представляют читателю недействующего рассказчика – это почти весь цикл «На речке Невестнице», «Волки» из «Рассказов охотника» и все рассказы о животных из цикла «На тёплой земле». Тем не менее, можно проследить сквозные образы мужиков-охотников, не составляющие систему, но будто представляющие одного автобиографического персонажа, распавшегося на действующие лица: «долговязый охотник Тит» («Глушаки», «В лесу», «На глухарином току»), «деревенский охотник Вася» («Глушаки», «В лесу», «На глухом болоте»), даже нетерпеливый пёс Фомка («Лесные музыканты», «На летней охоте»). В текстах с не действующим рассказчиком автобиографизм повествования подчёркивается введением реальных персонажей.

Интересно, что все три ипостаси, отражающие взгляд Соколова-Микитова на мир в произведениях о родине и о природе, незаметно сливаются в одну в его сказках. Развёрнутая экспозиция сообщает читателю автобиографический контекст в сказках «Листопадничек», «Присяга», «Заячьи слёзы». Так соединяются мир детства, опыт взрослого охотника и не действующий повествователь.

Литература

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М, 1979.

Соколов-Микитов И.С. Собрание сочинений: В 4 томах. Л., 1987 г.

Широкова И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого // Вестник ЧелГУ, 2014. №23 (352). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obraz-avtora-v-hudozhestvennom-proizvedenii-otrazhenie-otrazhaемого> (дата обращения: 28.02.2017).

Косоурова Надежда Романовна
старший преподаватель Тверского государственного университета, Тверь, Россия

А. А. Костин, К. Н. Лемешев (Санкт-Петербург)

Витиеватые речи, вымыслы, учение и изречение: заметки к литературной теории Ломоносова

Текстологическая подготовка Риторике М. В. Ломоносова – «Краткого руководства к красноречию» – для критического издания показала, что значительная часть правки, вносившейся автором в текст при написании и подготовке его к печати в 1747/48 гг.,

может быть рассмотрена как взаимосвязанный комплекс, отражающий изменения в представлениях Ломоносова о природе художественного слова, вызванные как собственными рассуждениями, так и погружением в более обширный круг пособий, чем тот, что был им использован при создании краткой редакции в 1743 г. Центральными понятиями этого комплекса правки оказываются вымысел, правда, натуральная/ненатуральная речь, нравоучение.

В докладе комплекс этой правки будет рассмотрен на нескольких показательных примерах - таких как структурные изменения в изложении теории вымыслов, терминологическая правка при изложении теории остроумия и афористичной речи; создание нескольких редакций в изложении теории жанров.

В целом, сопоставление всех принятых Ломоносовым изменений в изложении этого теоретического комплекса показывает, что они были вызваны постепенным отказом от однозначного понимания вербального творчества как слов, разумно отобранных, украшенных и расположенных для отражения реального/правдивого мира. В результате правки на теоретическом уровне Ломоносов легитимирует жанры, основанные на вымысле (трагедия, басня, повесть, эклога и др.), причем эта правка полностью соответствует приходящимся на то же время изменениям в издательской политике Академии наук. Легитимация творчества, не связанного напрямую с описанием или презентацией реального мира, влекла за собой и признание возможным создавать речевые конструкции, не призванные исключительно представлять правду/действительность; создающие ценность внутриязыковыми соответствиями, безотносительно к стоящему за ними денотату. При этом создание русскоязычной теории «витиеватых слов» достаточно сложно отразилось на речевой практике Ломоносова, в том числе в подготовке примеров для Риторике. Там, где в стихотворных примерах ему удается добиться игровой выразительности «замысловатых речей», при переводе прозаических примеров Ломоносов остается ограничен рамками переводческой традиции, сложившейся в России к началу XVIII века – стремившейся прежде всего к адекватной передаче смысла переводимого текста, в ущерб его языковой выразительности.

Костин Андрей Александрович
кандидат филологических наук, заведующий Отделом библиографии и источниковедения
Института русской литературы РАН

Лемешев Константин Николаевич
младший научный сотрудник Института русской литературы РАН

О. Е. Кошелева (Москва)

Свое и чужое слово как правда и ложь (работа русских книжников XVII века над главой о Московии в «Космографии» Герарда Меркатора)

Атлас фламандского географа Герарда Меркатора (1512-1594) аккумулировал в себе географические, политические, социальные, этнографические, природоведческие и др. сведения о всех странах света, сопровождавшиеся картографическим материалом. Впервые он был издан в 1595 г., к 1612 г. на латинском языке вышло 10 значительно дополненных новыми материалами изданий. Атлас был переведен на европейские языки, в 1637 г. – на русский, получив название «Космография, или книга о странах всего света». Этот перевод делался в Посольском приказе с латинского языка. Он был выполнен на

высоком уровне, и сопровождался множеством дополнений и разъяснений понятий и реалий, далеких от русской жизни (например, как устроен английский кредитный банк (bancus regius) или как едят устриц). Анализ этого перевода был проделан в диссертации филологом С.М. Глускиной, защищенной в 1949 г. и ныне утраченной, в основном же Космография Меркатора привлекала внимание географов.

В центре моего внимания – глава о Московии. С экземпляра Космографии Посольского приказа в течение XVII – нач. XVIII вв. было сделано много списков, сравнением которых я занимаюсь. Все главы о иных странах переписывались в рукописях из одной в другую точно. Но главу о Московии русские книжники переделывали на свой лад, поскольку считали, что о своей стране они знают больше и лучше, чем иноземные авторы. Чуть ли не каждый писец вкладывал свою лепту в текст, а читатели делали замечания на полях (например – «Лжешь!»). Им не нравилось то, что многие сведения были очень устаревшими, например, говорилось, что правителем России является «Великий князь Василий», в то время как давно уже правили Романовы, или речь шла о главе российской церкви – митрополите, когда ее уже давно возглавлял патриарх. Многие данные были неполными (например, не упоминались значимые города), а другие – просто неверными (например, об истоке Дона). Некоторые утверждения россияне сочли для себя «бесчестьем» (например, об отсутствии у них образования). В результате в некоторых списках тексты «О Московии» оказались переделаны настолько, что их можно назвать «авторскими».

Об одном из таких авторских списков я расскажу подробно. Рукопись хранилась в семье кн. Долгоруких, и в 1911 г. один из наследников опубликовал из нее текст о Российском государстве.^[11] Его анонимный автор вместо того, чтобы доказывать неправдоподобие сведений о России в Космографии, пошел по пути обогащения ее обширными вставками, основанными на личных знаниях и наблюдениях, что для текстов XVII в. представляется редким явлением. Он прекрасно знал Москву и к кратким сведениям о ней в протографе добавил собственное, обстоятельное описание столицы. Фактически это уникальный подробный путеводитель по Москве XVII в. Авторская вставка в текст сделана им и о Соловецком монастыре, он добавляет текст о селе Мячкове, о дарах российской природы и др. Внимательный анализ текста позволяет с достаточной долей достоверности очертить круг интересов и составить социальный портрет эрудированного анонимного автора XVII в.

Кошелева Ольга Евгеньевна
доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН
(Института Всеобщей истории Российской Академии Наук)

А. Г. Кравецкий (Москва)

«Очи мои выну ко Господу...»: церковный анекдот и стоящая за ним реальность

1. В анекдотах, популярных в церковной среде, заметное место занимают рассказы, построенные на неправильном понимании богослужебного текста («я крокодила пред Тобою» вместо «яко кадило пред Тобою») или прочтении церковнославянского текста как русского, когда церковнославянским словам приписываются значения русских слов («Чадю Тимофее, гони правду»). По такой схеме построен и популярный рассказ про икону «Очи мои выну ко Господу», на которой изображен кающийся грешник, держащий в руках собственные глаза. Происхождение этого анекдота вполне прозрачно.

Церковнославянский текст псалма «Очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сѣти нозе мои» (Пс. 24.15) прочитан с опорой на значения русских слов, соответствующих церковнославянским. При этом наречие «выну» ('всегда') понимается как будущее время глагола «вынимать».

2. В источниках XIX века встречается довольно много упоминаний об этом иконографическом сюжете. Вот, например, мемуары В.П. Гилярова-Платонова: «Иконописец изобразил царя Давида поднявшим голову кверху, откуда сияние, и держащего простертую длань, а на ней два глаза. Подпись: «Очи мои, Господи, пред Тобою выну». «Выну», то есть «всегда», художник понял в смысле «вынимать». Это рассказ батюшки, видевшего икону». Таких свидетельств довольно много, причем упоминание об этой иконе встречается и во вполне серьезных документах, например, в стенограммах заседаний Государственной думы. Создается впечатление, что подобная икона действительно существовала, правда, наши консультации с хранителями собраний поздних икон ни к каким результатам не привели.

3. За анекдотами о курьезных иконах могут стоять самые неожиданные реалии. Например, за анекдотом про икону «Никола зимний», на которой святитель Николай изображен в шубе и шапке, стоит жаргон иконописцев, которые называют так иконы святителя Николая, на которых он изображается в митре (почти что в шапке). Какая же реальность могла стоять за рассказом про икону, изображающую человека с глазами в руках? Существовали ли такие изображения?

4. В европейской живописи очень большой популярностью пользовалось изображение святой Луции или Лючии (в русской версии Лукии), мученицы, которая, согласно позднему преданию (в «Золотой легенде» этот сюжет отсутствует) ослепила себя и послала на блюде выколотые глаза своему гонителю. В России Лукия не пользовалась такой популярностью, какой в западном мире пользовалась Луция. Однако ее память входит в календарь, а житие - в Четьи минеи Димитрия Ростовского. Изображения Луции с глазами на блюде, несомненно, попадали в Россию в виде гравюр и, вероятно, могли повлиять как на народную иконографию, так и на возникновение рассказа про икону, где человек держит в руках собственные глаза.

5. Возможен и еще один экзотический источник этого сюжета. Как известно, среди экспонатов, которые Петр I покупал для Кунсткамеры, были препараты голландского анатома Фредерика Рюйша, знаменитого, в частности, искусством составления натюрмортов, то есть аллегорических композиций, из анатомических препаратов. В число подобных экспонатов входила детская рука, держащая глаза.

6. У нас нет способов доказать, что толчком для появления рассказа про иконографический сюжет «Очи мои выну ко Господу» является первый или второй из предложенных сюжетов. Наша задача сводится лишь к тому, чтобы констатировать, что за этим сюжетом может стоять не только языковая игра, но и некоторые визуальные образы.

Александр Геннадьевич Кравецкий
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

Г. Е. Крейдлин (Москва)

Ритуальная мультимодальная коммуникация и телесные табу

Подобно тому, как сегодня общим местом стало различие вербального и невербального этикета, точно также важно разделять вербальные и невербальные табу. Под *табу* мы понимаем здесь не только социально или культурно обусловленный запрет произносить те или иные слова и выражения, но и совершать определённые действия.^[12] Как это имеет место с этикетными ситуациями и правилами поведения в них, табуирование отдельных компонентов коммуникативных ситуаций – это процесс, релятивизованный относительно времени, места и культуры. В докладе обсуждаются некоторые особенности вербального, невербального и смешанного (то есть вербально-невербального) поведения людей "чужих" культур в традиционных ритуалах, происходящих в привычных для них местах в наши дни.

На большинстве таких ритуалов я присутствовал лично, так что в докладе будет представлен взгляд на невербальные ритуалы в целом или на отдельные ритуализованные моменты в преимущественно вербальном ритуале так сказать стороннего наблюдателя. Исключение составляют редкие случаи ритуалов, которые проводились в мою честь.

На ряде примеров разнообразных по своей тематике, способам организации и инструментарию казахских, киргизских и телеутских ритуалов рассматривается табуированное поведение людей, находящихся внутри ритуала и внешних по отношению к разворачивающимся событиям. Главное, на что обращается внимание, – это на самобытность поведения людей и на особые фильтры к существующим правилам ритуальной мультимодальной коммуникации, вызванные участием или присутствием в ней лиц иной культуры.

Речь пойдёт о ритуалах, связанных с подготовкой к свадьбе, и о самом свадебном ритуале у казахов, о ритуальных приветствиях у киргизов, о ритуальных танцах во время праздников, а также в ходе лечения или изгнания болезней последовательницами и ученицами телеутских шаманов, так называемыми подшаманницами. Казахские ритуалы изучались мной во время поездок в разные города Казахстана на конференции, на защиты в качестве оппонента диссертаций и для чтения лекций. Киргизские невербальные приветствия анализировались в ходе работы с киргизскими информантами в Москве и некоторых городах Сибири, а телеутские ритуалы – во время нескольких экспедиций в Кемеровскую область в район компактного проживания телеутов (сёла Беково и Шанда Беловского района) с целью изучения телеутского языка и культуры в рамках соответствующего проекта Кемеровского университета с моим участием. Были описаны многие тематические объединения (фреймы) вербальных и невербальных единиц и особенности устной мультимодальной коммуникации телеутов. Структура и содержание построенного пропозиционально-фреймового словаря с такими культурно значимыми фреймами, как "Шаманизм", "Коневодство", "Рыболовство", "Рождение ребёнка", "Родственные связи", "Жилище", "Средства передвижения" и многие другими, наряду с описанием бытовых жестов разной семантики и разных семиотических классов позволяют реконструировать образ жизни современных телеутов, их установки, ценности и предпочтения. Мной лично изучалась телеутская национальная кухня и типизированные приёмы гостеприимства, элементы игровой культуры, способы ведения бытового диалога, камлание шаманов и подшаманниц.

Работа поддержана грантом (грант номер 16-34-00023 "телесные манифестации ментальной и психической деятельности человека").

Литература

1. Л.А. Араева, Т.В. Артемова, О.А. Булгакова, Г.Е. Крейдлин, М.Н. Образцова. Пропозиционально-фреймовое описание фрагментов языковой картины мира телеутов // Review of European Studies, 2015, vol. 7, № 6, 295 – 301.
2. Г.Е. Крейдлин. Языки тела малочисленных народов России: жестовый код телеутов // Сибирский филологический журнал", №2, 2015, 185 – 196.
3. Г.Е. Крейдлин. Лексика языка русских жестов (норма и варианты) // А.П. Майоров (науч. ред.) Региональные варианты национального языка: материалы всероссийской (с международным участием) научной конференции. Улан-Удэ: изд-во Бурятского университета. 2013, 145 – 148.

Крейдлин Григорий Ефимович
д. филол. н., профессор кафедры русского языка Института лингвистики РГГУ

Т. В. Кузнецова (Москва)

Маргинализация языка в послереволюционную эпоху: компрессия, аббревиация, тайнопись.

1. Одним из результатов Октябрьской революции стали изменения в политическом дискурсе, появление понятий и речевых оборотов, выражающих новую расстановку сил: большевики создавали новые и разрывали старые политические и социальные связи путем использования языка, знаков, образов, повседневных ритуалов. Эти изменения можно было бы квалифицировать как маргинальные, если бы новая - социалистическая - эпоха не растянулась на семьдесят лет. Тем не менее вынесенная в название тезисов формулировка "маргинализация языка" имеет право на существование, так как очевидно, что язык как саморегулирующаяся система противостоит всякого рода декретированию и обладает способностью к самоочищению.

2. Устанавливая контроль над обществом, новая власть вырабатывала особую стилистику, создавала образ действительности, суть которой состояла в революционной борьбе. Общеизвестной приметой официального языка послереволюционной эпохи является обилие аббревиатур. Сама по себе потребность в аббревиатурах возникает из деловой и производственной потребности общества, и этот процесс не миновал ни один из европейских языков в конце 19 - начале 20 века. Но в языке советской эпохи создание сложносокращенных слов стало не просто продуктивным способом словообразования – каждое сокращение несло в себе идеологическую составляющую. Ведь тот, кто пользовался специальным названием, обладал чувством превосходства над толпой благодаря некоему специфическому знанию.

3. С лингвистической точки зрения распространение аббревиатур материализует антиномию говорящего и слушающего: редуцирование подачи информации отражает потребность говорящего (пишущего) в экономии речевых усилий. Подразумевается, что адресат достаточно осведомлен, чтобы дешифровать заложенную информацию, то есть речевой акт становится отчасти закрытым для непосвященных. Это своего рода тайный язык для избранных, социально близких. Не случайно в «Собачем сердце» профессор Преображенский, при всей своей интеллектуальной изощренности, не может понять, что абырвалг – это главрыба, прочитанная наоборот. Чем не тайнопись для посвященных! Но М. А. Булгаков обыгрывает-уродует еще и фонетический облик слова. Идея о том, что мир поставлен с ног на голову, рождается даже не на лексическом, а на фонетическом уровне!

(При других социальных условиях в языке начинают преобладать расчлененные формы и конструкции, что отвечает интересам слушающего (читающего). Предположим, что многоглаголание М. С. Горбачева было оправдано желанием разъяснить широким массам радикальный поворот в политическом курсе партии.)

4. Мода на сложносокращенные слова проникла и в такую интимную сферу человеческой жизни, как выбор имени для ребенка. До сих пор еще нет-нет да и мелькнут в качестве отчества Марксэны, Вилены, Кимы, Мэлоры и т. п. страдальцы. Имя Мэлора Стуруа – известного в свое время журналиста-международника, как это ни странно, воспринималось в свое время как нечто экзотически западное, созвучное названию вождя с сигарет Camel, а не как убогая фантазия правоверных родителей-коммунистов: Маркс-Энгельс-Ленин – организаторы революции.

(А что такое убогая советская топонимика, как не проявление того же самого стремления к унификации, обеднению, приземлению языка и – как следствие – человеческого сознания-мышления-фантазии. До сих пор в топонимике Москвы есть 1-я, 2-я, 3-я, 4-я улицы 8-го марта; 1-й, 2-й, 3-й Радиаторные проезды и какое-то количество Магистральных улиц.)

5. Последняя позиция, связанная с выбором имен собственных, имеет более глубокое обоснование. Русские имена собственные – людей ли, или мест – традиционно имели глубокую связь с православием. Таким образом, это не просто новая советская традиция, это прямое следствие страшных богоборческих реалий того времени: разрушение храмов и монастырей, геноцид священнослужителей и верующих, в сфере сознания – уничтожение, искоренение всех, даже самых отдаленных христианских реалий в культурном коде нации.

« - Ну, довам, - сказал я на прощание.

- Это как же понимать?

- Доволен вами, это вместо «спасибо». «Спасибо» - это ведь спаси бог и, значит, религиозное».

Этот диалог из книги Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» показывает, что доведенный до абсурда процесс профессиональной стерилизации языка затронул и чисто бытовые формы речи.

6. Впрочем, попытки вместо традиционного «спасибо» внедрить что-либо нейтральное не увенчались успехом. Это объясняется тем, что слова речевого этикета имеют знаковый характер и удовлетворяют потребностям ежедневно воспроизводимой речевой ситуации. Чтобы преодолеть традицию употребления такого слова, надо изменить саму речевую ситуацию. Так произошло с обращениями типа «Ваше благородие», «Ваше превосходительство»: исчезли реалии «Табели о рангах» - исчезли обращения. На смену им пришли советизмы «товарищ», «гражданин» и т. п. После распада Советского Союза ушли и эти обращения, на смену им пришло уродливое гендерное «мужчина», «женщина» или универсальное «девушка». Поскольку язык – чуткий барометр ситуации в обществе, постольку можно сделать вывод, что ничего лучшего в плане этикетной самоидентификации мы не заслужили.

Татьяна Владимировна Кузнецова,
доцент кафедры стилистики русского языка
факультета журналистики МГУ

О. Н. Купцова (Москва)

Личная библиотека А.Н. Островского: маргиналии драматурга

В личной библиотеке А.Н. Островского, хранящейся в ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), находится более 230 книг драматурга с пометами на русском и иностранных языках

(это примерно треть от общего количества его сохранившегося книжного собрания). Большая часть из них описана в каталоге «Библиотека А.Н. Островского» (Л., 1963). Однако за последнее время выявлены новые издания со следами чтения драматурга, не попавшие в каталог и не введенные в научный оборот.

Среди них наиболее значительным открытием является книга с развернутыми маргиналиями Островского «Чтения о новейшей изящной словесности. Сочинения Д.О.Л.Б. Вольфа, профессора Иенского университета. Перев. с немецкого» (М., 1835). Пометы на полях этого издания дают представление о повышенном интересе драматурга к раннему периоду истории российской словесности (XVII – XVIII вв.), о его взглядах на этот предмет, проливают свет на источники некоторых пьес (в частности, «Грозы»).

Неожиданны по своей экспрессивности маргиналии в брошюре М.И. Гомилевского «Описание города Рыбинска, составленное попечением Рыбинского градского главы, почетного гражданина Федора Тюменева, и изданное на его иждивении при статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел» (СПб., 1837). Издание было указано в списке книг с пометами в каталоге 1963 г., но автором ошибочно назван Ф.И. Тюменев. Пометы драматурга относятся к его пребыванию в Рыбинске в 1857 г. и могут быть рассмотрены как рабочие материалы и дополнения к опубликованному дневнику волжского путешествия.

Записи Островского на полях в «Песнях, собранных П.Н. Рыбниковым. Часть I. Народные былины, старины и побывальщины» (М., 1861), а также в «Песнях, собранных П.В. Киреевским» (М., 1868-1874), особенно в 8-м выпуске этого издания, представляют научную полемику с учеными-фольклористами, собиравшими и комментировавшими народные песни. Драматург исправляет, уточняет, добавляет, высказывает сомнение, атрибутирует. Подчеркнутые, отмеченные фрагменты текстов часто выявляют генезис отдельных элементов его пьес (в частности, имен и фамилий персонажей, художественной топонимики).

Изучение маргиналий в книгах личной библиотеки Островского дает богатейший материал не только для обнаружения источников его драматургии, но и для изучения психологии творчества.

Купцова Ольга Николаевна
кандидат филологических наук доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
факультет журналистики, кафедра литературно-художественной критики и публицистики

Э. К. Лавошникова (Москва)

Уместна ли Даная в системном словаре текстового редактора?

Четвертое издание «Грамматического словаря» Андрея Анатольевича Зализняка дополнено приложением «Имена собственные» (более 8 тыс. словарных статей) [1]. При проверке правописания наряду с нормативной формой отчества *Никитич* текстовый редактор MS Word 2016 пропускает без замечаний и довольно часто встречающийся вариант «**Никитович**», включив его в свой внутренний системный словарь имен собственных. Однако в главе «Дополнительные особенности» приложения к словарю Зализняка у имени *Никита* даны только два отчества – *Никитич* и *Никитична* [1, с. 740].

Word'овский спеллер подчеркивает красной волнистой линией как неопознанные просторечные стяженные формы *Иваныч, Егорыч* и др., не предлагая в своей программе-подсказке полных вариантов отчества (но *Палыч* пропускается без замечаний – возможно, из-за соответствующего названия фирмы).

В некоторых версиях Word'a гипокористические имена *Катя, Маша, Маня, Юля, Костя* пропускались только потому, что спеллер считал их деепричастиями от глаголов *катить, махать, манить, юлить* и *костить*. Однако Word 2016 (как и Word 2013) уже их содержит в своих системных словарях имен собственных – это можно утверждать на том основании, что косвенные падежи (например, *Катям, Машей, Манями, Юль, Костю*) пропускаются без замечаний.

К сожалению, иногда «богатство» Word'овских системных словарей мешает выявлять слова с ошибками (подробнее см., например, [2]).

Приведем примеры с довольно распространенной опечаткой – пропуском буквы: *Шурки завязывай крепче!*, *Шурку кролика вымачивают в специальном растворе*. Вордовский спеллер эти фразы пропускает без замечаний – «благодаря» включению в системный словарь имени *Шурка*.

Еще пример: *Прош, Кеш, прош у, забудьте про кеш!* В этой фразе нами намеренно вставлен пробел в слово «прошу», поэтому «прош» подчеркивается красным – в отличие от форм имен *Проша* и *Кеша*. Но подчеркивается и «кеш» со строчной буквы – вопреки рекомендациям академических словарей. Разработчики пошли на поводу у пользователей Интернета и «узаконили» написание «кэш».

Слово *неоапартеид* Word 2016 подчеркивает красным, а программа-подсказка первым вариантом рекомендуемого исправления выдает «Нео апартеид». Слово «нео» со строчной буквы тоже подчеркивается как неопознанное. То есть мы можем заключить, что «Нео» содержится в системном словаре имен собственных. Оказывается, как написано в Википедии, **Нео** (англ. Neo) – главный герой фильма «Матрица».

Для поэтического «Украйна» подсказка системы Word 2016 выдает одним из вариантов «исправления» фамилию *Куракина*.

Допустим, в проверяемом тексте имеются фразы, начинающиеся со слов «Даная статья...», «Чернове записи...» или «Стрый вариант...». Но входящие в них слова с нечаянным пропуском буквы не будут подчеркнуты спеллером текстового редактора Word 2016 (и Word 2013), так как в системном словаре содержатся имена собственные *Даная*, фамилия *Чернов*, а также топоним *Стрый* ('река, город') – при этом устаревшее стрый ('дядя по отцу'), как и вуй, подчеркивается красным.

Написание «Филипп» без удвоения «п» тоже пропускается без замечаний (наверное, имеется в виду транслитерация иноязычного имени собственного).

Если имя *Элина* по ошибке набрать с похожей на глаз буквой З, то Word последних версий слово «Злина» не подчеркнет, поскольку в его системный словарь включено название чешского города Злин. При этом городам Ростов-на-Дону и Ростов Великий не так повезло. Их названия Word'овским спеллером не опознаются, хотя форма *ростов* со строчной буквы от нарицательного *рост* пропускается без подчеркивания.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Желательно, чтобы разработчики компьютерных автокорректоров тщательнее подходили к наполнению системных словарей, выявляя, в частности, низкочастотные имена собственные, которые могут **совпасть с искажениями в результате наиболее вероятных ошибок и опечаток** достаточно употребительных словоформ, набранных с **прописной** буквы [3]. Такие «подводные камни», которые при пока еще слабо разработанном синтаксическом контроле препятствуют эффективному исправлению ошибок и опечаток, можно либо заблокировать в системных словарях текстовых редакторов, либо снабжать особыми пометами – предупреждениями для пользователя.

Литература

1. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 110 000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М.: «Русские словари», 2003. 800 с.
2. *Лавошникова Э.К.* Microsoft Word и причины пропуска ошибок // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2015. Т. 1, № 11. С. 471–476.
3. *Лавошникова Э.К.* Фамилии, имена, отчества и текстовый редактор MS Word // Science Time. 2015. № 8 (20). С. 93–99.

Лавошникова Элина Константиновна
вед.программист,литредактор журнала «Вычислительные методы
и программирование: Новые вычислительные технологии»
Научно-исследовательский вычислительный центр МГУ им. М.В. Ломоносова

Е. Е. Левкиевская (Москва)

О судьбе одного духовного стиха в традиции XX-XXI вв. По материалам «отпевальных» тетрадей из украинского анклава Саратовской обл.^[13]

Доклад посвящен проблеме функционирования старообрядческих духовных стихов в восточнославянской традиции XX- начала XXI в. на примере стиха «О горе мне великое» («С другом я вчера сидел, / Нынче смерти зрю предел. / О горе, горе мне великое...»). В Еланско-Терсянском украинском анклав Самойловского р-на Саратовской обл. существует традиция народного «отпевания» покойников, которое совершается коллективами женщин (3-7 человек) пенсионного возраста (подробнее см.: Левкиевская 2015: 10-35). «Отпевание» совершается по рукописным тетрадям, значительную часть которых составляют «канты» - духовные стихи разной этиологии. Несмотря на то, что исследуемый анклав достаточно хорошо сохраняет черты украинской традиции, а также украинский диалект (который местные жители называют «хохлячим языком»), корпус «кантов», используемых для «отпевания», составляют почти исключительно русские тексты, в том числе явно восходящие к старообрядческому репертуару («О горе, горе мне великое...», «Житейское море» и др.). Например, в «отпевальной» тетради Л.Л. Левиной (участвующей в подобных «отпеваниях» в п. Самойловка) из семидесяти с лишним записанных там духовных стихов только один украинский. Причина, по которой собственно украинский корпус духовных стихов (если он изначально существовал в местной традиции) был заменен русским, окончательно не ясна и требует дополнительного изучения. Важно то, что в XX в. определенный круг духовных стихов изменил сферу своего бытования и из нравоучительного жанра, исполнявшегося окказионально (в том числе профессиональными нищими), превратился в корпус обрядовых текстов, вписанных в структуру традиционного похоронного ритуала,

на что указывают полевые исследования и в других регионах России (Данченкова 2003: 173-225).

Эта тенденция коснулась в основном т.н. покаянных стихов, объединенных темой покаяния души в грехах перед лицом смерти. Духовный стих «О горе мне великое!» в том виде, в каком он сейчас представлен в «отпевальных» тетрадах Самойловского р-на, безусловно, относится к покаянным стихам: человек признает, что по смерти не удостоится Царства небесного из-за перечисляемых им грехов («... милости не будет там, / Не помиловал я сам... / Я не чтил отца и мать, / Всех старался раздражать... Дней воскресных я не чтил, / Крайний богохульник был...»). Варианты этого стиха широко известны в современных сборниках старообрядческих духовных стихов. Как можно судить по ранним источникам, первоначально этот стих имел другой смысл. Известный нам наиболее ранний и полный вариант текста содержится в рукописи духовных стихов 1884 г. староверов Ветковского согласия (Книжная 2013: 472-473) и называется «Во время то, когда убил брат брата. Каин Авеля»: это сюжет о Каине, признающемся в грехе братоубийства: «В душагубстве виноват, / От меня убит мой брат...». Есть данные, что этот стих первоначально являлся старообрядческим «ропсодом», т.е. использовался в богослужебной практике ветковских староверов на Алтае, куда они были высланы в 1764 г. К началу XXI в. данный духовный текст не только утратил первоначальную семантику, но и сферу функционирования – из старообрядческого богослужебного текста он превратился в «кант» народного погребального обряда в украинском анклаве.

Литература

Данченкова Н.Ю. Деревенский обычай «ходить по покойнику». Мирская православная традиция молений об умерших // религиозный опыт народной культуры. Образы. Обычаи. Художественная практика. М., Институт искусствознания. 2003. 173-225.

Книжная 2013 – Книжная культура: Ветка. Минск, Белорусская энциклопедия им. Петруся Бровки. 2013.

Левкиевская 2015 - Левкиевская Е.Е. «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / Сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина. Отв. ред. Д.В. Громов. М., ИЭА РАН, 2015. С. 10-35.

Левкиевская Елена Евгеньевна
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор
Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ

И. Б. Левонтина (Москва)

Новое в «маргинальном» синтаксисе: *Мама достала орать и уборкой*

В последние не менее 10 лет или даже 15 появилась и активно используется (в основном в молодежном сленге) новая конструкция: *Достал ныть!*; *Они достали уже травить его!* *достала писать!* *За...л так шутить!* *Задолбали писать идите в личку.* В ней выступают глаголы *достал*, *надоел*, *замучил*, *утомил*, *заколебал*, *задолбал*, *затрахан*, *за...л* и т. д. с общим значением: ‘воздействие на пациенса продолжалось в течение достаточно длительного времени, так что он больше не может его выносить’. Воздействие скорее само по себе неприятное, но возможно, что неприятно именно слишком долгое воздействие или повторение (*надоел комплиментами*). А в последнее время в новой конструкции отмечаются также глаголы *бесить*, *выбешивать* и даже *раздражать*: *Он меня уже бесит приставать!*; *Ты меня выбешиваешь орать!*

Примеры таких фраз есть даже в НКРЯ:

[Александр Нартов, муж] Будильник можно устанавливать только раз, надеюсь избавят в следующих прошивках До z10 был sony ion на андроид, **достал тупить**, тормозить, вечно разряжаться, и т.д. [коллективный. Форум: BlackBerry Z10 (2013)]

[Татьяна, жен, 19] Да ничего не было / пришел и **заколебал ныть** / «В чем я перед тобой виноват / что тебе не нравится...». [Разговоры студенток о личной жизни // Из коллекции Ульяновского университета, 2007]

[agd-ardin, nick] во вторых они меня **задолбали будить** по ночам [Твоя подпись в статусе (ICQ переписка) (2007.11.24)]

[Разговор в кафе] [Максим, муж, 21] Блин / родная / **задолбала опаздывать**. [Аня, жен, 19] нет / ну подожди / ты когда позвонил? [Разговор об отпуске // Из коллекции НКРЯ, 2006]

я знак тоже не стала вешать, у меня одна знакомая повесила месяца не проездила сняла - **замучили подрезать**, сигналить и т.п. и т.д... ((([Учимся водить (2007-2008)]

Это очень необычная для русского языка конструкция, с весьма нетривиальным контролем. В русском языке ситуация, когда глагол управляет инфинитивом с тем же субъектом, обычна только в случаях, если основной глагол не имеет объектной валентности (чаще всего это модальные и фазовые глаголы – *перестал читать, умеет петь, решил признаться, отказался признать*). Есть всего несколько таких глаголов: *обещал ему уйти, сулил ему отказаться от наследства в его пользу, угрожал ему расправиться, грозил ему убить*). Однако это глаголы, у которых вторая валентность замещается дативом, это глаголы, обозначающие речевые акты, при которых инфинитив замещает валентность содержания.

В нашем же случае некоторые из этих глаголов управляют ВИН (*достал маму*), а ИНФ замещает валентность причины, так что это совсем другая конструкция.

^[14] Действительно, для непривычного уха она звучит даже не совсем по-русски.

Стандартно здесь используется не ИНФ, а ТВОР:

Ты меня уже достал своим нытьем!

Достать здесь – трехвалентный глагол: *ты* ИМ – (каузатор), *меня* ВИН – пациенс, *нытьем* ТВОР - (причина).

В докладе рассматривается устройство новой конструкции и возможные факторы, повлиявшие на ее распространение.

Строго говоря, это не конструкция, а изменение модели управления – точнее, способов заполнения валентности у группы глаголов со сходными значениями, причем можно заметить, что круг этих глаголов постепенно расширяется. Ср. распространение новой модели управления у слов со значением ‘безразлично’- *все равно на что-л., пофиг на..., по барабану на..., фиолетово на...* – по аналогии с *наплевать на...; отмазка не работать* по аналогии с *повод / причина не работать*.

На распространение нового инфинитивного управления, вероятно, влияют и еще некоторые факторы. Так, инфинитив вообще активизировался в последнее время (происходит активизация «словарных» форм – ИМ и ИНФ); ср. другие инфинитивные конструкции *Ты рехнулся туда ходить; Ты с ума сошел с ним спорить; У меня нога*

болит по лестницам ходить. ИНФ вообще более разговорная форма, чем ТВОР отглагольного слова – *нитьем, опозданиями* и т. п.

Кроме того, возможно смещение конструкций – *надоело работать + надоел скандалами = надоел скандалить*.

Наконец, может иметь значение то, что во многих случаях исследуемые фразы выражают косвенный речевой акт: *Достал нить* понимается как требование прекратить нитье. Поэтому на управление может влиять использование ИНФ во фразах типа *Прекрати / хватит / хорош нить*.

Ирина Борисовна Левонтина
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова

Н. В. Ликвинцева (Москва)

Мать Мария (Скобцова) о периферии эмигрантской жизни

Одной из самых ярких особенностей матери Марии (Скобцовой) (1891-1945) был ее постоянный интерес и внимание ко всем гонимым и обездоленным, «ко всякого рода отверженности и обойденности» (Т. Манухина), к тем, кто оказался на периферии жизни: ее собственная жизнь и стала служением таким людям. При этом в своих поздних богословских работах она разрабатывает «мистику человекообщения» как способность увидеть в каждом встречном человеке образ Божий, самого Христа, и экклезиологию «внехрамовой литургии», изливающейся от евхаристической жертвы в мир, на «всех и вся», и тем самым оспаривающей само понятие «периферии» в ее отделенности от центра: ведь в круг «внехрамовой литургии» попадает каждый, в любом человеке можно увидеть Христа. Интересно проследить, как эта жизненная и богословская задача превращения периферии в центр ставится и решается и на уровне текста — в публицистических статьях и очерках матери Марии 1930-х годов.

Рассмотрим два блока таких текстов. В 1932 году, вскоре после монашеского пострига, она пишет для газеты «Последние новости» ряд очерков, объединенных в общий цикл «Русская география Франции», — своеобразный итог ее поездок по эмигрантской периферии в качестве секретаря РСХД по русской провинции. А в 1938 мать Мария пишет ряд статей, частично также опубликованных в «Последних новостях», посвященных русским эмигрантам, больным и здоровым, оказавшимся в лечебницах для душевнобольных. Оба блока текстов объединяет не только замысел: донести до парижского читателя сведения о тех, кто обычно выпадет из поля зрения, о провинциалах, об отверженных и забытых (варианты заглавия статей 1938 года: «Забытые люди» и «В мире отверженных»), — но и то, как автор этот замысел реализует. Композиционно очерки строятся часто как движение от внешнего к внутреннему: от пейзажа, топографии и истории провинциальных городов, приютивших русских эмигрантов, или больниц для умалишенных (данных часто при помощи ярких образов, лирических зарисовок, перекликающихся не только с поэтическим наследием матери Марии, но и с ее живописью), к внешним условиям жизни людей, а затем и к их душевному миру. Особое место занимают здесь портреты живых людей: автор не просто сострадает, но любит

каждой человеческой жизнью, каждым проблеском живого в человеке, будь то спившийся и опустившийся эмигрант или душевнобольной.

Очерки написаны живым, разговорным языком: авторская речь, обращенная к читателю (вопросы, обращения), переключается здесь с речевыми характеристиками героев, со вставными диалогами. В итоге создается общее пространство разговора, соединяющее адресата очерков (читателя, парижанина, человека, способного помочь) с «отверженными», каждый из которых последовательно становится из представителя периферии эмигрантской жизни центром авторского и читательского внимания.

Ликвинцева Наталья Владимировна
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Дома русского зарубежья им. А.Солженицына

А. А. Линдина (Истра)

Некоторые аспекты межличностных и межконфессиональных отношений в землях Германии в XVII веке (Послание, найденное в алебарде начала XVII века)

Вступление. В начале декабря 2016 года в МВК «Музей Новый Иерусалим» шел процесс подготовки выставки «Из домашних музеев», в которую входили раритеты из национализированных подмосковных усадеб. Планировалось выставить много старинного оружия XVI-XIX веков. При работе с алебардой начала XVII века реставратор по металлу Ширяков В.А. между древком и боевой частью обнаружил два скомканных клочка бумаги, на которых был плохо сохранившийся текст, написанный старонемецким шрифтом. Реставратор графики музея «Новый Иерусалим» Куликова Л.В. определила, что бумага, по всей видимости, ручной работы XVI-XVII веков, а текст нанесен железогалловыми чернилами. После реставрационных работ удалось сопоставить отдельные части текста. Текст записки, размером 9x20 см, состоял из 5 строк, из которых первую строку можно было прочитать. находка была настолько необычной, что сразу появилось несколько версий толкования текста.

Гипотезы. Первое предположение заключалось в том, что это молитва-оберег, так как одно из слов первой строки «Helfer» (помощник, спаситель). Версия немецких коллег – подобная записка могла относиться к «искусству Пассау». Так назывались записки - «заклятия», которые палач Каспар Нойтхарт продавал наемникам. Они должны были защитить от любого оружия, если иметь их при себе, или еще лучше, проглотить. Третья гипотеза - вотивное обращение с просьбой о помощи к этому оружию как к амулету. Эта версия заставила более пристально рассмотреть саму алебарду.

Алебарда как источник. Известно, что алебарда попала в музей в 1929 году из бывшего музея в усадьбе Никольское-Урюпино, куда в свою очередь поступила из усадьбы Дубровицы князя С.М. Голицына II. Считаю, что алебарда принадлежала парадной страже Иоганна III Сигизмунда маркграфа и курфюрста Бранденбургского (1572-1619) из династии Гогенцоллернов, о чем свидетельствует составной герб, украшающий клинок в его широкой части. На нем выгравирована дата: 1609 год.

Предполагаемый владелец алебарды. После смерти курфюрста Иохима III Фридриха (1546-1608) его сын маркграф Иоганн Сигизмунд вступает в права наследства и на его оружии и оружии его стражников появляется герб с перечислением подвластных ему территорий, среди которых были и те, например, герцогства Юлих, Клеве, Берг, где он не

являлся полноправным правителем, а только планировал им стать. Перед смертью 1618 году Иоганн Сигизмунд становится герцогом Пруссии.

Атрибуция записки по форме и содержанию. Из-за отсутствия водяных знаков точная датировка записки – под вопросом. Текст - рукописный, написан своеобразным и нередко трудночитаемым неоготическим курсивом. В послании хорошо читается первая строка: «Hilf, Helfer, Hilf aus Schmerzen» (Помоги, помощник, помоги от боли) и словосочетание «von liebhabendem Herzen» (от любящего сердца).

Старинные книги как источник исследования. Надо отметить тот факт, что в настоящее время многие старинные книги оцифрованы. Среди большого количества старинных текстов неожиданно удалось найти отрывок «Песни бедных студентов» (Bettelstudentenlied) из второго тома сборника Др. Генриха Гофмана «Ежемесячный журнал из и для Силезии» («Monatsschrift von und für Schlesien»), датированный 1829 годом. В этом издании на стр. 542 имелась ссылка на рукопись 1603 года, в которой были собраны духовные и светские песни конца XVI и начала XVII вв. Первая строфа песни полностью совпала с текстом записки, найденной в алебарде.

Романтический фактор в историческом исследовании. К сожалению, мы никогда не узнаем, кем и при каких обстоятельствах была написана записка, а также, почему она находилась в алебарде. Однако, налицо факт любовных страданий автора послания. Возможно, это был Иоганн Сигизмунд. В его жизни была женщина, близкая ему духовно. Звали ее Луиза Юлиана Нассау - Оранская, супруга курфюрста Пфальца Фридриха IV. В 1604 года Иоганн Сигизмунд длительное время находился при пфальцском дворе в Гейдельберге. Там он нашел богатую пищу для ума и сердца как в тесном дружеском общении с Луизой Юлианой, так и с теологами Гейдельбергского университета. Луиза Юлиана, убежденная кальвинистка, смогла повлиять на Иоганна Сигизмунда в его решении перейти из лютеранства в кальвинизм. Вместе они быть не могли, но решили объединить судьбы своих детей – Георга Вильгельма, наследника Иоганна Сигизмунда, и Елизаветы Шарлотты Пфальцской, третьей дочери Луизы Юлианы. В 1610 году пфальцграфиня Луиза Юлиана стала вдовой. Возможно, к ней стремилось сердце Иоганна Сигизмунда, тем более что его супруга, ревностная лютеранка, приняла сторону его противников в борьбе с оппозицией сословий в Пруссии и Бранденбурге.

Вывод. Курьёзный повод – обнаружение артефакта из прошлого – дал возможность на стыках реставраторского ремесла, исторической науки, литературоведческих поисков приоткрыть завесу в мир личности европейца XVII века. Тем более что указанная личность имеет историческую значимость. Фридрих Великий написал в своих "Мемуарах Бранденбургской династии", что история этого правящего рода стала интересной, лишь начиная с Иоганна Сигизмунда. Фактически он создал Бранденбургско-прусское государство со столицей в Берлине. Можно сказать, что с этим наследством династия Гогенцоллернов поневоле перешла в разряд великих, что потом стало определять жизненный стиль Прусского государства.

Записка, найденная в русском музее, актуализирует жизнь и деятельность курфюрста для изучения истории Германии, а также протягивает связующую нить между нашими странами.

Н. В. Литвина (Москва)

«Солнечные лучи ослабеют и он, гордый человек, сдастся»: арктические дневники, рисунки и записки астронома А.П. Ганского

Алексей Павлович Ганский – талантливый русский астроном, геодезист, гравиметрист, которого «открыл» академик О.А. Баклунд, директор Николаевской Главной астрономической обсерватории, во время посещения Новороссийского университета в 1896 году. Этим же летом А.П. Ганский, которому в то время исполнилось 26 лет, участвовал в научной экспедиции на Новую Землю, а затем на рубеже XIX-XX вв. в двух экспедициях на Шпицберген.

День за днем молодой ученый писал путевые записки, периодически сопровождая их зарисовками пейзажей и астрономических наблюдений [1]. Датированные и недатированные беглые карандашные записи дают представление о привычках, интересах, настроении автора. Алексей Павлович ежедневно подробно и эмоционально описывает погоду, пейзажи, растительность, поведение животных, все, что касается ощущений – качки, холода, усталости. «Очень холодно, мы мерзнем, жмемся, руки коченеют. Я нахожу способ: в перчатку без пальцев втыкаю карандаш, и им великолепно рисовать. Так мы с А.С. сидим (стоим) до часу. Понемногу освещение гор становится слабее. Покрывается и море, и они туманом... 16 августа 1899. Сегодня встаю невозможно поздно, в 12. Ветер дует, палатка гудит, крупа стучит по парусине, туман, все замерзло. Выхожу, ветер режет лицо, быстро промерзаешь, хотя только -1-2°».

В сравнении с естественнонаучными интересами и астрономическими наблюдениями, существенно меньше внимания он уделяет своим переживаниям. Алексей Павлович в дневниках скорее не анализирует свои порывы, а правдиво фиксирует их, как, например, сомнения перед второй северной экспедицией: «Приготавливаю, соображаю, вижу, что ехать глупо. Баклунд дает еще возможность отказаться. Ею не пользуюсь и окончательно собираюсь».

Посреди этого обширного текста, погружающего читателя в обстоятельства пути, отражающего ничтожность человека перед беспощадной природой, постоянно обращающего наш взгляд с автора на все то, что он видит, иногда встречаются строки очень личные, интонация которых почти всегда с оттенком грусти: «Что новое, хорошее могу я сказать, написать. Ведь старые уроки впрок мне не шли. Удивительно, как человеку трудно перемениться».

А.П. Ганский трагически погиб в Симеизе в 1908 году, не дожив до 40 лет, рядом с обсерваторией, в развитие которой он внес значительный вклад. Его научные открытия донныне фигурируют в учебниках по астрофизике без ссылки на автора, биография ученого складывается из нескольких страниц официальных документов, а опубликованное научное наследие представлено несколькими статьями, изданными в основном во Франции. Таким образом, дневники А.П. Ганского – трудный, но вероятный способ ближе познакомиться с их автором.

В докладе предполагается рассмотреть все основные темы, занимавшие автора дневников в ходе трех арктических экспедиций, а также фрагменты и эпизоды, отражающие особенности личности ученого.

Литература

1. Научные труды, дневники, фотографии, наброски выступлений и эссе А.П. Ганского хранятся в фонде 543, опись 11 Архива РАН; документы биографического характера – в фонде 703 СПбФ АРАН.

Литвина Наталья Викторовна
снс, зав. межкафедральной археографической лабораторией исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, снс Архива РАН

А.Л. Лифшиц (Москва)

Мемуарная история об «Олинке» и ее любви

Среди занятых изданий, вышедших в Москве в конце XVIII столетия, есть небольшая по объему книжечка, с которой связана сомнительная и не до конца ясная история. Это либретто оперы, сочиненное князем А.М. Белосельским (1752–1809; вторая часть фамилии – Белозерский – была пожалована ему и его потомству в 1799 г.). Музыка к постановке не сохранилась, но вроде бы – с этим никто не спорит – ее автором был знаменитый Осип Козловский. Экземпляры изданного либретто редки, как довольно многие книги того времени, не более.

Однако на этом несомненные сведения об издании заканчиваются. Так, по данным В. Сопикова, существовало два издания книги, одно – вышедшее в 1796 году, другое – изданное годом позже. Современные справочники описывают одно издание, датированное 1796 годом.

Между тем, дата на титульном листе книжечки не является несомненной, поскольку издание выходит с фиктивными выходными данными. Местом издания называется «село Ясное»; значит, что книга напечатана «с указного дозволения». То, что на самом деле книжка была напечатана в московской типографии А. Решетникова, устанавливается по шрифтам и заставкам.

Но издание с фиктивными выходными данными можно было бы признать книгоиздательским курьезом, а сведения В. Сопикова о двух изданиях книги – следствием ошибки, если бы не мемуарное свидетельство князя Петра Андреевича Вяземского, которое сделало текст князя Белосельского гораздо более популярным, чем заслуживают его литературные достоинства.

Знаменитый литератор записывает анекдот о громком скандале, спровоцированном постановкой полной непристойностей пьесы на домашнем театре Столыпина. По его словам, слух о скандале достиг ушей Павла I и чуть было не послужил причиной опалы князя Белосельского.

Замечательно, что следов скандала не обнаруживается в иных мемуарах, а сам князь Петр Андреевич никак не мог быть свидетелем описываемых событий – в то время ему было всего 4 года.

В рассказе Вяземского назван Столыпин, но его имя не совпадает с именами ни одного из братьев Столыпиных, владевших театром последовательно.

Князь Белосельский, по сообщению мемуариста, обращается за помощью в переделке пьесы к Н.М. Карамзину, но нет свидетельств об их хоть сколько-нибудь близком знакомстве.

Однако, несмотря на большое количество неточностей и исторически недостоверных деталей, мемуары Вяземского стали восприниматься как важное свидетельство о нравах театральной Москвы конца XVIII столетия, а пересказанные Н.П. Смирновым-Сокольским – приобрели статус рассказа об общеизвестном факте.

Между тем, сведения Вяземского должны быть сопоставлены с тем, что мы знаем о книгоиздательской практике конца XVIII столетия, и прокомментированы, и, наоборот, факт публикации книги с фиктивными выходными данными – объяснен с учетом его рассказа.

Александр Львович Лифшиц
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа Экономики»

А. Е. Максимова (Москва)

Музыка и балет в пьесе А. Шаховского «Аристофан, или Представление комедии “Всадники”»

«Историческая комедия» А.А. Шаховского «Аристофан, или Представление комедии “Всадники”» (1825) — произведение сложной сценической судьбы. В ноябре 1825 года пьеса была поставлена в Петербурге, но снята с репертуара и возобновлена в Петербурге и Москве осенью 1826 года. Текст произведения сразу повлёк за собой долгую литературную полемику. Внимание к этому сочинению Шаховского не угасает и сегодня.

Комедия включала «пение», «хоры» и «танцы», но проблема музыкального и хореографического оформления спектакля никогда не обсуждалась в научных работах. Музыка к комедии написал итальянский композитор К.А. Кавос — приглашённый капельмейстер русского театра, воспитавший плеяду отечественных певцов. Долгие годы он был связан творческими узами с Шаховским. Среди совместных сочинений — оперы «Любовная почта» и «Казак-стихотворец», драма «Сокол князя Ярослава Тверского, или Суженый на белом коне», трагедия «Керим-Гирей, или Крымский хан», комедия «Финн» и др. Балетмейстером спектакля стал знаменитый Ш. Дидло, с которым Кавос постоянно сотрудничал как композитор и дирижёр.

В архиве ВМОМК имени М. И. Глинки сохранилась нотная партитура К. Кавоса к комедии А.А. Шаховского и репетитор (переложение партитуры для нескольких инструментов). На основании этих редких памятников русского музыкального театра первой четверти XIX века можно составить гораздо более полное представление о спектакле и даже задуматься о его реконструкции. Значительный интерес представляют рукописные пометы на страницах этого документа, содержащие имена исполнителей, комментарии к сценическому действию.

Партитура состоит из шести развёрнутых номеров, включающих инструментальные и хоровые разделы. Указания на действия в нотах отсутствует, но на полях от руки зафиксированы моменты поднятия занавеса, вступления актёров, хора и кордебалета. Определить местоположение музыкальных фрагментов в спектакле

помогают ремарки литературного текста, соотнесение вербальных текстов пьесы и партитуры.

Исследование партитуры в сопоставлении с литературным текстом позволило выявить, что музыкальные номера сопровождают в комедии массовые эпизоды, объединяя хоровое пение и балетное действие (№№ 2, 3, 5, 6). Монументальные вокально-хореографические сцены сближают этот драматический спектакль с жанрами оперы и оратории, проистекая из музыкально-театральной традиции первой четверти XIX столетия.

Особый интерес для исследователя представляет оркестровый состав и инструментовка в музыке Кавоса. Композитор использует полноценный классический оркестр (включая тромбоны), дополненный арфой и ансамблем «янычарской» музыки для отражения древнегреческого колорита времён Аристофана.

Можно утверждать, что партитура к спектаклю, сохранившаяся в фонде Малого театра ВМОМК, выполнена специально для московской постановки пьесы. К тому же на полях нотного текста стоит помета: «*Последняя слова Синецкой...*». Причастность актрисы Малого театра М.Д. Львовой-Синецкой к постановке «Аристофана» (роль Аспазии) подтверждает список действующих лиц и исполнителей петербургской и московской трупп, опубликованный в издании комедии А. Шаховского (М., 1828). Участники балетных сцен в этом списке не перечислены — и снова на помощь приходят нотные тексты. На страницах репетитора обозначены имена некоторых танцовщиков: [Ф.] Гюлень-Сор, [И.К.] Лобанов, [Н.А.] Пешков, [К.Ф.] Богданов. В связи с постановкой пьесы силами Малого театра открытым остаётся вопрос о работе Ш. Дидло, осуществившего петербургскую премьеру, в Москве — не исключено, что его заменил другой балетмейстер.

Александра Евгеньевна Максимова
кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русской музыки
Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

Е. Н. Марасинова (Москва)

«Самодержавное и законодательное достоинство» в черновиках Екатерины II («Правда воли монаршей» против «Declaration of Rights»)

В докладе будет рассмотрен вопрос о стремлении Екатерины II доказать право монарха передавать власть не старшему сыну, а собственному избраннику. В поисках аргументации императрица обращается к «Правде воли монаршей» и к специально сделанному для нее переводу с английского на французский язык «Declaration of Rights» (1689). Под влиянием этих текстов в черновиках императрицы появляется понятие «самодержавное и законодательное достоинство», противоречиво объединяющее представление о неограниченной власти монарха и авторитете закона. Отмена указа о престолонаследии при Павле I после попыток Екатерины еще раз законодательно обосновать с помощью прецедентного права его легитимность может считаться первым актом ограничения самодержавия в России.

Доклад основан на лишь частично опубликованной коллекции бумаг Екатерины.

Марасинова Елена Нигметовна
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

А. А. Медведев (Тюмень)

Францисканский слой русской поэзии: гр. А. К. Толстой и Д. С. Мережковский

Настоящее открытие итальянского святого происходит в России на рубеже XIX–XX вв. Как заметил в 1911 г. В. В. Розанов, «с 90-х годов прошлого века в русской литературе, в стихах, в рассуждениях, даже в критических статьях, сделались весьма частыми ссылки на св. Франциска Ассизского. Он сделался каким-то “литературным русским святым”, притом “единственным святым” русской интеллигенции»^[15]. Но францисканский слой проступает уже в русской поэзии XIX в. Прежде всего в знаменитом гимне Иоанна Дамаскина из одноименной поэмы гр. А. К. Толстого «Благословляю вас, леса» (1858). Нетрудно заметить, что это песнопение преп. Иоанна, построенное на градации образов творения, напрямую соотносится с «Гимном брата солнца» св. Франциска.^[16] Поэтическое переложение византийской агиографии в поэме Толстого, воспринимаемое как традиционно православное, оказывается, имеет и францисканское звучание (вероятно, опосредованное через европейскую поэзию). Францисканские мотивы пронизывают и пролог поэмы «Дон Жуан» (1862), на что первым в 1899 г. обратил внимание В. В. Розанов («гимны цветов и птичек Богу»^[17]).

Д. С. Мережковский, автор первой в России поэмы о св. Франциске (1891), в ее создании опирался не только широкий корпус францисканских источников (латинские жизнеописания св. Франциска, французские издания «Цветочков» и др.), но и продолжал францисканскую линию Толстого. В финале IV главы I части поэмы Мережковского, посвященной любви Франциска к творению («Едет дальше: каждая былинка»^[18]), проступают аллюзии на гимн Дамаскина из поэмы Толстого, в котором звучат те же мотивы пути, странничества, бессребренничества, песнопения, творения Божьего (долины, горы), то же персоналистическое переживание природы («каждая былинка»).

Переплетение собственно францисканских мотивов благодарения Бога и образов Божьего творения (напрямую и через гимн из поэмы Толстого) присутствует и в стихотворении Мережковского «Бог» (1890)^[19]. В первой публикации этого стихотворения (под заглавием «Молитва») вместо строки «Ты – голос бури» был вариант, непосредственно отсылающий к «Гимну брата Солнца»: «Ты – в поле травка»^[20].

Мережковский видит в «первобытном галилейском», «всепрощающем» христианстве Пушкина, чуждом «всякой теологии, всяких внешних форм», близость к «серафическим гимнам Франциска», к его «религии жалости и целомудрия»^[21].

Таким образом, гр. А. К. Толстой и Д. С. Мережковский (в своем интертекстуальном диалоге) органично вписывают образ св. Франциска в традицию русской лирики.

Александр Александрович Медведев
кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Тюменского
государственного университета

Михаил Михеев(Москва)

Двоеточие и сразу же за ним тире : – знак возвращения в прямую речь из авторской. Нужен ли?

По правилам русской пунктуации переход из авторской речи в прямую может обозначаться несколькими способами, среди которых есть и такой, который допускает постановку после слов автора (без кавычек и без начала нового абзаца) – двоеточия и тире при начале прямой речи с заглавной буквы: *Мать сказала: – Надень пальто, сегодня холодно.* Начало прямой речи со строчной буквы в таком случае недопустимо: **Мать сказала: – надень пальто.* Постановка данного комбинированного знака возможно также при вторичном переходе от слов автора к прямой речи, или возвращении к ней, когда предложение уже начато с прямой речи, а слова автора вклиниваются внутрь:

– *Надень пальто, – сказала мать: – Сегодня холодно.*

Но и в этом случае прямая речь должна начинаться с заглавной буквы. Формально строчная буква здесь хотя и не запрещена, но фактически ее употребление оказывается вытесненным из узуса, так как имеется более простой (а значит, единственный?) вариант: запятая + тире + строчная буква, что регулируется следующими правилами (согласно “Справочнику по правописанию и стилистике” Д.Э. Розенталя):

- a. Если на месте разрыва прямой речи авторскими словами не должно было быть никакого знака или должна была стоять запятая, точка с запятой, двоеточие или тире, то слова автора выделяются с обеих сторон запятой и тире, после которых первое слово пишется со строчной буквы, например: «Мы решили, – продолжал заседатель, – с вашего позволения остаться здесь ночевать» (Пушкин); «Позвольте, – заметил один скептик, – не от лимонов ли этот ящик?» (Гончаров).
- b. Если в авторских словах внутри прямой речи имеются два глагола со значением высказывания, из которых один относится к первой части прямой речи, а другой – ко второй, то после слов автора ставятся двоеточие и тире, причем первое слово второй части пишется с прописной буквы. Например: «Я тебя не спрашиваю, – строго сказал офицер и снова повторил: – Старуха, отвечай!» (Горький); «Покорно благодарю, – отозвался Мешков, смиренно снял картузик, но сразу опять надел и поклонился, добавив торопливо: – Спасибо вам большое, товарищи» (Федин).
– http://www.sinykova.ru/spravochnik-rozentala/punct_xxxi/

(Спрашивается: а почему не сказано, как действовать в случае, когда в словах автора только один глагол со значением высказывания, но относящийся сразу к обеим частям прямой речи, как в большинстве случаев и бывает?)

Надо между тем отметить, что комбинированный знак ‘двоеточие + тире + начало прямой речи со строчной буквы’ широко использовался в этих случаях авторами в XIX и в начале XX века. Вот примеры, где он употребляется и в случаях (а), и (б):

(а) – Лошадь недурна, (...) Ноги отличные! – с убеждением возразил Ситников: – а зад-то... извольте посмотреть... печь печью, хоть выпись. [И. С. Тургенев. Лебедянь (1848)]

– А ведь и про них тоже знаем мы немало... – продолжала Иродиада: – говорить-то только не хочется... [А. Ф. Писемский. Взбаламученное море (1863)]

– Говори! – ревел генерал в совершенном исступлении: — говори, под страхом отцовского проклятия... говори! [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)]

(б) "А что до вас, г. Болотов, касается, – обратясь ко мне, продолжал он: – то вы извольте об отставке вас, в силу указа о вольности дворянства, подать в коллегия особую челобитную; да вот, постойте, я велю её вам и написать". [А. Т. Болотов. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков (1800)]

– Вы что зеваете, скоты? – продолжал он, обращаясь к слугам: – бегите, отказать ему; да чтоб и впредь... [А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828)]

– Поезд-то остановится, а там опять небось целая туча народу, – сказал тихо человек в чуйке. И крикнул: – говорят тебе русским языком, – человек на человеке сидит. [П. С. Романов. Звери (1925)]

Эта же комбинация знаков весьма активно использовалась для обозначения возврата к прерванной прямой речи и в текстах Федора Дмитриевича Крюкова:

– От работы, брат, не будешь богат, а будешь горбат, – говорил сзади меня чей-то грустный голос: – вот я на своем веку поработал всякой работы – и своей, и чужой, а все ни черта ничего нет. («На тихом Дону» 1898)

– Вот народ – японцы! – заговорил снова мой возница, повернувшись ко мне боком на козлах: – ростом с сидячую кошку, поглядеть нечего, а поди как воюет! диковина одна!.. («Около войны» 1914).

– А Петя Новоселов уж набрался, – сообщал иной наблюдатель: – через губу не переплюнет... (рук. «Ратник» 1915).

Впрочем, хотя изредка, или, так сказать, «из-под полы», этот же знак все-таки продолжал использоваться и в XX веке, и в случаях (а), и (б), вплоть до нашего времени:

– Эти добрые люди, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и всё перепутали, что я говорил. [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)]

– И как будто сама всё видишь, – она подумала и чуть затуманилась: – замуж хочет взять. [Ю.О. Домбровский. Леди Макбет (1970)]

– Можешь привести с собой трех-четырёх... – он вдруг запнулся. Я понял, что он хотел сказать. Однако он вывернулся и добавил: – друзей. [Фазиль Искандер. Гнилая интеллигенция и аферизмы // «Знамя», 2001]

Сейчас на запрос в Национальном Корпусе при поиске комбинации знаков ‘двоеточие+тире’ выдается несколько десятков тысяч контекстов, однако из них имеют продолжение после тире строчной буквой за XX-XXI вв. всего лишь десятки (в лучшем случае сотни) примеров, а ранее, за XIX в., соотношение по крайней мере на порядок иное. Впрочем, и сейчас встречается использование этого знака в иных, как бы специализированных целях, например (в «Воспоминаниях об А.Д. Сахарове» Роя Медведева):

Иногда он показывал пальцем на потолок: – обычный знак того, что разговоры в квартире могут прослушиваться КГБ.

Вечером 10 июля А.Д. позвонил мне и спросил: – слушаю ли я передачу Би-Би-Си.

Но фильм так и не вышел: – не так просто было подыскать артистов на роли Сахарова, Солженицына, Твардовского, Гранина, Капицы и других.

Таким образом, с середины прошлого века по настоящее время ‘двоеточие+тире+начало со строчной буквы’ как самостоятельный знак возвращения к прерванной прямой речи практически исчезает, будучи вытеснен из письма стандартным ‘запятая+тире+строчная’, что по сути, конечно, проще, так как им создается симметрия – такая же, как в случае первичного перехода от слов автора к прямой речи. Но зрительно, кажется, это лишает текст необходимого разнообразия и часто вводит читателя в затруднение, сбивая нашу уверенность в том, в какой части фразы мы находимся. Поскольку возможность продолжения прямой речи со строчной буквы в современных правилах вообще не оговаривается, эта комбинация знаков как будто исчезла из письма. А жаль. Она могла бы быть выразительным сигналом возврата к прямой речи и во многих случаях внесла бы приятное разнообразие – вместо однообразно вставляемых запятой и тире.

Михаил Юрьевич Михеев
д. филол. н., в. н. с. НИВЦ МГУ / ФИЦ ИУ РАН

Особый путь внутри особого пути: маргиналия как зона свободы от конфликта культуры

Все родившиеся, выросшие и живущие в России люди довольно быстро усваивают фундаментальный дуализм русской культуры, ее принципиальную двойственность и расколотость – на «славянофильство» и «западничество», «либерализм» и «имперство». Все это едва ли не впитывается нами с молоком матери – хотя в осознанном виде нагоняет нас уже ближе ко времени получения высшего образования. Далее, как правило, мы определяемся лишь с тем, на каком берегу сами хотим – или считаем нужным – оказаться, к какому лагерю принадлежать. Встать над конфликтом не очень-то получается: как исследователи, мы можем анализировать его с относительно холодной головой, но как живущие (по словам Ницше) мы подпадаем под его власть непосредственно, мы так или иначе совпадаем с одной из сторон, всю жизнь колеблемся и выбираем. Впрочем, и как исследователи, вне зависимости от нашей окончательной «аффилиации» и симпатий, мы склонны рассматривать любую фигуру и любой артефакт русской культуры начиная с Пушкина в свете этого основополагающего конфликта. Все, что не вписывается, чего мы не знаем и не понимаем (о самих себе), проходит по разряду маргиналий, не стоящих особого внимания. Понятие «маргинального» также адресуется каждой из сторон – своим оппонентам: «имперцы» настаивают, что их традиция – образующая и несущая конструкция самого существования России, а всяческий «либерализм» – в лучшем случае ее слабый и случайный эффект, компромисс, в худшем – нечто инородное, враждебное и разрушительное; «либералы» же заявляют, что само российское агрессивное и тоталитарное державничество – маргиналия, обочина мирового прогресса, куда мы сами себя вытесняем в погоне за архаическим достоинством и идеалами «особого пути», обрекая страну на вечное отставание и вторичность. При этом участники конфликта зачастую говорят на похожем, если не вообще на одном, языке, делят один «жизненный мир» и руководствуются одними и теми же ориентирами, различаясь лишь в расстановке ценностных акцентов.

Тем не менее, в последнее время намечаются попытки выпрыгнуть из этой привычной, но чрезвычайно ригидной схемы. В противовес имперскому пафосу особого пути России в мире некоторыми интеллектуалами была выдвинута идея наличия в самой русской культуре и истории особого, третьего пути, проходящего между крайностей западничества и славянофильства. Вдоль этого пути залегает огромный горизонтальный пласт отечественной культуры, почти не прочитывающийся, в лучшем случае, мелькающий на полях либерального или имперского дискурса. Согласно сторонникам этого взгляда, мы должны перенастроить свой мыслительный аппарат на восприятие этих прежде недоступных, ускользавших частей культурного спектра, обнаружить «иные стратегии культурного мышления, множество нетривиальных ориентиров, неожиданные модели социально-культурных решений, опирающиеся притом на родную для нас почву» (цит. по А. Русаков. Ответственность культуры и культурное многообразие. Дружба Народов, 2016/1).

Здесь встает несколько важных вопросов, которые и являются целью нашего рассмотрения:

1) насколько с научной точки зрения оправданы запрос и претензия пропагандистов «новой личности» на обнаружение ими «маргиналии свободы» внутри существующих парадигм российской культуры – или же это все-таки в большей степени выдача желаемого за действительное;

2) чем «маргиналия свободы» отличается от маргинальных в плохом смысле слова феноменов, почему она не компромисс и не примитивный эскапизм, стоит ли ей приписывать особое значение;

3) действительно ли «маргиналия свободы» способна удержать свою самостоятельность, и не дать себя поглотить традиционным большим дискурсам отечественной культуры и самосознания;

4) насколько «маргиналия свободы» сложна в самой себе;

5) каковы примеры феноменов, лучше объясняемых ею, а не традиционными большими дискурсами.

Николай Николаевич Мурзин
кандидат философских наук, научный сотрудник
Сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук
Института философии РАН

Константин Александрович Павлов-Пинус
кандидат философских наук, старший научный сотрудник
Сектора философских проблем социальных и гуманитарных наук
Института философии РАН

А. В. Наместников (Москва)

Факт и история

История – это РАССКАЗ о прошлом. Рассказ ОДНОГО человека. Но это всегда история одного человека, считающего себя частью некоей ОБЩНОСТИ. Если я считаю этот рассказ правдивым, это означает только одно – я доверяю этому человеку и хочу быть с ним единым, хочу принадлежать к той же общности, с которой он себя отождествляет. Если многие верят рассказу этого человека, то формируется общность людей, объединенных одним пониманием истории. И тогда мы доверяем этим многим – тем, с которыми мы составляем единую общность. Тогда множество рассказов будут похожи между собой, и мы будем считать, что этот рассказ и является единственной и последней правдой.

История это всегда конкретный человек, рассказ конкретного человека, вокруг которого формируется общность людей, поверивших в эту историю и считающих ее наиболее правдивым и адекватным описанием прошлого, настоящего и будущего.

История – это человеческий способ осмысления мира. Мы осмысляем мир через рассказывание и слушание историй. Человек – единственное существо, рассказывающее истории.

Через слушание историй тех людей, которым мы доверяем, мы понимаем себя. Слушание историй помогает нам составить и свои истории, а значит – понять себя. Познать самого себя можно только рассказав другим свою историю. Найти свою историю – и значит познать себя.

История – это не множество фактов. История - это ответ на вопрос «Кто мы?». И этот ответ можно уложить в полстраницы.

Во всякой истории есть ее ядро, которое можно изложить буквально на половине страницы, а то и меньше. Это ядро можно назвать моделью истории. Это ядро и дает нам возможность описывать происходящие вокруг события. Без ядра, без модели никакое описание событий невозможно. Разные модели приводят к различному осмыслению событий. Факт – это описание события с точки зрения конкретной модели. Одно событие реальности может быть описано совершенно по-разному в зависимости от выбранной модели. Одно и то же событие может предстать (и предстает) как множество фактов. Но мы склонны называть фактом лишь то, что укладывается в нашу модель истории, а то, что не укладывается, мы называем вымыслом, фальсификацией, обманом, мифом. Отбор фактов возможен только внутри модели. Вне модели может быть только накопление информации без попытки ее понимания, без попытки осмысления – набор любопытных, но бессмысленных анекдотов, который сегодня принято называть «культурным багажом».

Факт – это ОПИСАНИЕ события средствами языка. Описание возможно только как рассказ (история). Понимание факта – это встраивание рассказа о каком-либо (любом) событии в универсальную историю мироздания. Мы видим не глазами, а языком. Увидеть мы можем лишь то, что можем описать. Описание события неминуемо встраивается в универсальную историю. Одно и то же событие может быть описано очень по-разному, исходя из разных историй мироздания. Одно описание может быть не только непохожим на другое, но и прямо противоположным.

(Примеры – ВОВ, октябрьская революция, 1812 год, Воскресение Христово).

Описание собственной жизни с точки зрения различных историй мироздания также принципиально отличается. (Пример - Августин молодой и Августин епископ).

Нет смысла копить факты. Факты – это отражение модели истории. Иная модель – иной набор фактов и иное восприятие прежних фактов.

Понимание истории – это не огромный багаж «дней минувших анекдотов», а осознанный выбор модели истории.

Почему мы выбираем ту или иную модель? Мы или бездумно выбираем ту модель, которую навязывает нам школа и ближайшее окружение, либо, пережив катастрофу и не найдя адекватного ее объяснения внутри знакомой модели, мы сознательно или бессознательно ищем новую модель. И дело здесь не в объясняющей силе модели. Любая модель при нашем желании может подойти при совсем незначительной корректировке. Дело в общности. Меняется та общность, к которой мы хотим себя относить. И главное при выборе модели – понять, с кем я хочу быть, частью какого МЫ я хочу стать.

Человек – единственное существо, призванное переосмыслить свою историю, найти свою истинную историю, найти себя, узнать самого себя.

Наместников Андрей Валерьевич
кандидат исторических наук, НИИ социальных систем (НИИСС)

И. В. Овчинкина (Москва)

**Д.С. Мережковский в прочтении И.А. Ильина: комментарий-оценочные
маргиналии и интерпретация творчества**

Неприязнь И.А. Ильина к философии и культуре Серебряного века, обоснованная им в ряде работ, статей и публичных выступлений, задавала определенную оптику прочтения художественных произведений Д.С. Мережковского. Д.С. Мережковский как адепт символизма, претендовавший на роль теурга новой художественной реальности – реальности, лишенной религиозных и нравственных границ, вызывал резкую критику И.А. Ильина. Вместе с тем было бы ошибочным считать позицию И.А. Ильина как литературного критика и эссеиста литературно-центристской или даже литературно-националистической.

И.А. Ильин не признавал модернизма в литературе, музыке, философии и живописи. Причинами резкого неприятия для него были 1) невписанность модернизма в парадигму русской культуры и его отрыв от русской культурной традиции; 2) факт глубокого кризиса русской религиозности, национального сознания, разложения «подпочвенных основ»^[22], аффективность и провозглашение «личных химер»; 3) отрицательная духовность и соблазны, вызванные «повышенным интересом к пограничным вопросам религии и пола»^[23], создавшие «леprozорий русской духовной культуры»^[24] («мистерии», «экстазы», хлыстовское смешение блуда и религии); 4) формализация культуры; 5) связь с большевизмом, логически обусловленная теорией и практикой вседозволенности.

Таким образом, И.А. Ильин полагал, что модернизм есть зона «нехристианской и противохристианской культуры»^[25], обусловленная «чувственной возбужденностью, нервной развинченностью и духовной пустотой»^[26].

С разной степенью очевидности, за исключением связи с большевизмом, эти постулируемые максимы оказались применимы к прочтению романов Д.С. Мережковского. В личной библиотеке И.А. Ильина, находящейся в настоящий момент в Отделе редких книг и рукописей НБ МГУ, содержатся 4 книги Д.С. Мережковского, составляющие 10 томов («Иисус Неизвестный». В 2 т. 3 кн. (Белград, 1932-1934); «Наполеон». Т. 1. (Белград, 1929); «Тайна Запада. Атлантида-Европа» (Белград, 1931); «Христос и Антихрист». Трилогия в 5 т. (Берлин, 1922). Судя по годам издания, они были прочитаны в берлинский период жизни И.А. Ильина и вызвали неподдельный читательский интерес. Следы чтения разной степени интенсивности содержатся в каждой книге, их анализ позволяет предположить тезисный набросок к лекции о Мережковском, впервые прочитанной на немецком языке 21 января 1931 года в Берлине и позже 29 июня 1934 года в цикле лекций по «Новой русской литературе» в Русском Научном институте.

Мережковский интересовал И.А. Ильина как представитель современной русской литературы наряду с такими значимыми для него именами, как И. Бунин, И. Шмелев и А. Ремизов. Но, в отличие от них, он воспринимал Мережковского исключительно как художника, создававшего «большие исторические панно», «холодно-живописующего декоратора»^[27], а не писателя, историка и мыслителя. Отдельные карандашные пометы на полях книг: «освещение через соблазны как метод»; «соблазн»; «вздор»; «игра словами»; «Мережковский – декоратор-макетист»; «какая бессвязная и в то же время претенциозная болтовня»; «аффектация, психологически не мотивированная»; «агностическая софистика»; «pro domo sua»; «слишком много безответственных выдумок и праздно болтовни для биографии и полное отсутствие фабулы и эстетической принадлежности для художественного произведения...» и пр. – свидетельствовали об определенном ракурсе исследования текстов.

Для И.А. Ильина-критика одним из важных вопросов был вопрос о границах художественности. В произведениях Д.С. Мережковского он исследует «волевой и художественный акт», «главный помысел», «эстетический предмет», «эстетическую и

художественную материю», структуру образа и приходит к выводу об измененном «акте художественной апперцепции»^[28], сформировавшей собственный стилистический «личный штамп». В этом «штампе» он видит неизменно присутствующую «ересь астартизма»^[29]; подвижность гендерных и этических границ; «половую мистику»; «искусственную, мертвую, диалектическую схоластику»^[30].

Овчинкина Ирина Вячеславовна

кандидат филологических наук

Москва, РГГУ, кафедра теории и практики перевода ИФИ, доцент

Е. Н. Пенская (Москва)

Сухонин Петр Петрович – "пограничный человек" 1840-х годов

Сухонин П.П. (псевдонимы Шардин, Говоров), (1821-1884) - беллетрист, писатель, состоял на морской службе, служил чиновником особых поручений при товарище министра народного просвещения и в министерстве финансов. Одна из неярких, но выразительных фигур 1840-х годов, совместивших в своем облике "пограничные черты" чиновника и литератора. Умение работать сразу на нескольких территориях (создание "служебных записок", аналитических очерков, связанных с его профессией, перенесение практического опыта и наблюдений в литературные сочинения) послужило формированию "гибридных жанров", востребованных сценой и журналистикой последней трети XIX века.

Первый его роман «**Спекуляторы**» (БдЧ, 1847, № 8–11) вызвал резкую критику. Но позднее К.И. Чуковский довольно высоко оценил это сочинение как «первый русский роман из жизни героев наживы», написанный «не без влияния Бальзака», но «с натуры»: «векселя перемешаны в нем с любовью и подвигами», а «высшая знать и столбовое дворянство... сильно заверчены денежным смерчем» (см. его кн.: Люди и книги, М., 1960, с. 277–78). Известность пришла к С. после премьеры этноисторической пьесы в 3 д. «**Рус. свадьба в исходе XVI-го века**. Драм. представление из частной жизни наших предков» (пост.: Александр. т-р, 1852, 8 апр.; Малый т-р, 17 окт. 1852; опубли.: СПб., 1854; 2-е изд., СПб., 1884). Все, что писал Сухонин, укладывалось в две колеи. Как прозаик и драматург, он воссоздавал историческую картину сквозь рамку этнографических подробностей, одновременно акцентируя сюжеты, связанные с коммерцией. Как автор статей, обращался к тематике, которую знал профессионально (мореходство, финансы, экономика), разоблачая технические авантюры, связанные с переустройством, а точнее с губительством старейших водных коммуникаций [см., напр., брошюры «**О размере переустройства Мариинской системы**» (СПб., 1874; 2-е изд. – СПб., 1876)]. В конце жизни выпустил сб. «**Ист. рассказы**» (СПб. 1884) и активно работал над жанром исторического романа: «**Род князей Зацепиных, или Борьба начал**» (СПб., 1883, т.1–2); «**Княжна Владимирская (Тараканова), или Зацепинские капиталы**» (СПб., 1882); «**На рубеже двух столетий**» [«Век», 1883, № 1-12) - другое название: «Польский проходимец» (СПб., 1909)]. «Обстановочный» стиль пьес Сухонина сохранялся в его беллетристике 1880-х в обилии «музейных» подробностей, в любовной «реставрации» вещей, заполняющих пространство, в словесных «хороводах», в виньеточной вязи реплик. Стиль этот при всей его узнаваемости постоянно нарушался и разрывался анахронизмами, занесенными газетно-журнальным жаргоном прессы. Романы Сухонина попадали в плотный многонаселенный беллетристический трафик. Деклассированные персонажи, оторвавшиеся от корней и выброшенные за пределы истории из своих социальных,

политических луз, стали маркировкой, формулой романного жанра 1880-х гг. За что бы ни брался Сухонин, у него получались «проходимцы», «спекуляторы». Деньги «выскакивали» отовсюду. Рукопись Сухонина «Моя жизнь» (РНБ, ф. 118, № 21), написанная, очевидно, по просьбе Быкова, содержит факты и свидетельства, проясняющие не только историю некоторых его произведений, в т.ч. ром. «Спекуляторы», но также сюжеты, фигуры и события, значимые для обозначения границ русской культурной жизни (фрагмент автобиогр. см.: Быков, 1930, с. 191–92). Современники видели в Сухонине «одного из энергических представителей литературной семьи сороковых годов» и отмечали его «труженическую жизнь» (ИВ, 1884, № 8, с. 467).

БдЧ - Библиотека для чтения

ИВ - Исторический вестник

Пенская Елена Наумовна
доктор филологических наук, профессор
руководитель школы филологии
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Т. В. Пентковская (Москва)

Система маргинальных помет в рукописях книжного круга Епифания Славинецкого и ее источники

Книжное наследие выходца из Юго-Западной Руси Епифания Славинецкого († 1675) и монаха московского Чудова монастыря Евфимия († 1705) по большей части осталось в рукописях. Среди них находятся автографы, что позволяет не только изучить индивидуальную систему помет каждого автора, но и сопоставить югозападнорусские и московские принципы оформления текста.

Переводы выполнялись книжниками с греческого, латинского и польского языков, причем в ряде случаев переведенный текст восходит сразу к нескольким источникам на разных языках, принадлежащим к различным конфессиональным традициям (это относится прежде всего к Новому Завету, перевод которого был начат в 1673 г. и продолжен в 1678–1679 гг.). Переводу Нового Завета 1670-х гг. предшествовал перевод толковых Посланий апостола Павла, сохранившийся в рукописи ГИМ, Син. 718 (автограф Епифания). Этот перевод был сделан по лондонскому изданию греческого текста 1636 г.

Маргинальные пометы в рукописях епифаниевского книжного круга составляют иерархически организованную систему. Сюда входит прежде всего подсистема отсылок к использованным источникам. Так, сокращенные названия ряда источников используются в Новом Завете 1670-х гг. Указание источников перевода в публикации библейского текста известно как в польских изданиях, так и в восточнославянских изданиях на территории Великого Княжества Литовского.

Указываются в переводах книжного круга Епифания параллельные места и источники цитат. Информация об этом, как правило, заимствуется из оригиналов, среди которых важнейшее место принадлежит западноевропейским и киевским изданиям. В рукописях Епифания Славинецкого (в частности, ГИМ, Син. 597) такие указания могут даваться по-латыни. В «Слове о милости», переведенном с польского, на полях добавляются краткие

рубрики-заголовки, восходящие к рубрикам оригинала. Подобные рубрики находятся и на полях списков перевода Атласа Блау.

В систему маргиналий на полях входят лексические и грамматические глоссы, которые представляют собой, во-первых, результат сверки текста по нескольким источникам, во-вторых, результат работы с мультязычными лексиконами, в-третьих, они продолжают предшествующую традицию приведения славянских лексических вариантов-«произвольников». Имеется несколько способов оформления глосс, причем ряд знаков находит прямые параллели в западной традиции. Так, знак [^] (он используется Епифанием в переводе толкований Феофилакта на апостольские послания) имеется, в частности, в польских изданиях Нового Завета (например, в Новом Завете Я. Вуйка 1593 г., использованном московскими книжниками), где им обозначаются разночтения, возникшие в ходе сверки греческой и латинской версий Нового Завета. Знаком ^{//} в системе польского Нового Завета 1593 г. помечаются варианты перевода одного слова или словосочетания. Сходным образом оформляются глоссы и в лондонском издании греческого текста толкований Феофилакта Болгарского на Послания. При перенесении текста основного текста из перевода посланий в полный Новый Завет московские книжники изменяют этот способ оформления на традиционный для московской системы.

Таким образом в переводах Епифания и Евфимия создается справочный и научно-критический аппарат, воспроизводящий традиции западноевропейских критических изданий библейских и естественнонаучных текстов.

Пентковская Татьяна Викторовна
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Я. А. Пенькова (Москва)

Второе будущее: грамматический термин как метафора

*Туды его перфект-плюсквамперфект
в аккузатив аблятивом....
І футурум айн мітфутурум цвайюму навздогін.
Интернет-форум*

В статье 2014 г. Д.В. Сичинава показывает, как может метафорически употребляться лингвистический термин *плюсквамперфект*.

Любопытно посмотреть, могут ли употребляться как языковой образ термины, обозначающие *второе будущее* - конструкцию, аналогичную плюсквамперфекту, но выражающую предшествование в будущем, а не в прошлом. Оказывается, несмотря на исключительную редкость такого рода форм времени в иностранных языках, которые послужили источниками терминов (*футурум экзактум, футурум цвай, фьюче перфект...*), в текстах разных жанров и эпох можно найти редкие примеры метафорического использования этих терминов. Второе будущее, в отличие от плюсквамперфекта, не имеет общепринятого обозначения, поэтому более оправдан ономаσιологический подход - исследование метафорического использования разных лингвистических терминов, называющих эту конструкцию.

Материал собран с помощью НКРЯ и других интернет-ресурсов.

Все рассматриваемые термины имеют иноязычное происхождение, немецкий термин *футурум цвай* обнаруживает некоторое сходство с термином *плюсквамперфект* в способах метафорического обыгрывания: *plus quam perfect* - «плюс к вам перфект»; во внутренней форме *футурум цвай* также идея прибавления, увеличения: «будущее первое + I». Показательна взаимосвязь языков - источников грамматического термина и контекста эпохи: латынь (тексты XIX в.), французский (начало XX в.), немецкий язык (20-е годы XX в.; послевоенный период; современность) и английский (послевоенный период; современность).

Можно выделить несколько типов метафорического использования лингвистических терминов, называющих форму второго будущего, приведем два примера:

1) *Нечто неважное, косвенное, побочное, будничное*: Вскоре долгий день был предан забвению среди форм *passé* и **futur antérieur**, поливки гиацинтов и прогулок по Сибирской и Оханской... Когда впоследствии она припоминала тот дом на Осинской, где они тогда жили, он представлялся ей всегда таким, каким она видела его в тот второй долгий день [Б. Л. Пастернак. *Детство Люверс* (1918)].

Употребление варваризма **futur antérieur** в контексте с *поливкой гиацинтов* рождает представление о чем-то будничном, неважном, ненужном. С другой стороны, резко выделяющиеся в тексте варваризмы на латинице предстают символом прошлой дореволюционной жизни, чего-то далекого и безвозвратно ушедшего.

2) *Нечто неожиданное, альтернативное*: Времена вновь изменились, наступило другое будущее, если угодно, "**футурум цвай**". Время, о котором ничего не знал бы ни Пьер, ни Лев Николаевич... Тоже для многих из нас **неожиданное**. Как бы назвать эту форму глагола... "**прошлое в будущем**", что ли? (статья <http://polit.ru/article/2006/06/01/svetov/> 2006 года)

В данном примере обыгрывается внутренняя форма термина, иначе называющего *другое будущее*, о котором ведет речь автор статьи; это оказывается возможным благодаря синкретичному представлению о времени физическом и о времени грамматическом.

Каждый тип метафорического использования терминов, называющих второе будущее, как правило, уникален и почти не повторяется, это всегда *семантический неологизм*. Однако при этом обнаруживается нетривиальное совпадение между грамматической многозначностью конструкции и возможностями ее метафорической концептуализации. Перед нами, таким образом, одни и те же механизмы, действующие на уровне грамматической семантики и на уровне языковой метафоры.

Яна Андреевна Пенькова
кандидат филологических наук
научный сотрудник Института русского языка РАН им. В.В.Виноградова

З. Ю.Петрова (Москва) Интернет-терминология в поэзии

На рубеже XX-XXI вв. развитие научно-технического прогресса влечет за собой активное пополнение поэтического лексикона терминами подязыков техники и

различных наук: математики, физики, астрономии, медицины и др. Важнейшую роль в современном обществе играет развитие информационных технологий, Интернета, и поэзия не остается в стороне от этого развития. В докладе на материале текстов, опубликованных на сайте “Vavilon.ru”, рассматриваются интернет-термины, используемые современными поэтами, роль этих терминов в поэтических произведениях; те приращения смысла, которые эти слова приобретают в контексте.

Поэты используют широкий круг разнообразных лексических средств поля «Интернет»: само слово *Интернет*, его синоним *сеть*, обозначение *Рунет*, слово *сайт* и названия типов сайтов: *блог*, *живой журнал*, *портал*, названия конкретных сайтов и социальных сетей: *Ю-Тьюб*, *лст.фм*, *фейсбук*, *одноклассники.ру*, средств общения в сети: *чат*, *форум*, поисковых систем: *гугл*, *яндекс*, средств передачи сообщений: *e-mail* (*электронная почта*) (часто встречается и термин *смс*, относящийся к мобильной телефонной связи), названия доменных расширений: *.ru*, *.com*, специфических символов: *смайлик*, другие термины: *пост*, *урл*, *гиперссылки*, *линки*, *хост*, *интернет-провайдер*, *веб-мастер*, *веб-камера*, *скайп*, *офлайн*, *онлайн* и некоторые другие.

Подавляющее большинство рассматриваемых лексических единиц составляют иноязычные слова. Среди них выделяются кальки: *живой журнал* (англ. livejournal), транслитерации: *ник* (англ. nick), *лайфджорнал*, *имейл*. Некоторые английские слова поэты употребляют без изменений: *e-mail*, *connect*, *disconnect*, *online*, *google*, *wi-fi* и др., иногда в результате этого получаются своеобразные макаронические контексты.

В поэтических произведениях широко используются и слова из неформальной интернет-коммуникации, имеющие разговорную или просторечную стилистическую отнесенность. Среди них активны такие словообразовательные модели, как усечение: *ник*, *комп*, *инфа*; экспрессивные суффиксальные и префиксально-суффиксальные дериваты: *жежеешный*, *photoshop'овский*, *юзерица*, *расфрендить* и пр. Встречаются дериваты, для которых характерно каламбурное словообразование: *мыло* (от *mail*), при этом может происходить усечение: *клава* (от *клавиатура*, омонимия с женским именем), отаббревиатурная деривация: *аська* (от ICQ – I Seek You) и его вариант, образованный путем десуффиксации: *ася*.

В докладе рассматривается несколько групп употреблений этих терминов в поэтических текстах. Довольно часто интернет-терминология употребляется в стихах в основном, прямом значении, для обозначения соответствующих реалий окружающей действительности: Интернет, электронная почта, смс-сообщения становятся деталями изображаемого поэтом мира.

Далее, интернет-термины могут употребляться поэтами в контекстах, которые можно назвать философскими: поэты размышляют о значении информационных технологий в современном мире, о последствиях тотальной компьютеризации, о ее влиянии на культуру. Интернет становится предметом поэтической рефлексии, например, о судьбе творческого наследия поэта:

Что-то останется, пусть *гиперссылками сайтов*,
в горных приютах, где нас научали: Не врите!
Все остальное простят, не простят только фальши,
липы, туфты и халтуры, а на остальное
крюк из титана забей, да и двигайся дальше,
матом ругаясь, наверх,
потихонечку,
ноя (Александр Левин 2002).

Большая группа контекстов, в которых употребляются слова семантического поля «Интернет», включает реализации образных параллелей (тропеических моделей), в

которых эти слова выполняют функцию образа сравнения или предмета сравнения. Основное внимание в докладе уделяется анализу таких контекстов. Среди образных параллелей рассматриваются «Интернет – реальное физическое пространство», олицетворение интернет-реалий и др.

Рассматриваются контексты каламбурного совмещения исходного и производного значений интернет-терминов, каламбурного обыгрывания аббревиатур и отаббревиатурных суффиксальных дериватов, контексты языковой игры, основанной на взаимодействии частей слов, иногда с помощью латинского шрифта.

Отдельную группу интернет-терминов, участвующих в поэтической языковой игре, составляют названия доменных расширений, употребление которых в поэзии – тенденция самого последнего времени.

Петрова Зоя Юрьевна
канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка
им.В.В. Виноградова РАН

А. А. Плетнева (Москва)

Кормилицы: институт, лежащий за пределами общественной рефлексии

1. Вплоть до 20-х годов XX века в привилегированных слоях общества считалось нормальным, что женщина не кормит ребенка самостоятельно, а приглашает для этой цели кормилицу. С кормилицами связан ряд интересных историко-культурных проблем, которые и будут рассмотрены в докладе.

2. Практики ухода за младенцем в крестьянской среде и у представителей привилегированных сословий существенно различались. При этом общество исходило из того, что существует единственно правильный способ ухода за младенцем и болезненно реагировало на любые отклонения от нормы. Таким образом, вопросы кормления, купания и пеленания ребенка становились предметом социального дисциплинирования. Те стандарты, которых придерживались представители привилегированных сословий, общество воспринимало как единственно возможные и видело в крестьянских практиках варварство и невежество, которые должны быть преодолены в результате успехов народного просвещения.

3. Подавляющее большинство кормилиц относилось к иному социальному слою, чем их работодатели. Соответственно, для этих женщин были естественны те традиции ухода за младенцами, которые представители образованных сословий сознательно отвергали. Это вело к многочисленным конфликтам. В популярной медицинской литературе XIX века содержатся рекомендации по взаимодействию с кормилицей, если она будет действовать так, как это принято в крестьянской среде (давать ребенку соску, качивать его, жестко пеленать, класть в кровать рядом с собой и т. д.).

4. Поражает, что эти конфликты практически не были предметом общественной рефлексии. Кроме медиков, которые, с одной стороны, боролись против «неправильных» методов ухода за младенцами, а с другой - указывали на опасность заражения детей туберкулезом и сифилисом, о кормилицах почти не писали. Эта массовая женская профессия не стала предметом внимания борцов за права женщин. В литературе, посвященной женскому вопросу, можно прочитать про проблемы телеграфисток,

работниц фабрик, женщин-врачей, стенографисток, проституток, но кормилицы там практически не упоминаются. Никто не обращал внимания на то, что профессия кормилицы является формой торговли собственным телом, и в этом смысле кормилица подобна проститутке. Общество предпочитало об этом не говорить, так же, как оно не говорило и о главной проблеме кормилиц – о том, что в большинстве случаев эти женщины, кормящие чужих детей, должны были отказываться от собственных.

5. Отсутствие упоминаний о кормилицах неслучайно. В общественном сознании институт кормилиц был своеобразной «мертвой зоной». С одной стороны, идея отъема ребенка у матери и передача его женщине, находящейся на более низкой ступени социальной лестницы, должна была противоречить представлениям образованных женщин об общественно нормальном поведении. Однако именно такое «ненормальное» поведение и считалось нормой. Весьма показательными в этом плане являются те разделы популярных книг по уходу за младенцами, которые посвящены кормилицам. Авторы сначала объясняют матерям, что нет ничего прекраснее и естественнее материнского вскармливания, что кормилицы – это зло по отношению к собственным детям кормилицы. А затем следует рекомендация в случае слабости или болезни матери брать в семью кормилицу. При дальнейшем изложении авторы исходят из того, что кормилица для большинства семей – норма.

6. Общество замечает только тех кормилиц, которые работают в воспитательных домах. О них существует целая литература, в то время как о кормилицах в семьях пишут существенно меньше.

Александра Андреевна Плетнева
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
Института русского языка РАН им. В.В.Виноградова

А. А. Плотникова (Москва)

Рамки этноконфессионального сообщества: запреты староверов зарубежья^[31]

Исследование проводится на базе книжного источника и многочисленных устных нарративов, записанных в процессе полевой работы в Латгалии (2016–2017 гг.) и румынской Добрудже (2006–2013 гг.). Для определения корпуса запретов и предписаний староверов Латгалии (Латвия, районы Даугавпилса и Прейли) анализируется содержание старинного исповедного вопросника, сканированная рукопись которого была подарена автору и группе исследователей из Института славяноведения РАН во время этнолингвистической и социоллингвистической экспедиции в Латгалии в июне 2016 г. Кроме того, контент-анализ расшифрованных этнодиалектных текстов из Латвии и Румынии позволяет сделать необходимые уточнения и корректировки, относящиеся к сегодняшнему состоянию исследуемых русских традиций в инокультурном окружении, к внутренней оценке запретов самими старообрядцами и их устным мотивировкам, нередко восходящим к архаическому дохристианскому мировосприятию славян.

Латгалия как культурный ландшафт периферии может рассматриваться в нескольких аспектах: во-первых, с точки зрения «взгляда на Москву» (ср. характерные символические названия местных старообрядческих сборников по истории и культуре, например, «Москвино за нами» [Колосова 2008]), во-вторых, диахронически – как

определенная периферия Выговского центра старообрядцев-поморцев, откуда они в XVII–XVIII вв. переселились на эти земли, в-третьих, следует заметить, что Латгалия, представляющая собой пестрый в этническом и конфессиональном отношении регион на окраинах Латвии, самими латышами рассматривается как периферия по отношению к центру. В отличие от этноконфессиональной группы староверов Латгалии, старообрядческие села румынской Добруджи, наоборот, можно рассматривать как славянский островной ареал, находящийся в иноязычном, инокультурном, иноконфессиональном и иноэтническом окружении (подробнее см. [Плотникова 2016]). Для староверов Латгалии термин «остров» вряд ли применим в силу активного употребления в этом регионе русского языка, что обусловлено географическим местоположением территории и историко-культурной ситуацией, а также проживанием здесь в настоящее время большого числа русских старожилов, не являющихся старообрядцами (см., например [Заварина 1986, Волков 2016, Пилипенко 2017]).

Целый ряд причин определяет строгие рамки и ограничения в повседневной и обрядовой жизни старообрядцев Латгалии, прежде всего, это принадлежность к поморским староверам-беспопцам (ср. высказывание наставника одного из храмов Даугавпилса о жёстких требованиях к верующим, «потому что нету священства», вследствие чего посредством неукоснительного соблюдения запретов и предписаний создается возможность быть ближе к Богу). Запреты староверов в условиях отсутствия четкой церковной иерархии выполняют стабилизирующую и формообразующую роль в создании единства их этноконфессиональной общности. При этом необходимость сохранения «своего» – русского языка – в данном случае подкрепляется религиозными мотивами.

Литература

Волков 2016 – Волков В.В. Идентичности этнических меньшинств как объект анализа в Латвии в 1991–2014 гг. // Европа меньшинств – меньшинства в Европе: Этнокультурные, религиозные и языковые группы. Отв. ред. и составители М. Е. Кабицкий, М. Ю. Мартынова. М., 2016: С. 9–42.

Заварина 1986 – Заварина А.А. Русское население Восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX в. Рига, 1986.

Колосова 2008 – Москвино за нами. Очерки по истории староверов Москвинского края XVIII–XXI вв. / Редактор-составитель Т.Г. Колосова. Прейли, 2008.

Пилипенко 2017 – Пилипенко Г.П. Переключение кода в русском языке старообрядцев Латгалии // (в печати).

Плотникова 2016 – Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: архаика и инновации. М., 2016.

Анна Аркадьевна Плотникова
доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела лингвистики и фольклора Института славяноведения РАН

Е. А. Потехина (Ольштын, Польша)

Истина Константина Голубова

В исследованиях, посвященных старообрядцам, проживающим в Польше, о Константине Голубове, воспитаннике, ближайшем сподвижнике и последователе знаменитого федосеевского полемиста, основателя и первого игумена Войновского Спасо-Троицкого монастыря Павла (Леднева), прозванного Прусским, пишется редко и вскользь. Единственным серьезным исследованием, посвященным жизни и деятельности Голубова,

является книга Эугениуша Иванца «Дорога Константина Голубова от староверия к православию»^[32], уже ставшая библиографической редкостью. Иванец посвятил более двадцати лет жизни поискам информации о старообрядческой типографии в Восточной Пруссии (в Иоганнесбурге, ныне: Пиш), владельцем которой был Голубов. Оказалось, что репертуар печатных изданий включал не только богослужебные книги (Святцы, Псалтырь) или известные полемические сочинения (например, посвященные полемике о браках), но и собственные произведения издателя, выражавшие его взгляды и выдержанные в жанре религиозной философии. Главным делом жизни К. Голубова является периодическое издание «Истина», первоначально (в 1863, 1864 и 1866 г.) выходившее в виде газеты на восьми полосах в две колонки (т.н. «малая» «Истина»), затем — в виде толстого журнала: в 1867-68 гг. еще за границей, а с 1868 г. — в России, в Пскове, где он поселился с семьей. Отказавшись от старообрядческих взглядов, Голубов вслед за своим наставником архимандритом Павлом перешел в единоверие, став священником, обличал раскол и безверие и ратовал за «правоверие». Выросший в многонациональной среде, в контактах с представителями разных религий и христианских конфессий, которую в современной терминологии можно было бы назвать мультикультурной, Голубов сформировал свои взгляды не только на основании старообрядческой церковной литературы. В публицистике Голубова выражается система ценностей, основанная на представлении о единственно правильном, по его мнению, православном мировоззрении. Автор рассуждает о проблемах морали, о грешниках и о грехе, о совершенстве настоящей веры в Бога, об общественной справедливости, об образовании. Особое место в иоганнесбургских изданиях «Истины» занимает «национальный вопрос». Рассуждая о национальном характере немцев, поляков, евреев и русских, Голубов проявляет себя как русский националист, считающий любую толерантность выражением слабости. Предлагая открытую общественную дискуссию о том, насколько каждая из религий способствует жизни в вере, в какой из религий больше истины, скромности, братской любви, света, рассудка и соответствия Священному Писанию, Голубов утверждает истинность единственной религии, православной. Е. А. Агеева, вслед за Н. Ф. Будановой,^[33] пишет о том, что личности Павла Прусского и Константина Голубова интересовали Ф. М. Достоевского, «который считал их, обретших после духовных блужданий родную «почву» и веру, истинными «новыми людьми» в противоположность носившим это наименование деятелям из революционно-демократической среды»^[34].

Потехина Елена Александровна
доктор гуманитарных наук, профессор
Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)
заведующая сектором славянского языкознания Института восточнославянской филологии

М. В. Поцяпун (Москва)

**Текст на границах художественного – филологическая информация в
нефилологических источниках (на примере изучения подписей на живописных
изразах)**

Изучение надписей на предметах в качестве маргинальных источников текста (например, на расписных изразцах середины XVIII века) неразрывно связано с вопросами бытования этих предметов. Традиционно подобный предметный ряд входит в область исследования археологов, историков материальной культуры и музеев. Их интерес лежит преимущественно в технологических аспектах: кем, когда и для чего была сделана

та или иная вещь. Возможное наличие текста на вещах играет для специалистов этого профиля роль лишь вспомогательного атрибуционного признака; при этом, естественно, особенности текста на подобных источниках их волнуют мало.

Несамостоятельность текста на источниках такого типа, впрочем, не делает его менее значимым с точки зрения коммуникационного процесса. Это, однако, снижает внимание к нему исследователей-нефилологов, а поскольку текст на обсуждаемых изразцах вполне можно рассматривать не просто как иллюстрирующий, но как взаимодействующий, дополняющий и зачастую совершенно изменяющий изображение, то есть, по сути, как часть своеобразного языка, его исключение из области изучения вещеведов представляет собой большую проблему.

Так, например, изразцы с заимствованными эмблематическими сюжетами (и подписями, соответственно) не представляются для исследователей как некая своеобразная подгруппа, не иллюстрирующая быт и не показывающая заморских диковинных костюмов. Хотя тот факт, что восприятие эмблем (которые есть, в сущности, умелое и остроумное сочетание изображения и короткого текста) было совершенно иным для знающих людей, кажется совершенно бесспорным. Вместо этого все предлагаемые классификации строятся исключительно на изобразительном материале, что в случае с эмблемами ведёт к неверному их толкованию.

Изучение особенностей подобных текстов и определение их принадлежности к какой-либо орфографической традиции, как представляется, могло бы существенно дополнить имеющиеся об этих предметах сведения, связать их с более обширным культурным пластом, определить точнее источники заимствования сюжетов, ответить на существующие вопросы или поставить совершенно новые – что, быть может, в конечном итоге помогло бы представить столь разноплановую культуру XVIII века более чётко.

Маргарита Валерьевна Поцяпун
студент-магистрант Института лингвистики РГГУ

А. В. Птенцова (Москва)

Глагол КАНУТЬ: размытые границы (о структуре многозначности и проблеме лексикографического описания)

Современный глагол КАНУТЬ, как известно, восходит к праслав. **kapŋoti* - семельфактиву от *kapati*) (Фасмер 1967: 182).

В текстах разного времени у этого глагола представлен следующий набор значений:

(1) устар. 'упасть на что-л. твердое' (о капле жидкости) – значение, идентичное значению современного *капнуть*; ср. *И, может быть, когда меня не станет, / На эти строки, отзываясь мне, / Слеза любви с ресницы вашей канет!..* (Н. П. Огарев); ср. еще: *кану капля кровьяная в око ея, ослѣпшия прозръ* (Пролог, XV в).

(2) устар. 'упасть в жидкость и, растворившись в ней, исчезнуть' (о капле жидкости) - еще одно значение, идентичное современному *капнуть*; ср. *Слеза повисла на реснице / И канула в бокал* (А.С. Пушкин).

(3) уходящ. 'погрузиться в жидкость, обычно в воду, и полностью перестать быть видимым и доступным' (о твердых телах); ср. *Прежде чем кануть на дно, камушек, скользя по воде, подскакивал не меньше двенадцати раз* (К. Чуковский). Сюда же относится и

сочетание *кануть в Лету* и тесно связанный с нею ряд образных выражений типа *кануть в небытие* <в пучину забвения, в вечность, в прошлое>.

(4) 'попав в какое-л. место, перестать быть видимым и доступным'; ср. *Пересекли несколько улиц, дошли до Невы и как в землю канули* (Ю. Домбровский).

Устаревшие значения (1) и (2) чрезвычайно близки друг другу — в обоих случаях речь идет о перемещении сверху вниз капель жидкости и попадании их на какую-л. поверхность. Однако для лексикографического описания эти случаи, видимо, стоит разделить: в (2) имеется отчетливая идея исчезновения, выходящая на первый план также в значениях (3) и (4).

Значение (3) тесно связано с (2); отличие составляет лишь тип объекта и, как следствие, причина его исчезновения (капля растворяется, твердое тело тонет). Однако и эти случаи имеет смысл разделить — именно ввиду того, что в (3) меняется тип исчезающего объекта, что служит семантическим переходом к значению (4).

В значении (4), которое, как кажется, является единственным активным в с.р.я., компонент 'погружение в жидкость', формально отсутствует, однако интересно, что в контекстах, содержащих КАНУТЬ, часто упоминается вода или что-то связанное с ней; ср. стандартное *как в воду кануть*; ср. также *Они повернули к горбтому мостику в конце улицы [...] поднялись по ступеням на мост и канули — так за горизонт уходят корабли* (Д. Рубина). Кроме того, важно, что место, где исчезает объект в случае (4), не имеет четко очерченных границ; ср. *кануть где-то в Сибири* (? *кануть в Сибири*); часто место исчезновения мыслится как некая поглощающая субстанция; ср. *кануть во тьму*.

Таким образом, структура многозначности КАНУТЬ представляет собой цепочку значений, из которых следующее связано с предыдущим так, что при каждом семантическом переходе заменяется ровно один компонент, и «соседние» значения как бы плавно перетекают одно в другое; при этом в современном (4) значении данного глагола в значительной степени ощущается унаследованная из диахронии идея жидкости, поглощающей объект.

Отдельную проблему представляет собой способ заполнения валентности места; ср. *кануть на дно / на дне; кануть во тьму / во тьме; кануть куда-то / где-то*.

Анна Владимировна Птенцова
к.ф.н., МГУ, филологический факультет, доцент

В. П. Пушков (Москва)

Торжок на книжном рынке Москвы XVII века

Ценнейшим источником для познания периферии русского культурного пространства XVII в. является не имеющая аналогов в мировой культуре отчетность Московского печатного двора (МПД) о розничной («в мир») продаже книг через его лавку на Никольской улице за целую треть века – с 1632 по 1664 г. с записью в «книгах продаж» тысяч покупателей и приобретенных ими книг (с указанием сословия, а для иногородних и места жительства – см. РГАДА. Ф. 1182. В другие годы розница также записывалась, но не оформлялась в отдельные документы. На фоне покупок москвичей (около 5/6 годового объема продаж) этот внешне повседневный материал позволяет выявить специфику вклада каждой отдельной земли (ежегодно книги покупали жители около 80 городов) в формирование единого культурного пространства, а также цели покупок и персональный состав читателей, собиране родовых/корпоративных библиотек и мн. др. По двум БД, построенным с интервалом в четверть века, рассмотрим место Торжка на столичном книжном рынке 1636/37 и 1664 г.^[35] В 1636/37 г. все 5 покупок Торжка принадлежали

духовным лицам. По одному Требнику купили «попы» Успенской церкви Ермолай и его тезка из Богословского храма (соответственно 29 сентября и 4 октября 1636 г.). В октябре по одной Псалтыри с воследованием взяли протодьякон Василий и священник Мироносицкой церкви «с посада» Алексей (4-го и 9-го числа). И 15 июля 1637 г. архимандрит Борисоглебского монастыря Иона купил два Трефологиона. По годовому размеру покупки (6 книг) Торжок наряду с Белевым, Боровском, Гороховцом, Калязиным, Малоярославцем и Торопцом опережал большинство (47) из 82 уездных городов, 17 из которых взяли лишь по 1 книге (лидировали нижегородцы, купившие 44 книги). Всего же в 1636/37 г. 479 жителей 82 городов за 577 покупок приобрели 767 книг. Показательно, что из 7 тверских городов только Тверь и Торжок в 1620-е гг. были включены в правительственный развоз новых изданий МПД, что позволяло епархии приобретать их по себестоимости, т.е. эти города занимали особое место в культурной жизни страны.^[36]

В 1664 г. архимандрит Борисоглебского монастыря Кирилл в один день 5 февраля купил по 2 экз. Псалтыри учебной и Пролога, а 20 мая «торговый человек» Гаврила Сидоров сразу взял 7 Прологов, т.е. полагал их коммерческую перепродажу. По 11 купленным в этом году книгам два жителя Торжка (как и Углича) также опередили большинство (45) из 79 городов (15 из них взяли по 1 книге, а больше всех купила Вологда – 182 экз.). Т. о., сохранив свой ранг в структуре столичного книжного рынка, Торжок через четверть века почти удвоил годовой объем своих покупок – с 6 до 11, появились светские покупатели, а резкий спад вследствие финансового кризиса рубежа 1650-х – 60-х гг. числа читателей (с 5 до 2) купировался ростом среднего размера одной покупки – с 1,3 до 5,5 экз.

Пушков Виктор Петрович
к.и.н., с.н.с. Археографической лаборатории
Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

Е. Э.Разлогова (Москва)

«Многоязычие» в переводе: интерференция, изоморфизм, буквализм

Проявление многоязычия в дискурсе может быть связано с переключением кода или же проявляться в одной языковой среде. Нас будет интересовать второй случай, а именно, «имплицитное» многоязычие текстов, когда внешне все происходит в рамках одного языка.

Для описание подобных явлений существует используемое в социолингвистике и в работах по методике преподавания иностранных языков понятие *интерференции*. Интерференция предполагает наличие двух языков и, как следствие, наличие двух параллельных разноязычных дискурсов: один из них эксплицитный, имеющий место в действительности, второй – имплицитный на втором языке. Нарушения в первом, изоморфны «аналогичному» фрагменту второго. Именно об этом пишет Г.О. Винокур, указывая на галлицизмы в текстах А.С. Пушкина. Так, в реплике *Ни на челе высоко, ни во взорах / Ничто не изменяет мыслей* или в лицейских стихах *Все юность изменяет* он считает фр. *trahir* - «то есть не выдает, не обнаруживает». Комментируя реплику *Послушай, князь: взять меры сей же час* он замечает: «Это выражение (*prendre des mesures*) Марина повторяет в славянизированной форме: *А Годунов свои приемлет меры*». Для обнаружения интерференции, таким

образом, необходимо владение двумя языками – языком собственно дискурса и языком, оказывающим на него давление, она призвана описывать нарушение нормы языка дискурса, несвойственные для него составляющие (синтаксические, лексически и пр.), она негативна в своей основе. Интерференция не предполагает нарушений в имплицитном дискурсе доминирующего языка: она фиксирует их только в дискурсе на доминируемом. Поскольку интерференция предполагает существование разноязычных параллельных текстов, она применима и к ситуации перевода, где оба дискурса присутствуют в эксплицитной форме.

Мы предлагаем использовать более общее понятие - *изоморфизм*, предназначенное для описания соотношений параллельных текстов, и будем рассматривать разноаспектный, дифференцированный изоморфизм: изоморфизм нарратива, синтаксиса, лексики, стилистики, структурно-пунктуационный изоморфизм, изоморфизм поэтической формы и др. Изоморфизм может быть локальным, то есть проявляться в конкретном фрагменте оригинала и его переводе, а может быть системным, характеризующий соотношение обоих текстов в целом. В отличие от интерференции, критерий изоморфизма применим как к ситуациям, когда норма не нарушается ни в одном из параллельных текстов (когда возможен «дословный» перевод), так и к ситуациям, когда норма нарушается в одном или в обоих текстах. Понятие изоморфизма (в отличие от интерференции) применимо и в тех случаях, когда нарушения имеются только в тексте оригинала: они могут быть вызваны особенностями индивидуального стиля автора, характерного для него «языка» и могут изоморфно передаваться или не передаваться в переводе.

Изоморфизм подразумевает наличие двух текстов и параметр, по которому эти тексты или их фрагменты будут сравниваться. Параметры могут быть разной степени общности, они могут формулироваться в более конкретных или более абстрактных терминах. Так, например, можно сравнивать конкретные синтаксические конструкции во фрагменте оригинала и его переводе или же вообще статистически более частые синтаксические решения в оригинале и в переводе. Можно рассматривать вопрос о лексическом изоморфизме конкретных фрагментов или же сравнивать стилистические регистры лексики в параллельных текстах в целом.

Изоморфизм тесно связан с тем, что в переводоведении принято называть *буквализмом*. Последний в отличие от интерференции и изоморфизма рассматривается как целостное недифференцируемое явление. В отношении художественного перевода буквализм так же, как и интерференция, часто коннотируется отрицательно, в частности, в отечественной традиции, и противопоставляются мастерству литературных переводчиков. Тем не менее, буквализм, как один из возможных подходов к переводу, известен со времен Античности, пропагандируется и сравнительно недавними переводческими течениями: он носит в отличие от интерференции контролируемый характер, предполагает наличие эстетических фильтров, ограничивающих использование калек и «первых» значений, и рассматривается как оригинальный стилистический прием.

Разлогова Елена Эмильевна
ведущий научный сотрудник НИВЦ МГУ
профессор кафедры французского языкознания филол. факультета МГУ(совместитель)

А. И.Резниченко (Москва)

«От окраины к центру». История одного понятия:реальность

Русский философский процесс менее всего похож на планомерное и поступательное движение «анонимной совокупности знания». Границы его еще не очерчены и не определены.

Определение границ, беспристрастное уточнение позиций, анализ реальной проблематики вряд ли было возможно тогда, когда позиции были не до конца установлены, а проблемное поле – подвижно. Авторы «историй» и «путей» сами были участниками дискуссий; сами еще шли по тому «пути», который, как им верилось, и станет «историей».

Задача исследователя языка философии в России сейчас прямо противоположна: мы уже за гранью той традиции. Это прискорбно, но это дает свободу оценок и интерпретаций. Предметом последующего рассуждения будет то, что подвластно объективному и независимому исследованию: судьба имени. В данном случае – это имя, всегда ускользавшее от исследователей философского языка: мы любим говорить о бытии. О сущности. О сущем. На худой конец – об идеях. Но мы не говорим о *реальности*. В сущности, мы даже плохо представляем себе, что это такое. Чем реальность отличается, скажем, от того же бытия или действительности? Насколько реальна реальность мысли? Насколько реальна реальность сновидения? Насколько реальна реальность слова – и «слова как такового», и «пространства художественного произведения»? Наконец, насколько реален я сам?

Попытка ответить хотя бы на часть этих непростых вопросов и составляет суть моего доклада.

1. Русская традиция на протяжении последних ста лет только то и делает, что успешно пытается схватить, утвердить и зафиксировать в слове, казалось бы, исчезнувшую реальность. Так, в знаменитом «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля нет слова «реальность». Есть лишь прилагательное «реальный» как «практический», «дельный» (пример: «реальное училище»). Эта же – прагматическая интерпретация понятия – присутствует и в статье Д.И. Писарева «Реалисты»: реалист – деятель и прагматик, «трезво» глядящий в глаза «действительности».
2. Однако философское различие между понятиями «реальности» и «действительности» принадлежало вовсе не «реалистическим» публицистам и не «позитивным» философам, а В.С. Соловьеву. В финале «Философских начал цельного знания» он вводит различие между «действительностью» и «реальностью» как *natura naturans* и *natura naturata*, «природы производящей» и «природы произведенной», что, в свою очередь, знаменует новый этап в истории слова: будучи включенным в догегелевский философский контекст (высокая схоластика – Спиноза), из субстантивированного прилагательного оно становится полноценным философским термином.
3. Дальнейшая судьба слова – в философском дискурсе, неразрывно, впрочем, связанном с дискурсом литературным – связана с полемикой между «идеалистами» (т.е. авторами сборника «Проблемы идеализма» – П.Б.Струве, С.Л.Франком, Н.А.Бердяевым, С.Н.Булгаковым, Е.Н.Трубецким, Б.Кистяковским А.С.Лаппо-Данилевским) и «реалистами» (т.е. авторами сборника «Очерки реалистического мировоззрения» А.В.Луначарским, В.А.Базаровым, А.А.Богдановым, В.Шулятиковым, В. Фриче), затронувшей практически все сферы философской, художественной, литературной и общественно-политической критики, – и внутрисимволистской дискуссией тех лет (Брюсов, Белый, Блок, Иванов). Именно

в этот период происходит переосмысление: реально вовсе не то, что окружает нас, вовсе не действительность, не то, что «на самом деле». «Действительность» — лишь форма ставшего, осуществившегося мира. «Реальность» же есть «*mare tenebrarum*», неопределимая глубь бытия — и в то же время его фиксированный онтологический стержень. Реально то, что нельзя увидеть и потрогать, но что стоит за любым «увидеть» и «потрогать», что можно лишь смутно схватить в опыте переживаемой жизни.

4. И т.д.

Доклад будет сопровождаться богатым иллюстративным материалом.

Анна Игоревна Резниченко
доктор философских наук, профессор кафедры Истории отечественной
философии философского факультета РГГУ (Москва) / ведущий научный сотрудник
Мемориального Дома-музея С.Н. Дурьлина (Болшево)

О. Ч. Реут (Москва)

**«В целях увековечения памяти погибших при защите Отечества». Как
конструируются границы в городском пространстве после присвоения почётного
звания «Город воинской славы»: кейс Петрозаводска**

6 апреля 2015 года в соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 178 «О присвоении г. Петрозаводску почётного звания Российской Федерации «Город воинской славы»» «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества», карельской столице было присвоено почётное звание «Город воинской славы». Практически сразу представители городской интеллигенции приступили к обсуждению вопросов выполнения требований Федерального закона РФ от 9 мая 2006 г. № 68-ФЗ «О почётном звании Российской Федерации «Город воинской славы»», поскольку п. 1 ч. 3 статьи 2 «Особенности правового положения города, удостоенного звания «Город воинской славы»» обязывает «установить стелу с изображением герба города и текстом указа Президента Российской Федерации о присвоении городу этого звания».

Несмотря на определённую заданность и даже детерминированность властно-управленческих усилий по установке памятной стелы, реализация проекта столкнулась со значительным количеством препятствий, в которых нашла отражение неоднозначность актуальной политики памяти. Научно-историческая интерпретация Великой Отечественной войны вошла в противоречие с мифологизированной «борьбой за независимость Отечества». Возникла целая последовательность вопросов о том, что должен закрепить проект мемориальной пропаганды, какие исторические точки и архетипы должны быть актуализированы, какие символы и практики коммеморации должны быть сконструированы, как вписать официально назначенный памятник в публичное пространство? Попытки ответов на данные вопросы порождали новые: существуют ли необходимые и достаточные требования к месту установки памятной стелы, должна ли она располагаться «в сердце города» или «на задворках», каково отношение представителей политического класса и городских профессиональных сообществ к «возможным местам её установки».

Был проведён общегородской опрос «Куда, по Вашему мнению, нужно установить стелу «Город воинской славы»?». Состоялись общественные слушания, однако и они не выработали консолидированного решения по проблеме создания «атмосферы торжественности, которая так необходима для восприятия исторического монумента». Дискурсивная позиция «стела должна объединять людей, а не вносить раскол»

спровоцировала дебаты об отношении к памятникам, к проблематике их инкорпорирования в публичное пространство, изначально не заточенное ни под «усиление милитаризации истории», ни под ситуационное переоформление символических границ. Параллельно шло неформальное (в т.ч. Интернет-) обсуждение того, что надлежит делать у мемориала, стоит ли ожидать развития практик медиа- и фотографического освоения музеефицируемого пространства в формате YOLO, *you only live once*.

На основе изучения материалов дискуссий вокруг установки памятной стелы в Петрозаводске предлагаемый доклад исследует практики конструирования и деконструирования границ, определяемых социетальными представлениями о формах сохранения наследия в современном городском пространстве. Ведь *историческое* в городском контексте определяется не только сферой (вос)производства культурной памяти, но и усложняющимися взаимоотношениями практик повседневности и новых представлений о надграницных «общих местах», а зачастую и взаимопротиворечивыми обстоятельствами организации городской мемориальной культуры, формирующей локальные сообщества памяти.

Очевидно, что сегодня требуют обоснованной корректировки и исследовательские перспективы, ориентированные на изучение способов и методов культурно-познавательной репрезентации. Деление реальности на объективную и субъективную, «открываемую» и социально конструируемую, «сакрализованную» и повседневную, материальную и виртуальную не является более достаточным. Рассматривая сложноподчинённость выделяемых объектов, представляется обоснованной постановка вопроса о поиске критериев соответствия или несоответствия их дискурсивных описаний, а также возможным согласованиям различных типов реальностей.

Реут Олег Чеславович
доцент факультета сравнительных политических исследований
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ

О.Г. Ровнова (Москва)

Антропонимикон старообрядцев Южной Америки: традиция, специфика, эволюция*

Доклад основан на антропонимическом материале, собранном автором в деревенских старообрядческих общинах Аргентины, Боливии, Уругвая, Бразилии (2006–2014), Приморья (семьи репатриантов из Боливии; 2012, 2016, 2017), в Москве во время приездов из Южной Америки знакомых старообрядцев (2016, 2017). Как антропонимический источник использована также книга старообрядца-«синьцзянца» Данилы Зайцева «Повесть и житие Данилы Терентьевича Зайцева» (М., Альпина нон-фикшн, 2015; далее при цитировании ПиЖ).

Хорошо известно, что типичный антропонимикон русской деревни включает трехчастное имя (личное имя + отчество + фамилия), родовую уличную фамилию, не совпадающую с официальной паспортной фамилией, коллективное прозвище и многочисленные индивидуальные прозвища жителей деревни. Антропонимикон старообрядцев-часовенных Южной Америки имеет свою специфику, которая обусловлена конфессией и постоянной миграцией этих «вечных странников» – в XVIII–XIX вв. по России, в XX–XXI вв. – по миру. Он включает древние, традиционные элементы и новые, возникшие в южноамериканский период жизни сообщества часовенных. Рассмотрению их и посвящен доклад.

1. Память о давних и относительно недавних миграциях отражена в коллективных прозвищах оттопонимического происхождения. Люди старшего поколения называют себя *кержаки* (их предки являются выходцами из Керженца – старообрядческих поселений по берегам одноименной реки в Нижегородской губернии). Во время переезда из Китая в Южную Америку двух групп старообрядцев – одной из провинции Западный Синьцзян, другой из окрестностей Харбина – в Гонконге, где они встретились, возникли прозвища *синьцзянцы* и *харбинцы*. Позднее в Бразилии от португальских зоонимов *trairão* ‘вид рыбы’, *тасасо* ‘обезьяна’ образовались прозвища оценочного характера *траиры* и *макаки*. Наконец, те, кто родился в Южной Америке в семье, где один из родителей синьцзянец, другой харбинец, и для кого это противопоставление уже не значимо, получили шуточное прозвище *каширы*, ед. *кашир*, которое объясняется информантами по-разному: «Наверно, много каши едят», «Говорят, что это помесь коня и ослика».

В антропонимике старообрядцев крайне редки индивидуальные прозвища. Они всегда имеют яркую оценочную семантику: дядя Федос *Всемирный* (легендарная личность), *Коммунист* («красный атеист, изъедуга, кровопивец»), *Царь-баба*, *Префэйт* (человек, любящий командовать, от порт. *prefeito* ‘начальник’), а также Василий *Немец* (немец-лютеранин, в молодости перешедший в старообрядчество; прозвище маркирует «чужого»).

2. Старообрядцы всех поколений носят христианские календарные имена, которые даются во время крещения на восьмой день от дня рождения и выбираются родителями по церковному календарю: *Автоном*, *Агафагел*, *Акатий*, *Варнава*, *Варсис*, *Василиск*, *Дий*, *Иассон*, *Иойль*, *Иосий*, *Ирон*, *Неофит*, *Садоф*, *Увеналий*, *Фауст*; *Акилина*, *Аскитрея*, *Домника*, *Домнина*, *Киликия*, *Кирикия*, *Кирьяна*, *Маримия*, *Мастрадия*, *Минодора*, *Нимфодора*, *Рипсимия*, *Сара*, *Трифена*, *Февруса*, *Фиона*, *Хиония* и др. Существует запрет на наречение девочки именем Богородицы («*Марья* дают, а *Мария* нельзя. Потому что недостойн человек этого <...> он же далёко отстал»). Имена *Никола* и *Николай* употребляются равноправно, второе более частотно. Сохраняется древняя практика наречения двух детей в семье одинаковым именем в честь разных одноименных святых («два брата Андрея, один *Старшой*, другой *Младшой*»; «два брата Николая – *Колька Большой* и *Колька Маленькой* звали»; «Не захотели Матрёной называть. Лучше две пускай Татьяны, чем Матрёна, одна *Татьяна*, другая *Таня*»).

Канонические календарные имена трансформируются, приспособиваясь под диалектный узу: *Евген*, *Никит*, *Лизар*, *Юда*, *Калин* (Каллиник); *Карней*, *Марка*, *Петро*; *Ивон*, *Ивосиф*, *Ларивон*; *Кипирьян* (Киприян); *Главдэя*, *Графира*. От полных имен по разнообразным моделям образуются уменьшительные, «короткие имена»: *Агафья* – *Ганя*, *Парасковья* – *Пана*, *Паруня*, *Гликерья* – *Глива*, *Евдокея* – *Кея*, *Евламтий* – *Евлаша*, *Ульян* – *Уляка*, *Ипполит* – *Поль*, *Никон* – *Ник*.

Маленькие дети носят «маленькие имена», в которых значение невзрослости маркируется суффиксом *-к-*: *Ганька*, *Гливка*, *Кейка*, *Панка*, *Селька*, *Ипполитка*. Границей при переходе от «маленького имени» к «большому имени» – от *Панки* к *Парасковье* и от *Сельки* к *Селивёрсту* – является свадьба.

Под влиянием испано- и португалоязычного окружения у старообрядцев появляются вторые имена в соответствии с русскими: *Александр* / *Alejandro* (Алехандро), *Данила* / *Daniel* (Даниэль), *Димитрий* / *Demetrio* (Деметрио), *Ипполит* / *Ipolito* (Иполито), *Июстина* / *Justina* (Хюстина), *Михаил* / *Miguel* (Мигель), *Степан* – *Esteban* (Эстебан), *Флор* – *Florhi* (Флорхи). При отсутствии точного соответствия подбирается имя на ту же букву: *Парасковья* / *Patricia* (Патрисия), *Матрёна* / *Monica* (Моника). Такие имена используются за пределами старообрядческой деревни.

3. Отчества образуются от имени отца по общерусским моделям, отчества по имени матери или деда, известные русским говорам, не зафиксированы. Бытуют вопросы об отчестве «Ты чей?», «Ты чеевна?», «Как тебя величать?». Обращение друг к другу по имени и отчеству постепенно выходит из употребления.

Сохраняет актуальность древняя модель на *-вичи* для обозначения сыновей: «Приезжают Иона и *Игнатьевичи*, я уже посеял семнадцать гектар помидор. Оне привозят свою машинерию, ни здорово ни насрать, и начали сеять кукурузу и помидоры» (ПиЖ, с. 120); «Подхожу, где Георгий мясо жарит, тут сидит молодёжь, мужиков семеро: двою *Тимофеевичей*, Ульян Ревтов, Павел Самойлов, Андрей Вандович, Кипирьян Григорьевич и Григорий Овчинников. <...> Наши ребята задумались, стали сурьёзными, *Тимофеевичам* стало неудобно, а особенно Филиппу» (ПиЖ, с. 542–543). Ср. в именнике Ипатьевской

летописи: *Владимировичи, Мстиславичи, Ростиславичи, Юрьевичи, Ярославичи* – сыновья русских князей, *Самовитовичи* – сыновья мазовецкого князя *Самовита*, *Сатмазовичи* – сыновья половецкого князя Сатмаза, *Болеславичи* – сыновья польского короля Болеслава III Кривоустого.

Редки именованья по отчеству без имени: *Савельевна* (уважаемая всеми пожилая женщина), *Терентьевич* (ласковое обращение жены к мужу).

4. Возможно, из-за постоянных миграций в антропонимиконе южноамериканских старообрядцев нет уличных фамилий патронимического типа. Отмечено начало формирования их по атрибутивной модели от имени деда *Артём – Артёмовские*: «Взял он в Боливии *Марину Фёдоровну Ануфриеву Артёмовску*, и пять дочерей» (ПиЖ, с. 121); «Приезжают с Боливии *Ануфриевы Артёмовски Алексей и Евгений*, на новом пикапе “Тойоте” чилинским, ищут меня» (ПиЖ, с. 125).

Антропонимическим показателем замужней женщины является не фамилия мужа, а именованье на *-их(а)* от имени мужа или его фамилии: *Прасковья Давыдиха*, *Татьяна Анатолиха*, *Марфа Данилиха*, *Марья Шарытиха*; «Я всегда была *Ульяниха*, а Ксения Терентьева (жена Терентия. – *О.Р.*) – Ксения *Терёшиха*».

Инновацией, возникшей под влиянием южноамериканской традиции, стали двойные паспортные фамилии: *Марфа Килин-Зайцев*, *Матрона Самойлов-Ревтов*, где на первом месте стоит фамилия отца, на втором – мужа.

Ольга Геннадьевна Ровнова
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИРЯ РАН

П. А. Рожкова (Екатеринбург)

Типы и функции иллюстраций в рекламном тексте рубежа 19-20 вв. (на материале региональных СМИ)

Реклама – это сложный семиотический объект. Рекламный текст тесно переплетается с иллюстративным и шрифтовым оформлением, также большую роль играет композиционное оформление. В этом смысле реклама как речевой жанр имеет статус маргиналии. Все указанные выше внеязыковые средства, не являясь объектами собственно лингвистического анализа, зачастую сильно влияют на восприятие текста, расставляя смысловые акценты, а иногда и прибавляют новые смыслы, вызывают ассоциации, формирующие образ как рекламируемого объекта, так и фирмы в целом. Ниже представлена характеристика подобных «маргинальных» элементов,

функционирующих в рекламных текстах рубежа 19-20 вв. Анализировались тексты уральских печатных изданий этого периода.

Активное использование иллюстративного оформления характерно для рекламных текстов с ярко выраженным эмоциональным и суггестивным компонентом, прежде всего – для рекламы товаров или предприятий. В текстах же, посвященных рекламе событий или услуг, рисунки используются редко.

Первичной функцией любой рекламной иллюстрации является привлечение внимания, но сами способы привлечения внимания могут различаться: иллюстрация может опираться на текст, но может и существовать независимо от него. Кроме того, в рамках общей функции привлечения внимания можно выделить и частную функциональную специфику. Рассмотрим типы и функции иллюстраций.

- I. Иллюстрации соотносятся с текстовым содержанием, дублируют информацию, представленную в текстовой части:
 - 1.1. Изображен только товар; иллюстрация дублирует основную информацию о его названии и производителе. Рисунок помогает найти рекламируемый товар на прилавке.
 - 1.2. Изображены товар и клеймо фирмы, тем самым дублируется информация о товаре, его названии и производителе. Рисунок, помимо внешнего вида товара, сообщает о специфических признаках его подлинности: информация о виде клейма помогает покупателю выбрать настоящий товар. (Для рекламы исследуемого периода характерно особое внимание к подлинности товара.)
 - 1.3. Изображен товар и герб Российской Империи. Изображение герба говорит о том, что производитель является поставщиком Императорского двора, а это указывает на высокое качество товара и статус его производителя. Дублируется информация о товаре, производителе и его статусе.
 - 1.4. Изображен жизненный сюжет, связанный с использованием товара или его производством. Дублируется информация о способе применения или свойствах товара. Читатель может соотносить себя с персонажами, изображенными на рисунке, тем самым товар оказывается вписанным в его повседневную жизнь. Изображение производственного процесса внушает читателю доверительное отношение к производителю – «раскрывает секреты фирмы».
 - 1.5. Изображенный предмет или сюжет, ассоциативно связаны с товаром или процессом его производства (колосья пшеницы в рекламе духов «Золотая нива»). Рисунок посредством отвлеченных образов формирует благоприятное отношение к товару.
 - 1.6. Изображение сюжетного хода рекламы: дублируется игровая ситуация, описанная в тексте. Рисунок вовлекает читателя в игру.
- II. Иллюстрация не соотносится с текстом, она организует его, выделяя на печатной полосе:
 - 2.1. Декоративный фон или рамка выделяют объявление на печатной полосе. Выделяется все объявление целиком.

2.2. Используется декоративный значок для выделения значимых фрагментов текста. Рисунок выполняет функцию восклицательного знака, выделяется только часть текстовой информации.

Рожкова Полина Алексеевна
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
лаборант Топонимической лаборатории ИГНИ УрФУ / магистр 1 года обучения

Е. Л. Рудницкая (Москва)

Морфосинтаксис частиц в устных рассказах 2005-2011 гг.

Частицы имеют важное значение для таких характеристик предложения и текста, как его коммуникативная структура и связность. Значение частиц часто выражает категории, связанные с дискурсом: эмфаза, наклонение, модальность. Поэтому изучение частиц важно для исследования структуры текста. В эвенкийском языке частиц очень много, и у них могут быть самые разные функциональные характеристики. Частицы-энклитики особенно часто встречаются в устной речи, маркируя, в частности, категории коммуникативной структуры предложения и текста [Рудницкая 2016].

С формальной точки зрения в эвенкийском выделяются частицы – отдельные слова, частицы-энклитики и частицы – «словообразовательные» аффиксы [Болдырев 2007: 847-885]. «Словообразовательные» частицы характерны для уральских и алтайских языков. Эти частицы, выражая модальное значение в примере^[37] (1) *ā-mu-l-lə-Ø* ‘спать-DES-INCH-NFUT-3PL’ «захотели спать» (2007, Полигус, Надежда Хадончина) или кванторное значение в примере (2) *tuŋər-tikin-dū* ‘мелководье-QU-DATLOC’ «на каждом мелководье» (2007, Чиринда, Валентина Елдогир), стоят после основы имени или глагола и до словоизменительных аффиксов.^[38]

В имеющихся работах [Константинова 1964; Болдырев 2007; Nedjalkov 1997] не зафиксирована возможность употребления по крайней мере части «словообразовательных» частиц как энклитик после полной словоформы. Ср. (3) *mo-riktā-l-tə* ‘1PL(INCL).DUALRFL-LIM-PL=FOC’ «только мы с тобой» (2007, Чиринда, Валентина Елдогир) и (4) *jakutskaj-dulā-riktā* ‘Якутск-LOCALL-LIM’ «только в Якутске» (2007, Эконда, Антон Комбагир). В (3) «словообразовательная» частица *-riktā* ‘LIM’ «только» стоит перед словоизменительным показателем *-l* ‘PL’, а в (4) эта же частица стоит после падежного показателя *-dulā* ‘LOCALL’ – падежные показатели всегда следуют за показателем множественного числа.

Энклитические частицы (ср. выделительную частицу *=tə* ‘FOC’ в (3)) оформляют полную словоформу (стоят после всех словоизменительных аффиксов). Неполная глагольная словоформа (без показателя времени) возможна с показателями, выражающими определенные наклонения, например, с аффиксом *-rka/ -rgu* ‘PROB’ (пробабилитив) [Константинова 1964: 189-190] или с энклитикой *=kūn* ‘FOC.ASRT’ (ассертив) [Nedjalkov 1997: 14-15]: (5) *əmə-ktə=kūn* ‘прийти-DSPRS=FOC.ASRT’ (Да,) «приезжали» (2005, село Эконда, Анна Комбагир).

По крайней мере в некоторых говорах (сымский говор) в неполной словоформе также употребляются другие частицы, не содержащие модального компонента: энклитика *=ka* ‘FOC’, «словообразовательная» частица *=mat/-mat/-māt* ‘FOC.at.least/even’: (6) *tōlūju-t=māt* ‘привязать-DSPRS=FOC.at.least’ «привязывают» (олений, когда они подрастают) (2009, Сым, Боярин Георгий).

Эти и другие факты (ср. [Мальчуков 2007: 373-374]) позволяют сделать вывод о нечеткости границ между энклитиками и «словообразовательными» частицами, а также поднять вопрос о том, можно ли с чисто морфологической точки зрения говорить о наличии в эвенкийском полноценных частиц (по критериям [Плунгян 2010: 33] и др.). В докладе подробно обсуждаются эти критерии применительно к нашему материалу.

Литература

- Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка / Ред. Роббек В. А. Новосибирск, 2007.
Константинова О.А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1964.
Мальчуков А.Л. Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты. СПб.: Наука, 2008.
Плунгян В. А. Общая морфология. Введение в проблематику. 3-е изд. М., 2010.
Рудницкая Е.Л. Особенности употребления грамматических средств в эвенкийском языке в устных рассказах 2005-2011 гг. на примере фокусных частиц // Родной язык, № 2 (5), 2016. С. 113-142.
Татевосов С.Г. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
Nedjalkov I. Evenki. London, New York: Routledge, 1997.

Рудницкая Елена Леонидовна
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
ФГБУН Институт востоковедения РАН, Отдел народов языков Азии и Африки

Т. К. Рулина, М. Н. Родштейн (Самара)

«Наивные» тексты сельской поэзии в альманахе «Предки и потомки»

Язык - форма причастности в "обговоренном мире" (Н.Волошинов) Когда мир назван словами, то есть определён, возникает ощущение онтологической безопасности. Мир становится своим, одомашнивается. Этот процесс назван *седиментацией* ("осаждением") социальных значений, согласно правилам организации которых складывается социальный опыт. Социальные психологи - конструкционисты предложили достаточно аргументов в пользу неотвратимости седиментации социального опыта даже в условиях тотальной медиации СМИ. Так ли это, обнаруживается в «наивных текстах» непрофессиональной поэзии, способной «зеркалировать» коллективное бессознательное социоментальных локусов общества.

Предметом нашего анализа стали стихи непрофессиональных сельских поэтов, пользующихся известностью в районе проживания. (Альманахи социально-краеведческого музея «Предки и Потомки» представляют собой тематические сборники авторских непрофессиональных самоописаний (заметок, стихов, мемуаров, эссе и др.). Для исследования отобраны стихи сельских поэтов (20 произведений в Альманахах №1, 2015 г., №3, 2017 г. с. Екатериновка, Приволжского района, Самарской области).

В самом тезаурусе «наивных» текстов мы обнаруживаем первичные легитимации обыденности: «...бац, а нолики все удалили (о девальвации рубля), «гуси подкинут деньжат» (о продаже гусей) (Шлыкова «О гусях»). Каждое из стихотворений демонстрирует разрыв нормативных связей языковых явлений и реконфигурацию понятий в качестве авторских фикций.

Считывается реципрокность отношения авторов к власти. Несмотря на рессентиментные настроения, авторам удаётся сохранить баланс существования в условиях зависимости, так как власть всегда анонимна и деперсонализирована. Соотношение исторических

фабул и объективация политических практик здесь симбиотизированы в сознании авторов как некая непреодолимая сила.

Отсутствие эгоцентризма и субъектности самопрезентации авторов – наиболее значимая особенность текстов. Обезличенная самопрезентация свидетельствует, что бессубъектный язык как постигает, так и производит презентацию опыта в отсутствии эгоцентрации самооценок автора.

В стихах Алексеевой Н.И. более сложные маневры самопрезентации обнаружения щелей для проскальзывания самости. Проговаривание переживаний она осуществляет путём размещения их по символическим локусам сакральности сельского мира: изба, улица, река, поле, конструируя тем самым мир собственной жизни посредством текстов как голосов места. Отсутствие эгоцентрической связности текстов, разрывы в субъектных представлениях о реальности представляют «постав» мира (Хайдеггер) на интенциональном уровне коллективного этоса, как ретроголос традиционного сознания, а, по сути, сохранный реликт фольклора.

Авторами идеализируются жизненные стили колхозного общежития, что придаёт образному ряду поэзии уникальную чувственную активность: «и было бы всё идеально, да вот безработные мы...»; «намного раньше лучше жили, была работа у меня, были колхозы и совхозы, в них овцы были, нетеля, и ели мы христову пищу, её не стало у меня»; «и сердце кровью обольётся, страну до края довели» (Шлыкова «Памяти Свекрови»).

Несмотря на обилие аллюзий к прошлому, стихи непрофессиональных поэтов отображают живое время, воссоздавая истинные мотивы собственных переживаний. Потребности их практичны: здоровье, достаток, будущее детей, родство, домашние заботы, порядки существования, семейные отношения. Однако, по словам М.Серто, следы голоса обнаруживаются, как правило, только в попытках письма. Посредством поэтической практики авторам «наивных текстов» удаётся выразить коллективные интенции на социолекте сельского локуса, дифференцируя бесформенность массового сознания голосом конкретного места.

Рулина Татьяна Константиновна
кандидат педагогических наук
доцент кафедры общей и социальной психологии
Самарского государственного социально-педагогического университета

Родштейн Мария Николаевна
кандидат психологических наук
доцент кафедры психологии образования
Самарского государственного социально - педагогического университета.

М. И. Рухмаков (Москва)

Проблема национализма в философских и политических работах кн. Е. Н. Трубецкого

Национализм был для Е. Н. Трубецкого одним из тех вопросов, о которых он был готов спорить горячо и неуступчиво. Трубецкой протестовал против его проявлений как на уровне внутригосударственном, так и на межгосударственном. Он не раз участвовал в спорах о национализме в рамках философских собраний и на страницах журналов и газет. Главными «жертвами» нападок Трубецкого против национализма оказались такие крупнейшие религиозные философы России, как Н. А. Бердяев, В. Ф. Эрн и С. Н. Булгаков, с которыми Трубецкой входил в группу «путейцев».

В 1909 году Трубецкой планирует принять участие в сборнике о национализме, который в итоге так и не был издан, и для этого перечитывает работы В.С. Соловьева. В переписке того же года с М. К. Морозовой он неоднократно критикует В.С. Соловьева за его неизжитое славянофильство. Для Трубецкого очевидно, что «"теократия" – остаток панславянской мечты о внешнем величии России»^[39].

Но наиболее полно Е. Н. Трубецкой раскрыл свое несогласие со взглядами Бердяева и Булгакова в выпущенной в 1912 году статье «Старый и новый национальный мессианизм». (В концентрированной форме национализм заключен в германском принципе «Deutschland, Deutschland über alles», отголоски которого «в стиле "Руссланд, Руссланд юбер аллес"»^[40]) слышатся Трубецкому в мессианских призывах Булгакова. В начале своей статьи Трубецкой проводит различие мессианизма и миссионизма. Первый выделяется прежде всего тем, что обязательно приходит к кощунственному для Трубецкого утверждению русского Христа. Он видит в этом фальшь, которая зазвучала в российской истории с 15 века после провозглашения лозунга «третьего Рима». Национально-мессианская психология, сложившаяся в древнерусском церковном обществе, представляется ему опасным пороком: она проявляется в утверждении православия единственно истинным в мире и в национально-религиозной исключительности русского народа.

Сам Трубецкой остается на стороне миссионизма, в котором каждый народ несет свое служение, которое, действительно, в определенные моменты истории может иметь большее или меньшее значение, но только такое сознание может избежать «рокового смешения русского, православного и вселенского»^[41].

При этом А. В. Михайловский в статье «Пещера Фафнира и чудо Пятидесятницы: идея русского миссионизма в политической публицистике кн. Евгения Трубецкого» отмечает, что Трубецкого существенно объединяет с критикуемыми им Булгаковым и Бердяевым общая языковая парадигма, восходящая к Хомякову, где проблема национального рассматривается исключительно в религиозных терминах и плоскости христианства и «религиозная идея не отделяется от идеи народной»^[42].

Еще одну сторону неприятия Трубецким национализма можно почерпнуть из статьи 1916 года «Новое язычество и его "огненные слова"». В ней он вступает в полемику с Д. Д. Муретовым о его «Этюдах о национализме»: особый интерес здесь представляет языковая находка Трубецкого, который предполагает, что единственным этимологически точным аналогом иностранного слова «национализм» является наименование «язычество».

Для Трубецкого национализм виделся одной из ключевых причин «сложившейся всемирной трагедии бессмыслицы».

Рухмаков Матвей Игоревич
Философский факультет МГУ

И. Л. Савкина (Тампере, Финляндия)

«Память миграции – миграция памяти»: анализ автобиографических эссе, присланных на конкурс журнала *LiteraruS*

В докладе рассматривается тема памяти в автобиографических эссе, присланных на конкурс «Память миграции—миграция памяти», организованный кафедрой русского языка, культуры и переводоведения университета Тампере и издающимся в Хельсинки русскоязычным журналом *LiteraruS* в рамках проекта

фонда Kone *Making Spaces of Justice across the East-West Divide*. 29 сочинений, присланных на конкурс, были опубликованы в № 1 (54) журнала LiteraruS за 2017 год.

Тема памяти, которая по определению является заглавной в рассматриваемых эссе, анализируется в нескольких аспектах:

1. Память и проблема идентичности. В одних эссе память описывается как стержень самости, «то, что сохраняет меня для себя»; в других, напротив, память фиксирует кризис идентичности и раздвоенность: у мигранта есть два Я и две памяти о себе. Присутствует также тема памяти как «тени», памяти о себе как *бывшем* человеке, потому что жизнь в миграции изображается как жизнь в «потустороннем», своего рода загробном мире, где автор эссе описывает себя как человека без «тени», то есть без идентичности.
2. Личная и коллективная память. Тема утраты детьми эмигрантов коллективной памяти как разрыв «поколенческой», родовой цепочки. Обсуждение в ряде эссе вопроса о том, можно ли обрести новую коллективную память в ситуации миграции.
3. Динамика памяти, память как постоянно меняющаяся и переопределяющаяся категория. Идиллическая/ностальгическая/отчуждающая память о «прошлой родине», травматическая память о процессе миграции.
4. Власть памяти, авторитарность памяти. Изображение в некоторых эссе памяти как чего-то, что выше и больше, чем вспоминающий субъект. Память владеет, судит и мстит, память как воплощение Судьбы.
5. Метафоры памяти в эссе: память как библиотека, лекарство, плен, капсула, лабиринт, копилка, госпиталь, багаж, клубки ниток, организм, фотоальбом, мусор. боль, солнечные сети, засвеченная фото пленка и т.д.

Савкина Ирина Леонардовна, доктор философии
университетский лектор отделения русского языка, культуры и переводоведения
факультета коммуникационных наук университета Тампере, Финляндия

Александра Салиенко (Москва)

«Чуждое и непонятное» искусство. Книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок как источник изучения «массового зрителя» 1920-1930-х гг.

На материалах архивных источников (РГАЛИ, Отдел рукописей ГТГ, Отдел рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина), книг отзывов и «записи впечатлений» посетителей московских художественных музеев и выставок, в докладе представлены сведения о том, как реализовывалась идея общедоступности искусства («искусство принадлежит народу») и проходило «окультуривание» нового «пролетарского зрителя».

Становление советской культуры и формирование «массового зрителя» - магистральная тема искусствоведческих дискуссий 1920-х гг. Среди прочих проблем, рассматривались методологические подходы к изучению искусства и методические приемы его популяризации. Задачи, которые ставили перед собой представители различных художественных лагерей - от «передвижников» до лидеров авангарда - о художественно-

просветительской работе, эстетическом воспитании зрителя, «диалогической» природе художественной жизни - оказались отчасти реализованными в 1920-е гг. усилиями представителей художественной интеллигенции и музейных сотрудников.

Предполагалось приучить к искусству рабочего и крестьянина, которые раньше не имели подобного опыта. Книги отзывов посетителей художественных музеев свидетельствуют о том, что для большинства посетителей посещение Третьяковской галереи и Музея изящных искусств им. А.С. Пушкина было первым опытом знакомства с картинной галереей и с картиной вообще («впечатление огромное», «колоссальное», музей «великолепен», «прекрасен», «интересный и богатый», «произвел большое впечатление», «вне себя от восторга, настолько все неожиданно красиво», «но все же для нас осталось многое непонятного, а в общем, музей не оставляет жизненных впечатлений, а как-то всё мертво» и т.д.); зритель лучше понимал скульптуру («но только плохо, что фигуры изломаны»), ему нравилась станковая картина, однако, он нуждался в разъяснении («без руководителя крайне затруднительно», «нет водителя в картинной галерее»), преимущество отдавалось классике и реалистическому искусству, не нравились авангард («мазня») и современная живопись («а современные картины не хочется смотреть и тратить на это время»).

В то же время, материалы анкетирования художников и искусствоведов в рамках дискуссии на тему «Как улучшить положение художника», опубликованные в 1929 г. (в эпоху подведения итогов «революционного десятилетия») на страницах ленинградского еженедельника «Жизнь искусства», показали, что многие проблемы так и остались не решенными: невнимание к творчеству художника широких масс, отсутствие организованных экскурсий на выставки современного искусства, отсутствие и государственных закупок, и платежеспособного зрителя, жалобы на некомпетентную критику и низкий общий культурный уровень - искусство по-прежнему продолжало оставаться «чуждым и непонятным широким рабоче-крестьянским массам». Тем не менее, из «праздной забавы» для избранных искусству следовало превратиться в мощное средство агитации народных масс, что было реализовано уже в 1930-е гг.

Традиционно проблема советского массового искусства изучается преимущественно в определенном ракурсе (художник, художественная критика, советская идеология). Как правило, книги отзывов посетителей остаются за пределами внимания искусствоведов, поскольку серьезные искусствоведческие проблемы в них не затрагиваются, а социология искусства – отрасль науки, не получившая полноценного развития в отечественном искусствознании. В данном докладе особое внимание уделяется ранее не исследованным материалам - таким, как заметки экскурсоводов и книги отзывов посетителей художественных музеев и выставок 1920-30-х гг., позволяющим судить о реакции живого зрителя на «окультуривание» - на искусство вообще и современное искусство в частности. Обращение к этим материалам дает возможность увидеть новые повороты в изучении большой темы.

Александра Петровна Салиенко
кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории отечественного искусства исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова

С. Ю. Семенова (Москва)

О параметрическом имениавтор

К параметрическим существительным отечественная лексическая семантика обычно относит существительные двух классов – наименования величин (*высота, скорость* и др.) и наименования неколичественных признаков (*цвет, адрес* и др.). До определенной степени маргинальную позицию во втором классе занимают одушевленные имена — имена некоторых социальных ролей (*автор, заказчик, наследник* и др.). Подкласс одушевленных параметрических имен размыт (как, впрочем, и класс имен признаков в целом). Видную позицию занимает слово *автор*. Оно так же прототипично представляет одушевленные имена признаков, как слово *цвет* — неодушевленные. Принадлежность слова *автор* к параметрам подтверждают диагностические контексты — слово способно употребляться в роли прямого дополнения при глаголах получения/передачи информации (*указать, назвать, определить* и нек. др.), апеллирующих к значению параметра: *Валя тоже не смогла определить автора, но что не Гефтер, заявила решительно ...* (А.Т. Твардовский) [НКРЯ].

Как у ряда других имен признаков, у имени *автор* «параметричность» обусловлена прагматикой, социальной значимостью: автор (т.е. творец, создатель) является важным атрибутом такого онтологического класса, как «произведения» — литературные, научные, музыкальные и др., атрибутом ситуации творчества.

При этом круг артефактов, для создателей которых практикуется именование *автор*, весьма широк и подчас экзотичен; он может быть очерчен путем обращения к корпусу.

Интересны местоименные употребления слова. В научном или популяризаторском тексте оно, как правило, замещает местоимение *я*, не характерное для научного стиля, т.е. служит своего рода эвфемизмом: *Автор благодарит Шведский институт, при поддержке которого получил возможность изучить ...* [НКРЯ]. В публицистике частотно клише *автор этих строк*, выполняющее функцию местоимения первого лица: *Когда-то в первый послевоенный голодный год автор этих строк приобретал в ремесленном училище профессию краснодеревщика* [НКРЯ].

Данным словом принято замещать имя собственное в текстах, содержащих критический анализ, оценку произведений, как положительную, так и отрицательную: *Материалы были проработаны добросовестно, автор показал большую эрудицию* [НКРЯ]; *... уважаемый немецкий автор не знаком с англоязычными работами по аналитической философии истории ...* [НКРЯ]. В текстах положительной тональности употребляются и другие именованья творца – *ученый, поэт, композитор* и т.п., обладающие очевидной положительной коннотацией, а в текстах критичных – скорее всего, именно *автор*, и употребление слова не лишено иронии.

К параметрам относятся такие морфологические дериваты, как *соавтор* и *авторство*: *... соавтором Шекспира назван английский драматург Кристофер Марло* [<http://paradoxov.livejournal.com/195646.html>; режим доступа: 1.3.2017]; *... ученым удавалось правильно установить авторство в 90% случаев...* [НКРЯ].

Имя *соавтор* обладает двумя моделями управления (соавтор кого? или чего?), связанными по диатезе; ср.: *Композитор Януш Стоклос — постоянный соавтор Януша Юзефовича* [НКРЯ] и *... Михаил Шура-Бура, соавтор ЭВМ М-20 ...* [НКРЯ].

Неодушевленное имя *авторство* – типовой предикат, выражающий отношение «быть Х-ом».

Среди других наименований творца отмечается некоторое убывание параметричности, которое выражается, например, в том, что узус предполагает подстановку в

диагностический контекст «хорошего» параметра *имя* (в значении «личность», «персона»): *указать имя — сочинителя / составителя / создателя / разработчика* и т.п.

Убывание и размывание параметричности имеет место и среди других названий социальных ролей; так, слова *руководитель* или *соучастник* — в силу их прагматической выделенности — скорее будет восприниматься как параметрические, чем слова *сотрудник* или *пациент* (которые тоже обладают валентностями, выражающими привязку к ситуации/месту/другим участникам деятельности).

В целом, рассмотрение отдельных, в т.ч. «маргинальных», представителей класса параметров способствует определению места самой параметрической модели в логико-семантической системе языка.

Семенова Софья Юльевна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник ИНИОН РАН, доцент РГГУ

А. А.Семина (Москва)

«Посмертный дневник» Георгия Иванова как документ умирания

В эссе «О прозе» В. Шаламов «по-новому обосновывает идею «литературы факта», полагая, что «нужно и можно написать рассказ, который неотличим от документа»... и представит писателя “не наблюдателем, не зрителем, а участником драмы жизни”» [6]. В настоящий момент в литературоведении под художественно-документальными произведениями понимаются в первую очередь произведения прозаические. Вместе с тем поэтический текст также имеет «право» на подобные ассоциации. Подтверждением этому служит цикл Г. Иванова «Посмертный дневник» (1958).

Характерной чертой поэтического стиля Иванова исследователи называют «непосредственную исповедальность “лирического дневника”» [3. С. 316]. На пороге смерти поэта его творчество переходит «к отказу от поэтических красот и... скупости выразительных средств, к нагой поэтической речи» [7. С. 11]. В «Посмертном дневнике» стихи Г. Иванова «перерастают» поэзию и приближаются к документу.

Основным критерием «дневниковости» исследователи считают синхронность [5]. Также выделяют спонтанность, достоверность изложения, ведение записей от первого лица. А. Зализняк в качестве одного из главных критериев называет тождество автора и адресата [1].

Исповедальность «Посмертного дневника» не вызывает сомнений: «это интонация последней правды, какой является предсмертная исповедь человека как такового» [2. С. 270]. Заслуживает внимания переосмысление автором прошлых представлений о самоубийстве: «*Страшно?.. А ты говорил — развлечение. / Видишь, дружок, как меняется мнение*» [4. С. 564]. Данный текст – ответ самому себе, а именно, стихотворению из «Портрета без сходства»: «*Конечно, есть и развлечения: / Страх бедности, любви мученья, / Искусства сладкий леденец, / Самоубийство, наконец*» [4. С. 329]. Соблюдается «дневниковое» условие тождества автора и адресата: поэт обращается к самому себе в прошлом, преодолевая временную дистанцию.

Критерий синхронности в цикле очевиден: у умирающего поэта физически не было времени впоследствии перечитать текст и что-либо в нем исправить. Показательны назывные предложения, обозначающие дату, день недели, время суток и то состояние, в котором текст порождается: «*Воскресенье. Удушья прилив и отлив...*» [4. С. 559]; «*Ночных часов тяжелый рой. / Лежу измученный жарой / И снами, что уже не сны...*» [4. С. 563]; «*Строка за строкой. Тоска. Облака...*» [4. С. 574]; «*Вечер. Может быть, последний / Пустозвонный вечер мой...*» [4. С. 583].

На спонтанность также указывают стихотворения, финал которых отрицает соображения, изложенные в начале (в условиях «диахронности» подобные строки были бы зачеркнуты): «*Могу ж я помечтать, по крайней мере, / Что я еще лет десять проживу... / Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет...*» [4. С. 558].

Подтверждением спонтанности выступает и художественный минимализм, иногда – намеренная прозаизация: «*Можно о розах, можно о пне. / Можно о том, что неможется мне...*» [4. С. 560]. Происходит депозитизация прежних эстетических ценностей: обыгрывается название сборника «Розы», где «розы» выступали символом искусства, поэзии, всего самого прекрасного в мире.

Таким образом, отвечая всем жанрообразующим критериям дневника (синхронность, непосредственность, спонтанность, исповедальность, ведение от первого лица, тождество автора и адресата), «Посмертный дневник» Г. Иванова может занять достойное место в ряду художественно-документальных явлений XX в.

Литература

1. Зализняк А.А. Дневник: к определению жанра. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14.html>.
2. Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. М., 2002.
3. Злочевская А.В. Г.В. Иванов // История литературы русского зарубежья (1920-е – начало 1990-х гг.). М., 2011. С. 312–322.
4. Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т. 1.
5. Криволапова Е.М. Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX–XX веков: автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2013.
6. Ничипоров И.Б. «Проза, выстраданная как документ»: колымский эпос В. Шаламова. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42969.php>.
7. Чагин А.И. Истоки пути: от «Лампады» к «Дневникам» // Г. В. Иванов: Материалы и исследования. М., 2011. С. 8–23.

Семина Анна Андреевна
аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса
филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Т. Ф. Семьян (Челябинск)

Дневниковость прозы Павла Улитина

Сегодня Павла Улитина называют одним из самых значительных русских прозаиков прошедшего века, легендарным писателем, предвосхитившим литературные техники новейшего времени. Уходя от сюжета как такового, Улитин, по-розановски, преодолевает литературу, создавая сюжеты своих книг из фрагментов своей жизни, мыслей и впечатлений, выстраивая нарратив в векторе внутренней речи. В поэтике книг Улитина выражены ключевые черты жанра дневника, в том числе, дискретность, пересечение сферы письменной и внутренней речи и пр.

В книгах Улитина много связано с биографией писателя: и сама стратегия исполнения книги, её визуальное оформление, и фрагменты текста на иностранных языках. Известно, что Улитин писал свои книги на листах формата А5 и сам переплетал их, в чём ему помогли умения, полученные в переплётных мастерских Ленинградской тюремной психбольницы. А знание иностранных языков с детства определило не только дальнейшую судьбу Улитина (преподавание иностранных языков), но и органичное существование в пространстве его текстов нескольких разноязыковых пластов. Иноязычные вставки в книгах Улитина могут занимать до целой страницы текста. Но суть приёма кроется не только в биографических причинах: произведения Улитина — это своего рода поток сознания, без сюжета, словно бы без заранее продуманного и отобранного материала. Улитину удалось создать произведения по принципу: всё, что внутри авторского сознания — всё на бумагу, как мыслит и что чувствует автор в данный момент, то и фиксирует. Иноязычные фрагменты в качестве яркого визуального элемента текста определяют такие характеристики стиля Улитина как эстетика дневника, суггестивная направленность его произведений, криптографичность техники, ориентация на элитного читателя, т.е. все те особенности, которые определили симбиотическую природу его прозы.

Каждый, кто ставит задачу охарактеризовать особенности творчества Павла Улитина, оказывается в затруднительном положении и констатирует, что для разговора о писателе ещё не выработан специальный язык, что проза Улитина вовсе не художественная проза, а некий авторский жанр, принципы изучения которого ещё не выработаны. Можно предложить метод анализа творчества Улитина, основанный на интерпретации необычного, яркого, своеобразно-авторского визуального облика его произведений.

Намеренно усложнённый, акцентированный облик текстов писателя является не только авторским шифром эмоционального и событийного уровней, актуализирует семантику, но и определяется как стилевая черта, выражающая, визуализирующая поэтику дневника в прозе писателя. Такая черта дневника, как свободная форма записи, приобретает у Улитина яркое визуальное воплощение.

Проза Павла Улитина фрагментарна и в своей внутренней структуре, и визуально: используя важный элемент дневника — событийную запись, Улитин располагает каждый новый фрагмент на новой странице. Организация пространства страницы в прозе Улитина характеризуется абсолютной авторской раскрепощённостью и свободой в использовании традиционных элементов набора. Текст набран «вкривь и вкось», что создаёт иллюзию непродуманности, непреднамеренности, записи для себя. Фрагменты расположены по диагонали, набраны в форме треугольника, в два столбика, уступами, хаотично. Шрифт в оригинале был машинописный, с прописными выделениями и рукописными вставками, которые в сегодняшнем полиграфическом воспроизведении исполнены курсивом.

Всеми указанными способами расположения текстового материала Улитин актуализирует технику записей не для публики, используя также такой традиционно рукописный элемент, как зачёркивание, что со всем уважением к авторской воле воспроизведено уже в полиграфическом виде.

Специального анализа заслуживает такой маргинальный элемент текста, как «заметки на полях» страниц, акцентирующий дневниковую поэтику прозы Улитина.

Семьян Татьяна Фёдоровна
доктор филологических наук
профессор, Южно-Уральский государственный университет
профессор кафедры русского языка и литературы

Е. Г. Серебрякова (Воронеж)

Трансформация поведенческой модели «защитник» в социальной практике советских нонконформистов 1960-1970-х годов

Формирование поведенческих моделей в социальной практике советских нонконформистов 1960-1970-х годов производилось с учётом культурных традиций европейской и русской интеллигенции. В частности, актуальным оказался образ «писателя-защитника», востребованный вследствие юридического преследования писателей-нонконформистов. Эту поведенческую практику реализовала Фрида Вигдорова в ходе «дела Бродского». В роли образца она использовала поведенческую модель В.Г. Короленко при защите безвинно обвинённых удмуртов («мультанское дело») и главного фигуранта «дела Бейлиса». Поведение защитника базируется на нескольких позициях:

1. Личность – безусловная и абсолютная ценность. Конфессиональная, национальная принадлежность или мировоззрение обвиняемого его как личность не обесценивают. Защитник отстаивает всегда конкретного человека, с его биографией, характером и образом жизни: Э.Золя – Дрейфуса, Короленко – Бейлиса, Вигдорова – Бродского.
2. Справедливость выше политики и идеологии. Гуманизм и сострадание – главные законы человеческого общежития. Если юридический закон не соответствует справедливости, то он должен быть изменен в соответствии с гуманистическими требованиями.
3. Защита невинно обвинённого – дело не только благородное, но и обязательное для всякого порядочного человека. Ради этой цели стоит рисковать личным благополучием, мобилизовать отечественную и мировую общественность. В противодействии несправедливому приговору реализуется персональная ответственность защитника за ход истории, который определяется индивидуальным стремлением каждого человека к прогрессу и справедливости.

Поведение Вигдоровой было высоко оценено либеральной интеллигенцией. В ходе последующих судебных процессов над литераторами составители книг-отчётов (А.Гинзбург «Белая книга по делу Синявского и Даниэля», П. Литвинов «Процесс четырёх», Н. Горбаневская «Полдень» и другие) не только тиражировали данный образец, наделив его статусом нормативного, но и трансформировали в соответствии с динамикой нонконформистской поведенческой стратегии в новое качество – «правозащитник». Эту поведенческую модель реализовал в своей социальной практике Александр Есенин-Вольпин.

Фундаментальным суждением Вольпина являлось следующее: граждане и представители власти – рационально мотивированные агенты. Государство является субъектом права, обязанным не только формулировать законы для граждан, но и выполнять предписанные нормы. Гражданские права есть неотчуждаемые свойства личности. Советские законы, хотя и закрепляют руководящую роль Коммунистической партии и чиновничьего аппарата, но одновременно призваны защищать гражданина, ограничивая диктат государства. Однако советское государство видит себя исключительно законодательным авторитетом правовых норм, а не субъектом права. Соответственно, нарушение прав и свобод личности было вызвано, по мнению учёного, неверным исходным тезисом, влекущим за собой логические ошибки в построении силлогизма. Закономерно проистекало отсюда требование, предъявляемое Вольпиным к государству, – осознать себя субъектом права и исполнять собственные законы. Как видим, позиция «правозащитника» базируется на иных, отличных от «защитной» принципах:

1. Закон – абсолютная ценность, гарант защиты личности.

2. Социальная несправедливость – результат не «плохих» законов, а неверного толкования их государством, не осознающим себя субъектом права.
3. Ради утверждения правового государства граждане обязаны на законных основаниях противодействовать ущемлениям своих прав и свобод.
4. Способы самозащиты граждан от произвола государства могут быть разнообразны, но должны оставаться в рамках закона. Одним из способов может быть систематическая организация митингов, например, в ответ на арест по статьям за антисоветскую агитацию или что-то подобное.
5. Акции должны быть демонстративными для осуществления просветительской и правозащитной функции – приучать государство и общественность к ценности закона, утверждать незыблемость гражданских прав и свобод личности.

Антропоцентризм в представлениях Вольпина о характере социальных механизмов сохраняется, но смещаются акценты: защите подлежит не частный, конкретный человек, а всякий гражданин как субъекта права.

Апелляция к праву и закону стала постепенно привычным риторическим приёмом в литературных и публицистических высказываниях неконформистов и диссидентов и заметно потеснила чисто этическую аргументацию инакомыслящих в их взаимодействии с властями.

Серебрякова Елена Геннадьевна
к. филол. наук, доц. каф. культурологии
Воронежского государственного университета

И. Ю.Смирнова (Москва)

«Рыцарь Святого Гроба»: А.Н. Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке

В последнее время все большую значимость приобретают исследования деятельности представителей Русской Церкви и дипломатии на Ближнем Востоке, в связи с чем с каждым годом растет интерес к оставленным ими документальным свидетельствам, таким как дневники, письма, воспоминания, представляющие собой важный источниковедческий ресурс. Для понимания конфессионально-дипломатической ситуации на Христианском Востоке особую ценность представляет эпистолярное наследие Андрея Николаевича Муравьева (1806-1874), церковного историка и писателя, епитропа Восточных Православных Патриархатов, сыгравшего ключевую роль в развитии межцерковных контактов Всероссийского Святейшего Синода с Православными Патриархатами Востока в середине XIX в.

Как сотрудник Азиатского департамента Министерства иностранных дел и одновременно чиновник за обер-прокурорским столом Святейшего Синода, А.Н. Муравьев в 30-е — 70-е годы XIX в. фактически исполнял функции, принадлежащие современному Отделу внешних церковных связей РПЦ, — он находился в переписке с Патриархами и высшим духовенством Иерусалимской, Антиохийской и Александрийской Церквей; назначенный епитропом (поверенным в делах) Восточных Патриархов, инициировал и курировал ряд проектов по оказанию гуманитарно-образовательной и церковно-дипломатической помощи их Патриархатам; принимал самое непосредственное участие в расширении русского присутствия на Святой Земле и на Афоне. Сочинения

Муравьева пробудили интерес российского образованного общества к Православному Востоку.

Важнейшим источником по истории межцерковного общения России с Восточными Патриархатами в XIX в. является переписка Муравьева с известными русскими дипломатами — А.П. Бутеневым, К.М. Базили, Н.П. Игнатьевым и др. Вследствие непосредственной причастности А.Н. Муравьева (как сотрудника Азиатского департамента МИД и Святейшего Синода одновременно) к наиболее актуальным процессам российской внешней политики на Ближнем Востоке, его письма, отражающие многофакторный процесс развития церковно-дипломатических отношений России и великих держав, содержат сведения, позволяющие объективно оценить роль Русской Церкви в формировании системы взаимоотношений с Восточными Патриархатами, степень ее участия в решении церковно-политических задач ближневосточного региона. Это позволяет рассматривать переписку Муравьева с представителями Министерства иностранных дел в Османской империи в качестве одного из важнейших источников по истории развития межцерковных связей России с Православным Востоком в XIX в., а если говорить шире, — по истории православного востоковедения.

В обзоре корреспонденции Муравьева по церковно-дипломатическим вопросам будут представлены злободневные для того времени проблемы Восточных Патриархатов, процесс формирования концепции российского церковного присутствия в Святой Земле и на Православном Востоке в целом. Это позволит представить их автора не только как духовного писателя и историка, но как крупного церковного деятеля, внесшего значительный вклад в сферу межцерковных и межконфессиональных отношений.

Смирнова Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук
старший научный сотрудник Института российской истории РАН

А. И. Соболева (Москва)

В поисках автора, или об одном употреблении виршевой поэзии в произведении житийного жанра

Житие Александра Свирского, как известно, написано игуменом Свято-Троицкого монастыря Иродионом в 1545 году для Великих Миней четых. Новая редакция текста, появившаяся в начале XVIII века, возможно, создана в том же монастыре Александра Свирского. В описании к одной рукописи жития Александра XVIII века из собрания Псковского музея сказано: «предисловие и послесловие жития – вирши монаха Иоасафа» [Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника, Псков, 1991, часть 1, с. 74]. И хотя традиция сопровождения житийных произведений стихотворными строками восходит к Стишному Прологу (XIV в.), а в первой половине XVII века досиллабический стих мог включаться в «исторические или ораторские сочинения» [Рикардо Пиккио, Древнерусская литература, Москва, 2002, с. 261], и тогда же возникла традиция виршевых предисловий к различным, правда, не житийным, сборникам, подхватываемая последующими авторами, подобного рамочного украшения данного житийного текста виршами не встречалось до этого ни в одной рукописи XVI–XVIII вв.

Однако пристальный взгляд на текст виршей предисловия и послесловия псковской рукописи поставил под сомнения сделанное в Каталоге утверждение. Во-первых, кажется, основано оно скорее на переписанной неким Симеоном Марковым приписке к рукописи писца Иоасафа: «А писавый сие житие александрова монастыря по обѣщанию своему въ

домъ пресвятыя троицы и чюдотворца александра постриженникъ тояжь обители пречестные родом московскіи нѣкто отъ убогихъ крылошанинъ канонархъ монахъ Иоасафъ своею рукою недостойною лѣта 1715 году сентебря дня 20» (лл. 100 об.–101). Во-вторых, противоречит содержанию стихов, один из которых совершенно точно является акростихом: «И аще любимицы мои хочети знати и кто есть дерзнух сия написати / Сами бо мы мене известно знаете понеже вкупе со мною обитаете...» (л. 90). Кроме того, возникают некоторые сомнения, что украшающие вирши написаны одним человеком в одно время. Эти сомнения подкрепляются проведенными текстологическими разысканиями по рукописям XVIII в.: удалось обнаружить, что некоторые списки новой редакции жития XVIII в. сопровождаются виршами, соответствующими стихам либо предисловия, либо послесловия псковской рукописи. Сама же псковская рукопись оказывается уникальной в ряду списков той же редакции текста: она содержит, как выясняется, даже не два, а три разных виршевых стиха. О том, кто такой Иоасаф, кто автор виршей и мог ли их написать один человек, и пойдет речь в докладе.

Соболева Александра Евгеньевна
кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела исторической лексикографии
Института русского языка РАН им. В.В.Виноградова

С. М.Соловьёв (Москва)

К проблеме композиции цикла рассказов В.Т. Шаламова «Воскрешение лиственницы»

Как известно, циклы рассказов В.Т. Шаламова имеют особую организацию, и основные рассказы в этих циклах стоят на строго отведенных им местах.^[43] До настоящего времени композиционные особенности четвертого цикла (автор тезисов не считает «Очерки преступного мира» частью корпуса «Колымских рассказов») «Колымские рассказы» (далее - «КР») почти не подвергались исследованию (некоторые важные наблюдения были сделаны Е.В. Волковой в книге «Трагический парадокс Варлама Шаламова»^[44]).

Сборник «Воскрешение лиственницы» обладает, как мне кажется, особенно сложной композицией. Как и в других сборниках, рассказы, написанные от первого лица, соседствуют с теми, что написаны от третьего (Крист, альтер-эго автора, появляется в двух — не основополагающих — рассказах: «Облава» и «Смытая фотография»).

По сравнению с предшествующими циклами – «Колымские рассказы», «Артист лопаты», «Левый берег» — «Воскрешение лиственницы» можно назвать наиболее оптимистичным — как ни чуждо это слово шаламовской прозе. Само название сборника и финальный одноименный рассказ свидетельствуют это. Но оптимистичность вызвана не только потому, что в цикле в целом ряде рассказов описывается восхождение героя со дна колымского мира («Город на горе») до благополучного положения лагерного фельдшера.

Главная тема цикла – человеческое достоинство, что с ним происходит в колымских условиях, где начинается рабство и — самое главное — как достоинство сохраняется вопреки всему. В этом цикле Шаламов не раз заявляет, что рабство начинается не в колымском лагере, а еще на Вишере конца 20-х начала 30-х гг. («Хан-Гирей», «Вечерняя молитва»), или даже задолго до возникновения сталинских лагерей вообще — именно об этом рассказы «Храбрые глаза» и «Белка», которые посвящены смерти животного от руки озверевшего человека (и намек на такую же смерть в рассказе «Безымянная кошка»), а в

рассказе «Рябоконь» «легкость убийства» выводится из Гражданской войны, что, с исторической точки зрения, совершенно справедливое утверждение. Достоинству, чести и тому, что с ними происходит в лагере, посвящено 14 рассказов цикла – без малого половина.

Еще один важный с точки зрения композиции сборника сюжет — героизация интеллигенции в двух рассказах цикла («Золотая медаль», «Житие инженера Кипреева»), и одновременно — демонстрация того ужаса, который происходит, если интеллигент сдается блатному миру — «Боль» — один из самых страшных рассказов цикла.

«Воскрешение лиственницы» настойчиво связывается автором с предшествующими циклами. Не только появлением Христа — авторского альтер-эго. В этой связи интересен переходящий из рассказа в рассказ сюжет о шарфе, украденном блатарями, шарф, который протягивается от рассказов «Тридцать восьмой», «Любовь капитана Толли», «Ключ Алмазный» в «Город на горе», (на это многократное повторение в «КР» указывала Люба Юргенсон^{3, [45]} правда, в рассказах «Припадок», «Май» и «Июнь» шарф присутствует в иных ситуациях).

Не раз высказывались мнения о незаконченности этого цикла. Но если к последнему, пятому циклу «Перчатка, или КР-2» это суждение может быть отнесено, то «Воскрешение лиственницы» никак не заслуживает такой оценки. Рассказы цикла писались в основном в одно время. Шаламов объединяет их в жесткую структуру, где совершенно намеренно два рассказа-агиографии поставлены особняком – «Золотая медаль» (начинающаяся прямой отсылкой к священному писанию: «В начале были взрывы...») и «Житие инженера Кипреева», которым, в свою очередь противостоит важнейший для понимания шаламовского творчества в целом рассказ «У стремени», притчевый конец которого можно истолковать как призыв к сопротивлению, примеры которого как раз и были даны в «Золотой медали» и «Житии...».

Представляется, что основными, задающими структуру сборнику, являются следующие рассказы, помимо двух вводных и заключительного: «Житие инженера Кипреева», «Боль», «Экзамен», «У стремени», «Белка». Во многих рассказах цикла много исторических отступлений (не только в «исторической» «Золотой медали»), которые играют роль «записи русской истории», обнажая наиболее важные этические проблемы, волнующие автора, и прежде всего — сохранение человеческого достоинства в нечеловеческих обстоятельствах.

Сергей Михайлович Соловьёв
доцент МГППУ, главный редактор сайта Shalamov.ru

Е. В. Степанян-Румянцева (Москва)

Причем тут князь. Еще раз о князе Мышкине

Доклад посвящен некоторым значениям титулатуры в романе Достоевского «Идиот». По некоторым показателям Мышкина можно соотнести с так называемыми «князьями-изгоями», описанными в исторической литературе. С этой точки зрения можно обнаружить исторические аналогии литературному «роду Мышкиных», хоть и безусловные, и не прямые: род князей Мышецких, родовитых, связанных со святым Михаилом Черниговским, бывавших в статусе и воевод, и послов, и изгоев, и в старообрядческом расколе (среди них числился один самосожженец), не подписавших избрание Михаила Романова на царство и т.д. Наибольшая историческая активность рода

падает на рубеж XVII–XVIII столетий, то есть на то время, когда, по словам самого Льва Николаевича Мышкина, «люди были как-то об одной идее», а теперь они, по его же словам, – «развитее и сенситивнее», то есть двойственное. М.Ю. Лебединский, составитель «Хроники рода князей Мышецких», говорит о поздних потомках этого рода: они были «властные натуры, рабы своих страстей», то есть скорее их можно сопоставить не с центральным персонажем «Идиота», а со всеми теми, кто его окружает, причем без исключения. (Согласимся, что созвучие фамилий добавляет нечто к художественно-исторической ауре, к «атмосферному кокону» ассоциаций, окружающему образ Льва Николаевича Мышкина.) Но все-таки речь сейчас не о созвучиях и не о косвенных аналогиях.

Кемеровский лингвист Т.С. Мешкова убедительно показывает, что концепт князя предполагает следующие функции – путник, строитель, воин. Мышкин столь же знаменательно совпадает с этой схемой, сколь и выпадает из нее. Если князь всегда дан в движении, то и Мышкин – странник на всех этапах романного повествования: русская провинция – Швейцария – Лион – Швейцария – Петербург – Москва – безымянная провинция – Петербург – Павловск – Петербург – Швейцария. (Вспомним поучение Мономаха: он говорит детям о многочисленных своих путешествиях и походах как о достоинстве, связанном с княжеским званием.)

Причиной и целью пути князя (так, например, в Новгородской летописи) является престолонаследие. Мышкин оказывается в России для восприятия наследства. Но каково же оно? Это – минус-наследство. Денежное наследство Льва Николаевича эфемерно и начинает таять сразу после объявления о нем.

Теперь – о кровном родстве. Лев Николаевич, как сам он о себе заявляет, «князь и с князьями сидит», и в то же время его семейство «случайное», хоть и княжеское: мать – из купцов, побратим и близкий человек – из купцов, нареченная невеста – потерянная женщина и т.д.

Теперь – об «удельных признаках» князя Мышкина. «Удел» Мышкина – Павловск, исходным хозяином которого был великий князь и – трагически недолго – император Павел. Величественная и осмеянная фигура Павла, его недооцененные планы – существенный элемент атмосферы, окружающей Мышкина, родственной ему атмосферы.

Если говорить о Мышкине «строителе и воине», то, понятно, речь тут может вестись только в метафорическом плане: о попытке созидания «нового братства» людей, о стремлении отстоять это братство. Маргинальность, практическая несостоятельность Мышкина как «князя» тут очевидна.

В то же время, анализируя роман, мы видим стремление окружающих князя персонажей стать по отношению к нему в положение духовного вассалитета, признание его как владетельного князя (и в то же время неспособность играть подчиненную роль, признать главенство другого).

Таким образом, Мышкин находится в сложном и противоречивом взаимодействии с собственным титулом, с той социальной и духовной ролью, которая ему предназначена.

Степанян-Румянцева Елена Владимировна
кандидат филологических наук, профессор Государственной академии славянской культуры
редактор журнала "Русское искусство"

Е. Н. Строганова (Москва)

Литературная репутация писателя в некрологе: отклики современников на смерть М. Е. Салтыкова^[46]

Некролог как особый тип высказывания лишь в последние годы привлек к себе внимание исследователей,^[47] но пока не сложилась традиция его изучения и авторы не всегда учитывают опыт предшественников.^[48] Поэтому с точки зрения включения в исследовательское пространство некролог все еще остается жанром маргинальным. В справочных списках литературы некрологам закономерно отводится финальная позиция, некрологи, как правило, не перепечатываются, и лишь спорадически используется практика их комплексной републикации или публикации неизданных материалов.^[49]

Вместе с тем актуализация некролога как материала для исследования вполне закономерна, так как некрологический отклик в силу своей оперативности оказывается наиболее непосредственным выражением не только субъективного мнения говорящего, но и общественной репутации покойного. В этом смысле весьма репрезентативны отклики на смерть М. Е. Салтыкова. Особый интерес представляет некрологическая подборка в «Новостях и Биржевой газете»^[50] – «литературный венок», который составлен из статей, аллегорических и элегических миниатюр, стихотворений и воспоминаний, принадлежащих авторам разных идейных ориентаций. Но объединяющим их лейтмотивом оказывается мысль о гражданском значении творчества писателя, о могучем влиянии его сатиры на современников и уверенность в бессмертии его творческого наследия.

Строганова Евгения Нахимовна
докт. филол. н., проф. Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

И. З.Сурат (Москва)

Под собою не чуя страны: К истории антисталинского памфлета Осипа Мандельштама

1. Сталинская тема в творчестве О.Мандельштама нередко становится полем разного рода спекуляций и требует полноценного объективного исследования, многие сложившиеся представления нуждаются в уточнении или пересмотре.
2. Стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933) – одно из центральных звеньев этой темы, между тем обстоятельства и причины его появления неясны, неизвестен конкретный повод к написанию этих стихов. О.Ронен видел в них последование М.Н.Рютину, А.Кушнер расценивает их как сознательно самоубийственный шаг, П.Нерлер читает их как послание Сталину. Ни одно из имеющихся мнений не выглядит убедительно в контексте биографии и творчества Мандельштама.
3. Вокруг этих стихов, ставших причиной первого ареста Мандельштама в 1934 году, сложилась целая мемуарная литература; наиболее интересны свидетельства Э.Г.Герштейн и Б.С.Кузина – именно они дают ключ к понимаю антисталинской эпиграммы.

4. История дружбы О. Манделъштама и Б.Кузина, второй арест Кузина в 1933 году, заступничество Манделъштама, последовавшее освобождение и совместная поездка Манделъштамов и Кузина в Крым – вот ближайший контекст появления стихов про «кремлевского горца», в нем слышны отголоски разговоров поэта с Кузиным, зафиксированных в его мемуарной книге. Написанное под влиянием друга, стихотворение стало актом самосознания эпохи и повернуло личную судьбу Манделъштама.

Сурат Ирина Захаровна
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им.
А.М.Горького РАН

Н. А.Тарасова (Санкт-Петербург)

Маргиналии в записных тетрадах Достоевского: графика и текст

Записные тетради Достоевского 1860–1870-х годов включают в себя разнообразный материал художественного, публицистического, личного содержания: черновые наброски к журнальным статьям и художественным произведениям, в том числе к знаменитым романам писателя и к незавершенным творческим замыслам, а также записи бытового характера, расчеты, рисунки, каллиграфические прописи.

Особое место в рукописях Достоевского занимают маргиналии – записи и графические изображения на полях. Степень изученности маргиналий достаточно низкая; в публикациях записных тетрадей по разным причинам, как правило, не воспроизводятся графические изображения и каллиграфия автора, хотя на данный момент нет сомнений в том, что это неотъемлемая часть содержания рукописных материалов. Некоторые текстовые маргиналии также оказываются неопубликованными, именно по причине их «маргинального» расположения и незаметности, особенно при большом количестве исправлений (вычеркиваний и вставок) в черновике. Одной из задач текстологического анализа в настоящее время является изучение взаимосвязей текста и графики Достоевского, позволяющее понять специфику творческого процесса автора и определить основные функции маргиналий. Для этого необходим комплексный анализ графики Достоевского и взаимодействия различных ее видов в пространстве рабочих тетрадей писателя.

Материал свидетельствует о том, что 1860–1870-е годы являются временем наиболее интенсивного обращения Достоевского к специальной графике, как то: каллиграфические прописи, пробы пера, росчерки, рисунки (портреты, готика, чаще в изображении архитектурных деталей, крестоцветы, геометрические фигуры, буквицы), специальные условные обозначения автора. Последние Достоевский использовал в двух функциях – в роли корректурных знаков, соединяющих разорванные в пространстве, но связанные между собой записи, и в роли знаков-символов, стоящих возле отдельных записей, связанных не синтаксически, как в первом случае, а семантически и тематически. Интенсивность использования названных видов графики объясняется тем, что в записных тетрадах этого времени сосредоточена высокая концентрация творческих замыслов автора (в том числе замыслы крупных романов, составивших «великое пятикнижие»). Разработка авторских идей выражается не только в их вербальном воплощении, но и в создании системы образных представлений, которые способна передать именно графика: портреты

героев будущих произведений, «готика» как отражение эстетических впечатлений Достоевского от европейской храмовой культуры, историко-литературный подтекст каллиграфии и рисунков.

В докладе рассматриваются типы маргиналий и проблема взаимодействия графики и текста, исследование которой позволяет обнаружить новые факты творческой истории произведений Достоевского и понять закономерности развития художественных идей писателя.

Тарасова Наталья Александровна
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Группы по изучению творчества Ф.М.Достоевского ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

А. В. Уланова (Москва)

Взгляд очевидца: события 1917 года в «Дневнике москвича» Николая Окунева

«Дневник москвича» Н.П. Окунева увидел свет в конце 70-х годов XX века в виде Самиздата (с согласия потомков, как сказано в предисловии). Полноценная публикация «Дневника» была осуществлена парижским издательством «УМКА-PRESS» в 1990 г. И, наконец, в России в 1997 г. состоялось его репринтное воспроизведение в 2-х томах в серии «Редкие книги» с послесловием одного из создателей этой серии Владимира Васильевича Дробышева (1934 – 2002) – выпускника исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, журналиста, поэта.

За прошедшие 20 лет были опубликованы многие ранее недоступные документальные свидетельства, в том числе воспоминания очевидцев, событий 1917 года, но «Дневник» Николая Окунева занимает отдельное место даже в этом ряду уникальных изданий. Объясняется это несколькими особенностями «Дневника» и, прежде всего, личностью самого автора. Николай Окунев – рядовой москвич, «московский обыватель», как он сам себя называет, выходец из крестьян Владимирской губернии. Он не состоял ни в какой партии, не занимал руководящих должностей, в силу возраста не был участником Первой мировой войны, довольно долго жил в Москве, любил этот город и хорошо его знал. Его взгляд на исторические события, очевидцем которых Окунев стал, можно назвать непредвзятым. В «Дневнике москвича» мы находим рассказ обычного, дожившего до 50 лет, человека, имеющего взрослого сына и дочь, скромного труженика – агента пароходства «Самолет», чья жизнь с 1914, а особенно с 1917 года с каждым днем начинает резко меняться не в лучшую сторону. Эти изменения автор весьма подробно фиксирует (записи в дневник заносятся практически ежедневно, за редким исключением). В фокусе своего внимания Н.П. Окунев, на протяжении 20 лет (1914 – 1924), держит события на фронте, международную обстановку, изменения в государственном управлении, цены на продукты и предметы первой необходимости, материальное и моральное состояние себя самого, членов семьи, окружающих людей, а также катастрофическое «преображение» любимой Москвы. Как человек верующий, Н.П. Окунев отразил в своем дневнике губительный процесс отделения церкви от государства, истребления священников, искоренения церковных праздников, разрушения храмов.

«Дневник москвича» Николая Окунева – богатый информационный источник по истории революционной России.

Литература

Окунев Н.П. Дневник москвича. Книга 1 – 2. М.: Военное издательство, 1997.

Наталья Фатеева (Москва)

Современный поэтический текст как поле порождения неологизмов

Неологизмы, возникающие в поэтическом тексте, расширяют возможности поэтического языка и в итоге становятся языковыми инновациями. Мы рассмотрим неологизмы, которые образуются за счет взаимодействия словообразовательного и грамматического уровней.

Прежде всего обратим внимание на краткие формы прилагательных, образованные от относительных прилагательных и даже существительных. Так, у М. Степановой обнаруживаем краткую форму *кипарисны* в тавтологическом контексте, которая семантически более связана с существительным, чем прилагательным: *И креслами, со спинками назад, / На запад, те надгробия стоят. / И кипарисы кипарисны*. У В. Полозковой встречаем более интересный для деривации случай: *Речь пряна и альма-матерна – по уму* (в случае *альма-матерна* мы имеем дело с наложением и контаминацией слов *альма-матер* и *матерный* 'нецензурый', второе из которых принимает форму краткого прилагательного).

Обычно окказиональные краткие формы либо выступают в рядах с нормативными, либо выстраивают собственные целые ряды в тексте, чем доказывают свое право на существование. Так, М. Степанова формирует ряд кратких прилагательных от названий дней недели (*День понеделен, вторничен, срединн, / Чист как паркет, пока не наследим*). Краткие формы относительных прилагательных образуют и ряды с краткими причастиями. Такие ряды встречаются у В. Сосноры, при этом в них оказываются уподобленными совершенно разные по семантике характеристики: *гений хрипл, бескрыл и сомкнут, он всего лишь двоегуб*. Еще более редкими являются краткие формы *сценичен* и *ролист* в строках *У трагика нет грации, он сценичен, ролист*. Первая форма почти не употребляется и в полном варианте (более привычно *сценический*, а не *сценичный*), вторая же является словообразовательным неологизмом.

Обращают на себя внимание и наречия, которые формально образованы от прилагательных, однако по своей семантике являются окказиональными и получают значение, соотносимое непосредственно с существительным. Ср., например, у М. Степановой: *Так протяженная педаль / Нутро изводит пианинно* (буквально 'из пианино, как пианино').

Есть также случаи образования окказиональных наречий как бы напрямую от существительного, поскольку промежуточного прилагательного не существует. Особый интерес представляют двойные наречия, образованные от существительных, как у Н. Делаланд: *Посмотри в окно – всё ветрым-ветро, / око ветра льнёт, косо сеется*. Здесь, в отличие от *темным-темно, светлым-светло*, производящей основой оказывается существительное *ветер*.

Удивительные формы сравнительной степени наречий, образованные от существительного *дрова*, находим у А. Еременко: *Колю дрова / напротив бензоколонки. <...> я весь горю, / размахиваюсь, <...> Но с каждым ударом меня сносит влево, / и я становлюсь все **дровее и дровее***. Формы сравнительной степени наречий вообще

приобретают некоторую свободу формообразования и, как и в разговорной речи, начинают образовываться от любых прилагательных.

Еще одной интересной особенностью современной поэзии является образование дериватов от местоименных основ. Такие образования специфичны для В. Полозковой: к примеру, поэтесса так характеризует свое состояние разлуки с любимым: *Я картограф твой: глаз – Атлантикой, скулу – стенью, / А затылок – полярным кругом: там льды; that's it. / Я ученый: мне инфицировали **бестебье**. / Тебядефицит*. Первое производное образовано от предложной формы *без тебя* по модели существительного *безрыбье*, второе голофрастическое слитное образование сформировано по типу сращения. У нее же находим пример образования сложного существительного, первой частью которого является падежная форма личного местоимения: *Я тебя таскаю в венах, как похмельный **тебяголик**, / Все еще таскаю в венах. Осторожней, мой соколик*. Подобное у поэтессы происходит с образованиями не только от личных местоимений, но и от относительных и неопределенных: ср. *Как себя вынести, / Выместить, вымести; / Гениям чувство кем-то-любимости – / Даже вот Богом при входе в храм – / Дорого: смерть за грамм*. Более того, у нее несклоняемые местоимения начинают склоняться, как существительные: *Чтоб тут же сделаться такой, / Какой мечталось – без синекдох, / Единой, а не в разных **нектах**; / Замкнуться; обрести покой*.

Еще более интересную форму встречаем у А. Цветкова – сращение отрицательного местоимения и частицы *бы* приводит к образованию существительного *никтобы*: *плюс совместится с минусом и вот / останутся фантомные **никтобы** / небабочки в прицелах нецветов*. Существуют также примеры, когда отрицательные местоимения становятся частью сложного прилагательного: *Летит сонет, как будто вкруговую, / и – выбивает степень из нуля, **ничтообразна** для него земля, / движения его подобны бую...* (С. Бирюков). Оригинальное образование находим и у Н. Делаланд, созданное присоединением приставки *недо-* (обычно присоединяющейся к глаголам, придавая им значение неполноты, недостаточности действия) к относительному / вопросительному местоимению *где*: *Для чего пришел / солнышком из-за штор / голеньким, как сокол, / в сердце оценка – кол – / за недожитый день, / где теперь? **Недогде***.

Итак, мы вкратце рассмотрели несколько типов новообразований, которые свойственны современной русской поэзии. Их появление объясняется не только стремлением поэтов изобрести новую форму, но и их желанием осмыслить семантический потенциал этой формы, связанный прежде с компрессией образного смысла.

Фатеева Наталья Александровна
доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИРЯ РАН

С. Ф. Членова (Москва)

О «надо» и «нужно» в дневнике Н.А. Дмитриевой

Неизданный дневник видного искусствоведа Н. А. Дмитриевой (1917-2003), автора уникальных работ, соединяющих логическое, образное и нравственное начала, интересен во многих аспектах, в том числе и как текст литературно одаренной личности, отличающейся точностью слова.

В докладе будут рассмотрены случаи употребления в дневниковых записях Дмитриевой слов «надо» и «нужно». Что, как полагает Дмитриева, следует делать, что нужно, без чего невозможно обойтись, что подходит для нее и соответствует правилам жизни и отношений с людьми и ее требованиям к писанию, собственному и других.

Особое внимание в докладе будет уделено записям 1963 года. В это время Дмитриева исполняла обязанности заведующего сектором эстетики Института истории искусств, славящегося тогда своим свободомыслием.^[51] После знаменитого посещения в декабре 1962 года Хрущевым московской выставки в Манеже, обозначившего поворот к новой политике, категорически отвергавшей возможность «мирного сосуществования социалистической и буржуазной идеологий» (к последней относился «абстракционизм и формализм», к первой – социалистический реализм в его наиболее догматическом истолковании),^[52] Институт истории искусств и особенно сектор эстетики подвергся сильному идеологическому давлению.

25 февраля. Прием в Мин/истерстве/ культуры у зам. министра Кузнецова.^[53] Речь шла о плане Ин/ститу/та. Говорит, будто с черными невольниками: «Вы должны гнуть нашу линию... надо следить, что пишут помимо плана, в журналах...» и т.д.

В дневнике неоднократно говорится о бесконечных «проработках» в Министерстве культуры, в МК партии, которым подвергалась и персонально Дмитриева. Видимо, не остался незамеченным ее специальный доклад, защищавший новейшие тенденции в искусстве на устроенной в Институте незадолго до Манежа конференции на тему: «традиции и новаторство».

Часто упоминается и о критике в официальной прессе ее книг: «Вопросы эстетического воспитания (1956) и «Изображение и слово» (1962).

23 марта В «Сов. культуре» обо мне опять сегодня написали. Редактор Большов даже придумал термин для определения моей неправильной теории о детскости: «эстетический инфантилизм». Надо же!

Не только иронию вызывает у нее все это, казавшееся ей «почти невозможным, анекдотичным, несерьезным», что «навряд ли может продолжаться». Официальному «надо» в условиях тяжелого давления противопоставляет она собственное «нужно».

9 марта в записи о вечернем совещании в Кремле, где «было шумно и скандально, Вознесенскому и Аксенову удалось сказать только по одной фразе», но где все же, «кинематографистам удалось отстоять свой союз. А съезд художников под вопросом», подводится такой итог: «Нужно возделывать свой огород. И отойти от современности к истории – что же еще остается».

Дневник Дмитриевой, который она вела с полной открытостью (он предназначался сугубо для себя), – впечатляющее свидетельство о возможности честного гуманитарного автора даже в жестких рамках идеологической несвободы сохранять «самостояние»^[54] и делать то, что нужно.

Светлана Федоровна Членова
НИВЦ МГУ, член Ассоциации искусствоведов

И. Н. Шамина (Москва)

Эпизод затянувшегося кризиса: о бесчинствах игумена вологодского Спасо-Нуромского монастыря Сергия в середине 1660-х гг.

Проблема кризисов в монастырской жизни изучена слабо. Между тем вопрос о том, как монастыри преодолевали сложные периоды своего существования, достаточно

интересен. Данное исследование вводит в научный оборот сведения о кризисе в жизни небольшого Спасо-Преображенского Нуромского монастыря. Монастырь основан в конце XIV в. прп. Сергием Нуромским на берегу р. Нурмы в Обнорской волости Вологодского уезда. Он был самым древним из всех монастырей, когда-либо существовавших в южной части Вологодчины, однако его история остается малоизученной.

О кризисе в Спасо-Нуромском монастыре в 1660-х гг. рассказывают челобитная на игумена монастыря Сергия 1666 г. и Судное дело игумена Сергия.

В 1666 г. казначей Александр, монахи и крестьяне жаловались архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону на пьянство настоятеля, его пренебрежение монастырским чином и разорение монастырской казны. Челобитчики утверждали, что игумен Сергей часто бывал пьян. Он приходил в храм во время службы и выгонял оттуда прихожан. Находясь в нетрезвом состоянии, игумен поднимался на колокольню и звонил в колокола, а также ездил по деревням своей вотчины, разорял дворы и гонялся за крестьянскими женами. Приезжавших в монастырь с наказаниями от архиерея стрельцов игумен также отправлял в вотчину собирать с крестьян деньги.

По ночам игумен Сергей, как пишут челобитчики, часто приводил к себе в келью женщин – «с коровья двора коровниц». На замечания монахов, что это большой грех, он отвечал: «Что же баб тех-де всех переблужу, ино же и вас всех переблужу. Да еду с монастыря, а оставлю-де у вас в монастыре стены да стрехи одне». В монастыре игумен Сергей содержал около десятка больших собак и кормил их «братцким хлебом». Собакам же он отдавал и принесенные вкладчиками пироги: «Собаки-де мне лутче братии». Неоднократно игумен якобы присваивал себе монастырские деньги и тратил их по своему собственному усмотрению.

Ситуация, описанная в челобитной, – странная. Нарушения продолжались в течение длительного времени, каждое грозило настоятелю судом и снятием должности, тем не менее о них долго молчали. В итоге жалоба на игумена Сергия была рассмотрена, а настоятель снят с должности.

Судя по всему, проблемы монастыря заключались не только в деятельности конкретного игумена. Жалобы на действия монастырской администрации поступали в Вологодский архиерейский дом с середины 1640-х гг. и после отставки игумена Сергия положение мало изменилось. Двух следующих игуменов, Мисаила и Авраамия, также обвиняли в том, что они бьют и бранят служителей, пользуются монастырскими деньгами, злоупотребляют алкоголем. Ситуация временно улучшилась после вступления в должность в 1673 г. игумена Варфоломея. Не исключено, что его прислали в Спасо-Нуромский монастырь для наведения порядка из какой-то другой обители. Однако после него управление монастырем перешло безграмотным казначею и житнику. Позднее, в 1682 г., там было совершено убийство.

Безусловно, проблемы, продолжавшиеся в Спасо-Нуромском монастыре в середине – второй половине XVII в., сильно ослабили авторитет обители. Дело было не только в поведении отдельных настоятелей. Вероятно, можно говорить об упадке монастырской жизни в целом. Епархиальное начальство не могло справиться с этой проблемой. Причины затянувшегося кризиса в древней обители требуют дальнейшего изучения.

И. А. Шаронов (Москва)

Эмотивность русского этикета: утраченные традиции

По мнению культурологов и лингвистов, особенностью русской культуры является свободное и активное выражение спонтанных эмоций. Такой вывод делает, например, Т.В. Ларина (Ларина 2009), проводившая сопоставительный анализ английских и русских коммуникативных стратегий. Определенная доля правды в таких утверждениях есть, однако если от синхронного уровня анализа обратиться к историческому, можно обнаружить значительное «высушивание» эмоциональных проявлений, происходящее в социальном поведении за последнее столетие. Анализ проводится на материале художественной литературы XIX – XXI веков, собранного, главным образом, из НКРЯ.

1. Эмоциональность отдельного индивидуума: расставание с сентиментальной эстетикой.

В литературе XIX века довольно много неакцентированных примеров того, что представителям высшего общества отнюдь не возбранялись непосредственные проявления сильных чувств: мужчины высшего общества могли плакать от сострадания или во время пафосной речи, бросаться другу на шею при встрече, топтать ногами от возмущения. В XX веке такое поведение подвергалось остракизму и ушло вместе с его носителями. «Если бы выставить в музее плачущего большевика, не было б в музее покоя от ротозеев, ещё бы – такое не увидишь и в века!» - писал В. Маяковский, и общество следовало этикету победившего класса. Социальная приемлемость таких проявлений сохранилась только для детей и, с некоторой натяжкой, для женщин. Однако и женщины лишились за последнее столетие многого – кружевных платочков для прикладывания к мокрому глазам, обмороков для выхода из неловкой ситуации и других привилегий эмоционального этикета. Крестьянские нормы, предписывавшие выть женщинам на проводах мужей, плакать невесте, плевать на землю с досады и т.д., также остались в прошлом.

2. Коллективная эмоциональность. Утрата групповых эмотивных ритуалов.

Для XIX и начала XX века активное, безграничное проявление восторга народными массами и войсками – неперенный атрибут встречи императора и военачальника. Люди стояли плотной толпой, подбрасывали в воздух шапки, рыдали от восторга, от избытка радости пускались танцевать вприсядку.

В XIX и в первой половине XX века «качали», то есть подбрасывали в воздух участников победных военных кампаний, популярных людей, именинников; студенты качали друг друга в день выпуска. По воспоминаниям современников, 9 мая 1945 г. в Москве восторженные толпы качали незнакомых людей, попавшихся под руку. Теперь если качают, то только спортсменов и тренеров, и то все реже и реже.

История социально-принятого эмотивного поведения, зарождения особых манер проявления эмоций, их развития и угасания на протяжении трех последних веков, безусловно, требует более глубокого и системного описания. В докладе будут представлены только несколько необычных для современной культуры примеров, высвечивающих смену культурных установок для выражения эмоций.

И. Л. Шевнин (Хабаровск)

Биография старообрядческого дальневосточного епископа Иосифа (Антипина) в письмах из России и Китая в 1920-х гг.

Жанр биографии привлекает внимание историков, несмотря на разнообразие мнений, взглядов, оценок и подходов. Наиболее распространено мнение, что биография считается одним из простейших видов исторического исследования. Сейчас разрабатываются новые средства исследования, что в свою очередь предполагает теорию самих методов биографического жанра.

Биографика российского зарубежья составляет отдельное новое направление отечественного эмигрантоведения и гуманитарной науки в целом [1]. Так, «персональная история» исследует персональные тексты в широком аспекте и стремится постичь историю жизни отдельного человека во всей её полноте [2].

Реконструкция биографий старообрядческого священства за рубежом позволяет изучить личность в творческих формах существования, частично в быту и повседневной жизни, в определённое время и конкретном месте, во взаимосвязи с элементами и структурами социальной системы. В научный оборот вводятся факты биографий дальневосточных старообрядческих зарубежных священников в публикациях, которые требуют сопоставления, уточнения и более высокого уровня обобщения (не говоря уже о недобросовестных постах, материалах и комментариях в интернете).

Биографический метод исследования является в значительной мере описательным. Метод реконструкции жизненного пути дальневосточного старообрядческого епископа Иосифа (Антипина) за рубежом опосредован прежде всего эго-источниками, что обуславливает доминирование субъективного восприятия происходивших событий. Архивные материалы имеют характер личного происхождения: деловая переписка. Они представлены 25 письмами еп. Иосифа, которые хранятся в архиве митрополии Русской Православной Старообрядческой Церкви [3] и Государственном архиве республики Бурятия [4]. Среди них 4 письма российского периода за 1918 г. (2) и 1921 г. (2) и 21 письмо харбинского периода за 1923 г. (2), 1924 г. (5), 1925 г. (5), 1926 г. (9). В АМ РПСЦ выявлено 10 харбинских писем, в ГАРБ 11 харбинских писем. Всего опубликовано 5 писем [5, с. 102-103, 352-353, 327-329, 329-330; 6, илл. 5-7].

По содержанию эпистолярные материалы содержат живые свидетельства о событиях в России, на Дальнем Востоке и дают ценный материал по проблемам истории дальневосточной епархии РПСЦ в 1920-1930 гг. В ходе их интерпретации преодолевается субъективизм, присущий такого рода источникам, с целью установить исторический смысл.

При изучении Русского православного зарубежья остаётся актуальной задача преодолеть ныне существующую ограниченность источников, их малочисленность для достижения большего понимания особенностей церковной, общественной и политической деятельности дальневосточного зарубежного старообрядческого священства.

Литература и источники

1. Бочарова З.С. Биографика в контексте персональной истории российского зарубежья // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. Вып. 18. - СПб, 2014. С. 47-51.

2. История через личность: историческая биография сегодня // Под редакцией Л. П. Репиной. – М., 2005. – 720 с.
3. Архив митрополии Русской православной старообрядческой церкви (АМ РПСЦ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 553, 563, 616, 676, 722.
4. Государственный архив республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 478. Оп. 1. Д. 6.
5. Петров С.П. Старая православная вера за Байкал-морем. Епископ Афанасий Тарбагатайский, Иркутско-Амурский и всего Дальнего Востока. – Улан-Удэ, 2013. – 391 с.
6. Васильева, С.В., Бураева, С.В. Иркутско-Амурская епархия: 100 лет в истории древлеправославия. – Улан-Удэ, 2012. – 166 с.

Иван Леонидович Шевнин
учитель, МБОУ гимназия № 7 г. Хабаровск

Я. Г. Шемякин (Москва)

Архаика как текст культуры: маргиналия или один из центров смыслового пространства цивилизационного «пограничья»?

1. Столкновение и сложное взаимодействие в современном гуманитарном дискурсе различных подходов к феномену архаики. Сохранение как в западной научной среде, так и среди отечественных ученых представлений, восходящих к классической теории модернизации, в рамках которой архаика рассматривалась (а немалым количеством авторов рассматривается по сей день) как социальная и духовная маргиналия, мешающая поступательному прогрессивному движению человеческих сообществ и потому подлежащая преодолению. На рубеже XX-XXI вв. получает все более широкое распространение альтернативное понимание архаики, суть которого сводится к тому, что она трактуется как неотъемлемая составляющая любой социокультурной системы, включая и самые «передовые» современные общества. К этому течению относятся, к примеру, многие представители московско-тартусской школы отечественных лингвистов (прежде всего В.Н. Топоров), участники теоретического семинара «Теория и методология архаики» (1996-2012 гг.) (в первую очередь В.Р. Арсеньев, Т.Н. Щербакова и многие другие), организованного на базе питерской Кунсткамеры (МАЭ РАН). Попытки обобщить как собственный исследовательский опыт, так и результаты работы коллег привели автора этих строк к выводу, что именно вторая из выделенных позиций позволяет адекватно оценить роль и значение архаики как в истории, так и в современном мире.
2. Термин «архаика» представляет собой своего рода смысловой кристалл, который предстает совершенно по-разному в зависимости от того, на какую из его граней направлен луч внимания исследователя. Архаика может быть рассмотрена как категория времени, как явление культуры и как одно из свойств человеческого мозга. «В первом случае это раннее, начальное звено на хронологической прямой, в двух других – некоторые качественные характеристики вневременного порядка, сопутствующие виду человека разумного на всем протяжении его существования. С этих позиций архаика является не только чем-то навсегда ушедшим, но и частью современного мира»^[55].
3. Архаика как особый Текст культуры представляет собой, наряду с наследием первого (по К. Ясперсу) и второго (по Ш.Н. Айзенштадту и др.) «осевого времени», одну из 3^x главных парадигм универсального измерения истории, один из трех основных способов удовлетворения фундаментальной психофизиологической потребности человека в обретении смысла существования. Основу целостности

данного Текста составляют выделенные В.Н. Топоровым «универсальные знаковые комплексы (УЗК)»^[56].

4. В разных типах цивилизаций соотношение трех названных главных парадигм универсального существенно отличается. В великих «осевых» цивилизациях Запада и Востока элементы архаики включены в новую систему, построенную на иных, чем в мифологическую эру, принципах. В цивилизационном «пограничье» – другая ситуация. Здесь УЗК, лежащие в основе «мифопоэтической» традиции, представляют собой Текст культуры, пусть и трансформировавшийся в ходе взаимодействия с «осевыми» традициями, но сохранивший в определенной степени единую основу, по меньшей мере в степени, достаточной для того, чтобы выступить в качестве активного самостоятельного фактора диалога, а следовательно, и особого центра смыслообразования.

Шемякин Яков Георгиевич
д.и.н., г.н.с. Института Латинской Америки РАН

О. Д. Шемякина (Москва)

«Чтить сумерки чужой души». Еще один опыт прочтения текстов В.Ерофеева

Опыт прочтения текстов Венедикта Ерофеева, пронизанных множеством провокационных ассоциаций, может быть упорядочен методом апофатики. В богословии этот метод заключается в выражении сущности Божественного посредством последовательного отрицания всех возможных определений как несоизмеримых ему, через понимание того, чем он не является. Разумеется, речь идет не об атрибуции текстов В.Ерофеева как относящихся к сфере сакрального, а именно о методе, позволяющем выбраться из головоломных лабиринтов и тупиков, в которые загоняет читателя В.Ерофеев. Предлагаю остановиться на некоторых из них.

Исследователь культурной антропологии юродства С.А.Иванов выражает сомнение по поводу правомерности весьма многочисленных попыток объявить юродивым Венедикта Ерофеева. Сутью ерофеевского мироощущения является, по мнению автора, беспифосность, принципиальное отрицание Абсолюта.

Разговоры же о «постмодернистском» характере юродства вообще – выдают полное непонимание обоих этих феноменов: постмодернизм характеризуется сущностным, глобальным размыванием основ бытия, тотальной гибелью смыслов при некотором сохранении текстовой благопристойности. С юродством всё ровно наоборот: поверхностная развинченность прикрывает ослепительное сияние единственно возможного Смысла. Так что сходство постмодернистской провокации с провокацией юродской – кажущееся.^[57]

Тайные метания духа, презентующие святость через неочевидное, напряжение, порождаемое конфликтом между видимым и безвидным, сущностным – все это не про главного героя «Москвы-Петушки». Он прост, и если пьет, то пьет весьма натуральным образом, бежит из города, по-детски пытается увернуться от унижения. Так что он не юродивый уж точно.

Еще одним тупиком оказывается идея пути в «Москве-Петушках». Она также странна и обманчива, как и якобы юродство. Идея пути Ерофеева вызывает аналогии с идеей движения, ставшей сквозной еще с эпохи барокко и продолжающей жить неостывшим смыслом в культурном пространстве России. Мир, начиная с раннего нового времени осознается Декартом «как «соударение» людей, находящихся в хаотическом движении. Жизнь – странствие, модель мира – лабиринт, а человек – пилигрим, осужденный плутать в поисках истины»^[58]. Однако движение в реальном пространстве полотна железной дороги утомительно и однообразно, в то время как человеческое пространство стремительно и экзотично расширяет контуры.

Шутовство и гаерство героев Венедикта Ерофеева совсем уж грустное и аналогии ни с античной сатирой, ни со скоморошьям смехом не уместны, потому что восприятие пути наполняется растущим чувством тревоги, связанным с дорогой.

Спасение от навязчивых параллелей, возникающих в процессе чтения Ерофеева, методом апофатики дает возможность избавиться от избыточных аллюзий. Однако, что же остается? Остается потребность «читать сумерки чужой души» («Москва-Петушки», «Вальпургиева ночь»), которая роднит текст Ерофеева с творчеством А. Ремизова «Все видя, мало того все чувствуя, держал в своем сердце расположение ко всему»^[59].

Это совершенно особый тип приобщения к времени, основанном на преодолении разрывов в большом времени, времени священной и мировой истории, в нем есть видение всех действующих сил, есть только приятие на себя всего разнообразия бремени, от креста до предательства.

Шемякина Ольга Дмитриевна
к.и.н., н.с. кафедры истории России до начала XIX века
исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Г. Г. Шеянов (Москва)

Записки на медицинских картах (беглые размышления о социологии медицины)

Что такое медицина? Совокупность знаний (наука)? Традиция передачи знаний и приобретения практического опыта (искусство)? Коммерческий продукт сферы услуг? Неотъемлемая часть личной и общественной культуры? Социальный институт? В какой-то мере и то, и другое (и далее по списку).

А еще медицина – это часть стиля жизни, тесно связанная с вопросами престижа и новизны. А кроме того – это предмет ток-шоу, медийных баталий и кухонных споров (совокупность взглядов и идей, способных сплотить единомышленников или рассорить оппонентов). На некоторых примерах можно проследить трансформацию медицинских знаний в медицинские (или парамедицинские) идеи. Вехами на этом пути могут стать: (1) построение общих выводов и рекомендаций на основании формальных критериев, без учета нюансов и полутонов, (2) упрощенная и эмоциональная подача этих выводов популяризаторами, и (3) фильтр информации с отбрасыванием контекста и альтернативных точек зрения.

В реальной жизни невозможно полностью разделить все ипостаси медицины. В самой её природе заложено смешение очень разных жанров, возникающих в ответ на весьма противоречивые социальные запросы. Что приводит к внутренним противоречиям, присущим медицине и позапрошлого, и прошлого, и нынешнего столетий. Противостояние медицины-искусства и медицины-науки отчасти носит черты неизбывного и вечно нового конфликта «отцов» (опытных ремесленников) и «детей» (молодых эрудитов), «практиков» и «теоретиков», «посвященных» и «популяризаторов». Маятник диалектического развития медицины ритмично качается между этими двумя полюсами. Любое крупное открытие (секционная анатомия, рентгеновские лучи, неврология, биохимия, медицинская статистика, генетика, иммунология с молекулярной биологией и др.) несколько десятилетий будоражит лучшие медицинские умы, всякий раз заставляя их провозглашать начало «новой эры» медицинских знаний и предрекать скорый переход медицины в разряд точных наук. Проходит время, достижения новой науки оказываются не слишком точны, и неминуемо наступает реванш «ремесленников».

Сегодняшние врачи получили сверхточный инструмент, которого были лишены поколения их предшественников. Инструмент называется «доказательная медицина». Что это такое (в аутентичном понимании), и с чем его едят? Почему этот точный инструмент действует подобно кувалде, сокрушающей уютный мир врача-ремесленника? Почему российские популяризаторы этого учения отдаленно похожи на большевиков ленинского призыва? Тогда как в научных публикациях и докладах словосочетание «доказательная медицина» нередко употребляется примерно с тем же смыслом – какой вкладывался в слова «учение марксизма-ленинизма» в предисловиях к медицинским учебникам брежневской поры? И, главное, как быть нам, маленьким людям, живущим в это интересное время?

Докладчик будет рад, если эти беглые заметки на полях медицинских карт послужат приглашением к размышлению об отражении культурных и социальных процессов в зеркале медицины; о проникновении в медицину таких социальных феноменов, как мода и идеология.

Григорий Геннадьевич Шеянов
кандидат медицинских наук, врач-педиатр
Детской городской клинической больницы № 9 им. Г.Н. Сперанского

А. А. Шиян, Т. А. Шиян (Москва)

Является ли «смысл» маргинальным понятием в феноменологии Гуссерля?

Понятие смысла сегодня многими считается одним из основных в феноменологии Гуссерля. В докладе это представление ставится под сомнение и в разрез почти со всей феноменологической традицией проводится мысль о маргинальном статусе этого понятия.

Гуссерль вводит понятие смысла в первой книге «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» как чисто технический термин. Смысл здесь определяется им как ядро ноэмы, под которой понимается предмет окружающего мира, рассмотренный с точки зрения его данности сознанию. Такая данность вскрывается в феноменологической установке. Позже Гуссерль, рассматривая, как осуществляется данность предметов окружающего мира нашему сознанию, использует понятие смысла

без отсылки к ноэме, но всегда в связи с феноменологической установкой. Например, в «Опыте и суждении», когда вводит понятие горизонта опыта, он пишет о смысловой трансценденции, о смысловом составе опыта и т.п.

Однако понятие смысла в современной феноменологии оторвалось от ноэмы, вышло за пределы феноменологической установки и зажило своей жизнью. Нередко в феноменологической литературе можно встретить упоминания смысла без какой-либо отсылки к предмету (существующему в естественной установке), например: «смыслообразование в свете феноменологической философии», «конституирование смысла у Гуссерля» и т.п. Хотя без учета естественной установки вовсе не очевидно, что смысл – это всего лишь данность некоторого предмета сознанию. С учетом этого, корректнее говорить о «конституировании предмета», «формировании данности предмета в феноменологической философии» и т.п. В противном случае смысл онтологизируется, постулируется в качестве самостоятельной сущности, и даже мифологизируется, приближаясь к конструкциям типа «Логика смысла» Делеза. В этом случае получается, что, с одной стороны, есть окружающий нас мир, а с другой – где-то отдельно от него существует мир смыслов, в который еще нужно проникнуть. В этом случае предметы нашего мира могут трактоваться как знаки, отсылающие к этим смыслам, что противоречит изначальному гуссерлевскому пониманию мира. Для Гуссерля тот факт, что в опыте сознания нам даны предметы с их свойствами и отношениями, означает, что мы воспринимаем мир уже осмысленным, смыслы (в виде конкретных предметов) уже присутствуют в нашем опыте.

Причина этого лежит, вероятно, в незаконном отождествлении «смысла» со «значением», как это нередко делается в феноменологической литературе. В отличие от «смысла», «значение» для Гуссерля – это всегда значение некоторого языкового выражения, в частности, суждения. Тот факт, что Фреге и многие другие логики обозначали то же самое словом «смысл», как понятно, не является основанием приписывать это Гуссерлю, для которого «смысл» – это только смысл ноэмы или, шире, сам предмет (с точки зрения его данности сознанию). Такая путаница, с одной стороны, ведет к универсализации слова «смысл», а с другой – к его объективации и онтологизации. Некоторое высказывание как знак и только как знак имеет свое значение, а как материальное явление, воспринимаемое чувствами (с его знаковой стороной воспринимающий может быть не знаком), имеет свой смысл (фиксируемый в феноменологической установке). То есть высказыванию как предмету нашего мира смысл имманентен, а высказыванию как знаку значение трансцендентно. Поэтому, незаконное расширение использования слова «смысл» на «значения» языковых выражений одновременно провоцирует расширение понятия «значения» на «смыслы» предметов. За счет такого переноса предметы собственно и «превращаются» в знаки, а их имманентный «смысл» – в нечто внешнее им.

Шиян Анна Александровна, к.филос. наук
доцент УНЦ феноменологической философии философского факультета РГГУ

Шиян Тарас Александрович, к.филос. наук
доцент ПСТГУ и РАНХиГС

Мотивы советских философских школ в произведениях Братьев Стругацких

Философичность прозы Аркадия и Бориса Стругацких является общим местом. Но помимо ценных читателями «философских» тем, в их произведениях нашли отражение и некоторые конкретные современные им философские течения. В цикле произведений, относящемся к так называемому Миру Полудня, можно найти отражение как минимум трех современных им течений советской философской и методологической мысли: литературная разработка ряда концептов советского марксизма, некоторые аллюзии на методологическое движение Г.П. Щедровицкого (Московский методологический кружок, ММК) и достаточно детальное и культурно-исторически адекватное (с определенной оговоркой) отражение лингвистического структурализма (в контексте истории мысли советского времени его следует рассматривать как философско-методологическое движение).

К первому направлению относятся темы устройства общества будущего (коммунизма). Сюда же можно отнести и тему прогрессорства (деятельности по ускорению развития «отсталых» цивилизаций), которая, вероятно, возникает как переосмысление советского топа о «профессиональных революционерах».

Ко второму направлению относятся достаточно скудные следы знакомства Стругацких с ММК (участники движения рассказывают о посещении Стругацкими ряда методологических семинаров Щедровицкого). Вероятно, что с влиянием ММК связано и изменение в их писательской манере: появление характерного для них рефлексивного стиля письма. Возможно, что сюда также нужно отнести тему прогрессорства. Более конкретные следы можно найти в повести 1984 г. «Волны гасят ветер». Среди участников ММК распространено убеждение (высказанное мне представителями разных поколений движения), что Стругацкие в качестве прообраза люденов и связанного с ними «Института чудачков» использовали участников ММК. Косвенным подтверждением этой версии является трактовка слова «людены», предлагаемая в повести, как неологизма от *«homo ludens»* – «человек играющий». (С 1979 г. начинается игровой период в деятельности ММК, связанный с проведением так называемых организационно-деятельностных игр, ОДИ.) Но, учитывая отсутствие прямых текстологических фактов и печатных свидетельств, вряд ли эта тема может быть содержательно раскрыта без обращения к архиву ММК и личным архивам Стругацких и Щедровицкого.

Третье направление – «структуральная лингвистика», нашедшая отражение в повести 1962 г. «Попытка к бегству». Один из главных героев повести (Вадим) имеет профессию «структурального лингвиста», что многократно обыгрывается на страницах повести, как в его «дурацких стишках», так и в развертывании сюжетной линии. Рисуемое в повести изображение «структуральной лингвистики» отражает образ ее будущего в глазах ее ранних советских адептов (рубеж 1950–60-х – период зарождения в СССР структуралистской, математической и компьютерной лингвистики и радужных надежд на их будущие успехи): превращение в точную науку, сращивание с математической и компьютерной лингвистикой, построение технологий компьютерной дешифровки и машинного перевода. Например, в начале повести упоминается доказательство коллегой Вадима «математической» теоремы, а по ходу сюжета Вадим, используя компьютер и методы «структуральной лингвистики», расшифровывает язык инопланетной цивилизации, случайно открытой персонажами, и уже через несколько часов специальный прибор свободно переводит устную беседу персонажей с русского на «инопланетный» и обратно.

В докладе планируется подробнее проанализировать рисуемый в повести образ «структуральной лингвистики» и показать его культурно-исторические основания.

А. Д. Шмелев (Москва)

Лидия Чуковская о литературной норме (по материалам дневниковых записей и переписки с Александром Солженицыным)

Известно, что Лидия Чуковская (ЛЧ) весьма ревностно относилась к соблюдению традиционных норм литературного языка и культуре русской речи. В книге 1960 «Записки редактора» содержится множество замечаний относительно самых разных аспектов функционирования языка (преимущественно в письменной форме) и встречающихся в речи отклонений от норм.

Замечания по поводу отклонений от нормативного употребления языка встречаем и в публицистике ЛЧ. Так, в книге «Процесс исключения» она следующим образом комментирует полученное ею «укоризненно-назидательное» письмо Секретариата Московского отделения Союза советских писателей: «Синтаксическая катастрофа (...) Отступники родного языка! Кого вы смеее именовать отщепенцами!»

Чрезвычайно много замечаний касательно языка содержится в дневниках ЛЧ – как самого общего характера, так и касающихся отдельных языковых явлений. Как и в текстах, предназначенных для публикации (пусть в самиздате или за границей), ее оценки общественных явлений часто опираются на нормативную языковую оценку. Так, оценивая перспективы «перестройки», проводимой в СССР под руководством Горбачева, ЛЧ писала (16 ноября 89): «На Горбачева надежды мало (для меня потому, что он говорит “начать” и “формировать”). Да, именно поэтому».

Особый интерес представляют размышления ЛЧ о языковых нормах, связанные с Александром Солженицыным (АС): дневниковые записи о его творчестве и словоупотреблении и замечания в письмах к нему.

В связи с «Красным колесом», посвященным событиям начала XX в., ЛЧ обращает внимание на то, что АС иногда использует речевые обороты, вошедшие в обиход позже описываемых событий. Так, в дневнике (запись от 24 июля 1978) по поводу «Этюда о монархе», опубликованном в «Вестнике РХД» в № 124, ЛЧ, высоко оценившая его: «Многие говорят: скучно. А мне никогда Солженицын не бывает скучен», – тем не менее замечает: «Но проза (как всегда у него в беллетристике) не безупречна. Он не знает языка того времени; пишет “исключительно”; или “У России свои проблемы” (совсем уж “Голос Америки”); “получилось”!; и мн. др. Напишу ему это». И, действительно, она упоминает о своих языковых «придириках» в письме к АС от 28/XI 78, но, поскольку письмо приурочено к приближающемуся 60-летию АС, она не излагает их подробно: «Вашего Николая прочла. <...> И это удалось. Конечно, у меня скопились придирки, но придирки мои мелки (возраст слов) – да и не юбилейное это занятие – придиричься. Откладываю». Зато в письме от 22/II 79 она излагает свои замечания довольно подробно: «Сделаю несколько замечаний о языке – вдруг что-нибудь и Вам стодится. Мне кажется, Вы иногда не чувствуете возраст слов. Например: мысль такая “У России свои проблемы” (173) могла быть, а вот слова эти, простите, из “Голоса Америки”: “У России свои проблемы”. Или: “Он хотел проводить время исключительно с Аликс”. “Исключительно” – это наше, современное слово. <...> Немыслимо: “Аликс подъедет на шарабане” (179) – невозможно по тем временам “подъехать” в смысле догнать; это совершенно одесское выражение: “Вы

поезжайте, а я подъеду позднее". Николай так не мог думать. Не его форма речи, не тогдашняя. То же: "потратить" (171) вместо "истратить" и "договориться" (172) вместо "условиться". (Это теперь каждый с каждым "договаривается": "увидимся в пятницу? договорились!" а тогда договаривались между собою великие державы, в быту же, даже цари, уславливались. "Не сумеет подняться в гору" – опять Одесса. По-русски (простите!) слово "уметь" связано с умением: уметь плести кружева, или топить печь, или играть на скрипке. "Суметь" – форма вообще сомнительная; Вы хотите сказать: "под силу ли ей будет подняться в гору", а уметь тут нечего... <...> (Мог ли Николай думать: террористы? Тогдашнее ли слово? Помнится: боевые дружины, экспроприаторы.)» Легко видеть, что не все замечания ЛЧ точны. (Так, глагол сумеет широко употреблялся в текстах XIX и начала XX в., в том числе и тогда, когда ни о каком особом «умении» речи не шло.)

То же можно сказать и в целом о суждениях ЛЧ о нормах русского литературного языка. Они представляют собою бесценный материал, свидетельствующий о восприятии языковых тонкостей одним из самых компетентных носителей литературной нормы, и в то же время не свободны от фактических неточностей. Особый интерес с этой точки зрения представляют ее письма к АС от 24 ноября 1968 (о киносценарии «Тунеядец») и в еще большей степени от 25-29/X 92 и от 15/VI 93 – 19/VI 93 – 23/VI 93 (в последнем из них ЛЧ пишет: «Начинаю вам писать задолго до Наташиного отъезда. Да все о том же – о наблюдаемом мною русском языке»). Представляется, что независимо от того, насколько точны ее конкретные наблюдения, ее восприятие языковых явлений должно учитываться при кодификации норм русского литературного языка.

Шмелев Алексей Дмитриевич
доктор филологических наук, профессор, МПГУ (профессор)
ИРЯ РАН (заведующий отделом), ПСТГУ (профессор)

Е. Я. Шмелева (Москва)

История Великой Отечественной войны в анекдотах

Исторические события ощущаются как актуальные до тех пор, пока сохраняется живая память о них – в рассказах очевидцев, байках, частушках или анекдотах. В докладе рассматриваются анекдоты о Великой Отечественной войне. Эти анекдоты можно разделить на две группы:

- 1) анекдоты, отражающие тем или иным образом в присущей анекдоту «дегероизирующей» манере воспоминания ее непосредственных участников;
- 2) анекдоты, высмеивающие появившиеся в послевоенные годы мифы о Великой Отечественной войне, политику Советского государства по отношению к ветеранам войны и т.п.

Как известно, анекдот был своего рода запрещенным жанром в Советском Союзе: с конца двадцатых годов прошлого века и до начала перестройки анекдоты в официальной печати не печатались, а за рассказывание анекдотов можно было получить тюремный срок. «Только на очень небольшой срок - в годы Великой Отечественной войны - происходит временная и очень условная легализация жанра, модели которого активно использовались советскими пропагандистами, что на некоторое время позволило текстам анекдотов

оказаться на страницах официальных периодических изданий. Отмечаемая многими мемуаристами потребность фронтовиков в юморе приводила к тому, что публикуемые в центральных газетах и местных «боевых листках» репризы и карикатуры, пересказываемые солдатами, превращались в часть анекдотической традиции» (М. Мельниченко. Советский анекдот. Указатель сюжетов. М., 2014, с. 12). Поэтому не удивительно, что в фольклоре военного времени необычно большой пласт составляют «просоветские» анекдоты, которые поддерживают боевой дух солдат (*Два пленных немецких солдата смотрят на карту мира, один другого спрашивает: «Слушай, Ганс! Скажи, какая это страна?» - он показал на коричневое пятнышко в центре Европы. «Ты что, не узнаешь, это же наша Германия!» - «А эта огромная страна, что окрашена в красный цвет?» - «Да это же СССР!» - «Это что же, Ганс, получается, выходит, ни Гитлер, ни его генералы не посмотрели на карту, когда посылали нас сюда воевать против русских?!»*), демонстрируют превосходство Советской Армии и советского оружия (*«Почему ваша дивизия называется “Мертвая голова”?» - «Потому что в ней живых голов уже почти не осталось»; «Говорят, русские женщины очень привлекательны». - «Возможно. Если судить по письмам моего сына, то лишь при упоминании какой-то одной Катюши наши солдаты просто сходят с ума!»*) или анекдоты конца войны, высмеивающие союзников и восхваляющие ум и смекалку Сталина (*На Тегеранской конференции Рузвельту и Черчиллю надоело, что Сталин постоянно давит на них, проходят только его предложения, он один им двоим диктует свою волю. И они решили его разыграть. Утром перед очередным заседанием Черчилль говорит: «Мне сегодня приснилось, что я стал властелином мира!» - «А мне приснилось, - сказал Рузвельт, - что я стал властелином Вселенной. А вам что снилось, маршал Сталин?» - «А мне приснилось, - неторопливо ответил Сталин, - что я не утвердил ни вас, господин Черчилль, ни вас, господин Рузвельт»*). При этом в фольклоре военного времени есть и более привычные для фольклора советского времени «антисоветские» анекдоты о положении на фронте (*«Почему мы все время отступаем?» - «А вы что, не помните, что Молотов сказал: “Победа будет за нами”»*), о замполитах и политруках (*Политрук, обращаясь к красноармейцам, говорит: «Идя в бой за великое дело Ленина – Сталина, каждый должен убить по одному врагу». Тут берет слово один боец. «Товарищ политрук, я подал сегодня заявление с просьбой принять меня в ВКП(б). Чтобы заслужить эту честь, обязуюсь убить двух врагов». - «Я верю, что вы убьете двух врагов – одного за себя, а другого за меня, поэтому я остаюсь в тылу. В бой, товарищи, вперед! За Родину, за Сталина!»*) или анекдоты о том, что Гитлер и Сталин очень похожи (- *«Да что вы, какая чепуха! А усы?»*).

В послевоенном фольклоре доля патриотических анекдотов заметно уменьшается, появляются новые персонажи и темы анекдотов – генеральские жены, инвалиды войны, партизаны, пускающие в течение тридцати лет после конца войны поезд под откос, ветераны Куликовской битвы. В перестройку в анекдотах о Великой Отечественной войне появляются немцы из ФРГ, привозящие гуманитарную помощь или везущие экскурсантов в Освенцим. В двадцать первом веке, несмотря на то, что тема Великой Победы стала одной из основных мифологем современной истории, несмотря на георгиевские ленточки и надписи на машинах «Спасибо деду за победу!», анекдоты о войне практически ушли из современного фольклора, не оставив даже следа в виде персонажей анекдотов или цитат, ставших крылатыми словами (в отличие, например, от анекдотов о Чапаеве или Штирлице). По-видимому, это свидетельство того, что Великая Отечественная война перешла из разряда живых воспоминаний в разряд «исторических событий».

Е. Е. Шурупова (Архангельск)

Berezina– катастрофа 1812 и приключение 2012 года

В 2012 году исполнилось 200 лет Отечественной войне с Наполеоном. Молодой, но уже довольно популярный во Франции писатель Сильвен Тэссон^[60] в конце ноября – начале декабря 2012 года организовал путешествие из Москвы в Париж на мотоциклах с коляской марки «Урал». В 2015 году он издал книгу «Березина» об этом путешествии. В разговорном французском языке слово «bérezina» означает полный провал, катастрофу, сейчас далеко не все современные французы понимают происхождение этого слова. Хочется отметить грандиозность и красоту идеи: 2012 год юбилейный, цель – почтить память сотен тысяч французских солдат и офицеров.

Команда состояла из 5 человек (3 французов и 2 русских) и 3 мотоциклов. В современных условиях, пожалуй, это наиболее подходящий вариант почувствовать командование генерала Зимы.

Травелогги находятся на перекрестке нескольких литературных жанров. Поэтому их можно считать маргинальными. Тексты, написанные в жанре травелога, как правило, интертекстуальны. В травелоге Тэссона мы наблюдаем интересный хронотоп. Помимо маршрута, пролегающего от Красной площади в Москве до Дома Инвалидов в Париже, мы перемещаемся между современностью и началом XIX века. Травелог полон трагичных цитат из мемуаров сержанта Бургоня и приближенного Наполеона А. де Коленкура. Также приводятся отрывки из романа Л.Н. Толстого «Война и мир». С. Тэссон цитирует этих авторов, и перед нами встает картина многочисленных страданий французов; рассказчик смотрит на российские просторы, которые сейчас, как и 200 лет назад, обширны, холодны и спокойны. Ежегодно поля, вспахиваемые под посевы, напоминают о страшных событиях, которые произошли здесь в 1812 году: на поверхность земли выходят обломки ружей, пуговицы, человеческие кости и т.п.

Практически любой травелог состоит из событий и ситуаций, формирующихся вокруг двух основных пространств: дороги и «города». К типичным «дорожным» мотивам и событиям относятся аварии, стихийные бедствия, болезни, потери документов, общение с попутчиками. Пространство «города» вмещает посещения ресторанов, обеды, знакомства с людьми, пребывание в гостиницах, экскурсии по городу, посещение музеев и т.п. Образ Березины в травелоге Тэссона многозначный. Когда наши путешественники туда добрались, они были несколько разочарованы. Они ожидали увидеть серьезную преграду, но увидели спокойную, похожую на Луару реку. Между тем, мемуары описывают переправу через Березину как серьезное испытание, в котором есть место и героизму, и предательству.

В травелоге автор-повествователь играет значительную роль: он – непосредственный участник событий, наблюдатель, носитель определенного мировоззрения. С. Тэссон смотрит на русских и пытается найти ответы на очень непростые вопросы.

Vassili leva la première chope. «À l'Empereur.

Puis-je vous poser une question ? dis-je. Pourquoi les Russes vénèrent-ils Napoléon ?

- Parce qu'il était un chef, dit Vitaly le Moscovite.
- Parce qu'il nous a soudés, dit Vassili le mécanicien.
- Parce que vous l'avez battu», dis-je.

(Василий поднял первую кружку. «За императора». – Можно задать вам один вопрос? – сказал я. – Почему русские почитают Наполеона? – Потому что он был лидером, – сказал Виталий, москвич. – Потому что он сплотил нас, – сказал Василий, механик. – Потому что вы его разбили - сказал я).

Итак, отмечая ключевые моменты травелога С. Тэссона, следует подчеркнуть насыщенность, многослойность произведения. Автор пытается понять свою и чужую культуру через пространство. Этот травелог очень тесно привязан к исторической составляющей: война 1812 года и современность переплетаются причудливым образом.

Шурупова Елена Евгеньевна, канд. ист. Наук
доцент кафедры отечественной истории
Высшей школы социально-гуманитарных и политических наук
Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова

Д. Ф. Щербатова (Москва)

Понять революцию изнутри: опровергнутая дневниковая правда

Юбилей русской революции поднимает столько вопросов, что разобраться вряд ли получится, если даже терпеливый историк составит почасовую летопись всех до последнего событий. До сих пор невозможно, даже объединив усилия различных подходов, взглядов, дисциплин, ответить на вопрос: что это было, так как до сих пор это для кого-то победа, а для кого-то поражение. Но за сто лет изменились смыслы: теперь, как правило, в фокусе не поражение царизма и победа большевизма, а поражение и победа идеи личности. Потребуется еще не менее столетия, чтобы ответы не были такими полярными, как это происходит сейчас, спустя столетие. За сто лет возросла ценность забытого факта, но восстановление картины нужно уже не для классовой оценки, а для понимания развития логики истории, культуры и цивилизации.

Чтобы понять, необходимо вернуться к записям изнутри событий, к дневникам революционных лет. Сегодня совершенно по-новому звучит мысль М. Горького о тех, кто делал революцию. Горький произносит то, что было как будто известно, но вывернуто наизнанку: «Великое дело возрождения страны в руках людей, воспитанных тяжкими впечатлениями прошлого в духе недоверия друг к другу, неуважения к ближнему и уродливого эгоизма» (Горький М. «Несвоевременные мысли»). Наизнанку в том смысле, что уродливые условия нравственного формирования личности не учитывались в тех случаях, когда шла речь о делах этой личности - благородство цели гарантировало если не безупречность средств, то правоту происходившего. Наизнанку, потому что здесь и интеллигенция, и народ, здесь все. Однако искажения, и чем дальше, тем больше, были неизбежны: делалось одно, а называлось по-другому. Тех, кто отказывался видеть короля не одетым, вычищали. Александр Блок первые впечатления от повсеместного и уже страшного абсурда выразил в вопросе: «Отчего нам платят за то, чтобы мы не делали того, что должны делать?» (Замятин Е. И. Воспоминания о Блоке). Иначе, почему, едва свергнув старую власть, новая начинает со лжи? Почему, спрашивает Горький, преступно и гнусно убивают людей, в то время как люди завоевали «прекрасное право честно спорить и честно не соглашаться» (Горький М. «Несвоевременные мысли»).

В ответе Горького правда, в которой впоследствии никто никогда не признается: новая власть, живя в отравляющих душу реалиях старого режима, заразилась всеми ее пагубными свойствами. Новая власть - это люди, не способные чувствовать себя свободными, они не знают иных аргументов, кроме аргументов деспотизма (Горький М. «Несвоевременные мысли»). Не знающие свободы, свободу убивают.

И. Ф. Щербатова (Москва)

Жизнь как философия Владимира Печерина

Печерин – неперенный персонаж не только исторических, историко-филологических, но и историко-философских исследований. В данном случае Печерин нас интересует если не как философ, то в связи с философией. Преподаватель классических языков, Печерин ни минуты не преподавал философию, но всю жизнь изучал ее и был хорошо осведомлен в различных философских системах, называл себя стоиком, пифагорейцем, гегельянцем, сенсимонистом, социалистом, коммунистом. Однако ответ на вопрос, является ли главный и единственный труд Печерина мемуарного жанра «Замогильные записки», или «Apologia pro vita mea», сколько-нибудь философским произведением, будет отрицательным.

Мемуары Печерина - это летопись его духового поиска при сверхзадаче оправдаться. Бежав из России с тем, чтобы сражаться и умереть во имя прекрасных, но крайне неопределенных идеалов человечества, Печерин двадцать лучших своих лет, которые он впоследствии назвал сном разума, провел монахом в католическом монастыре, в обстановке мелкого честолюбия и ненасытного корыстолюбия. «Apologia» Печерина, как и любой мемуарный текст, в силу сверхзадачи пристрастен, в нем опущены некоторые очень важные факты, связанные с его католическим служением. К тому же всякий раз необходимо решать заново, насколько репрезентативен ретроспективный текст человека, не раз кардинально менявшего мировоззрение. Возможно, вернее рассматривать «Замогильные записки» Владимира Печерина как миф о самом себе.

В мемуарах Печерина его alter ego выступает героем, который проживает идеи, развертывая перед читателем жизнь как воплощение философии, жизнь, движимую идеями. Понятно, что при таком мировосприятии неизбежны драматические коллизии в случае соприкосновения с действительностью, подчеркивавшие его экзистенциальную раздвоенность. Возможно поэтому, несмотря на то, что жизнь Печерина хорошо изучена, его личность обладает неугасающим интеллектуальным притяжением.

Структурирующим фактором при исследовании мировоззрения Владимира Печерина является то обстоятельство, что он сам себя мыслил как *философа* и выстраивал жизнь в соответствии с философской системой, одной или сразу несколькими, захватившей его в тот или иной момент жизни. Заметки о своей жизни, лишенные признаков философского труда, он называл «моя философия истории», а о прожитом говорил: «Я сделал практический курс истории философии». Жизнь как *практический курс истории философии* пишется только тогда, когда приходит горькое осознание, что ясно ощущаемое Провидение оказалось обманом или, что еще горше, он, Владимир Печерин, оказался неспособен распознать его знаки. Иными словами, *жизнь как философия* — это и есть до сих пор не выявленное своеобразие феномена Печерина. Это совершенно обратное тому, что предлагал В.Ф. Эрн, указывая на философский смысл «жизненной драмы» В.С. Печерина; но и Эрн, безусловно, прав, говоря о возможности философского осмысления жизни Печерина.

До сих пор изучение мемуаров Печерина приводило либо к однозначному осуждению-приговору по меньшей мере в лицемерии, либо провоцировало развитие жанра психологического портрета. Удивительным эффектом является то, что оба эти подхода,

представленные в основном историками и филологами, сходятся применительно к Печерину на понятии «лишний человек» - вывод, который обычно заключает мантры об уникальности личности и судьбы Печерина. Применение более чем устаревшей метафоры к объяснению не литературного персонажа, а феномена реальной личности свидетельствует о воспроизводстве архаичного дискурса.

Щербатова Ирина Федоровна
канд. филос. Наук, с. н. с. Института философии РАН

Л. И. Эрлих, М. Ю. Михеев (Москва)

О формальных количественных оценках идиостиля. Подсчёты частот слов и словосочетаний из заданного списка в текстах разных авторов

В 1983 г. В. П. и Т. Г. Фоменко опубликовали статью [1], в которой предлагался новый количественный показатель, позволяющий достаточно надёжно устанавливать авторов текстов. В статье утверждалось, что таким количественным показателем, позволяющим судить, принадлежат ли сравниваемые тексты одному и тому же или разным авторам, является суммарная частота служебных слов: предлогов, союзов и частиц из составленного В. П. и Т. Г. Фоменко списка. На основании количественного анализа большого количества текстов разных авторов В. П. и Т. Г. Фоменко пришли к выводу, что для всех текстов одного и того же автора этот показатель заключен в очень узких, порядка 0,2% – 1%, пределах. Ими же приводились значения границ этих интервалов для целого ряда авторов.

Нами была предпринята объёмная проверка этой гипотезы. При этом использовался как исходный список, составленный авторами [1], так и расширенные списки, включающие так называемые модальные и дискурсивные слова и целые словосочетания. Для некоторых словосочетаний допускалось вклинивание между частями словосочетания дополнительных слов, как в случае сочетаний «НЕ ..., А», «НЕ ..., НО» и т. п. Кроме того, в нашем распоряжении оказался такой мощный инструмент, как Национальный корпус русского языка (НКРЯ), что позволило сравнивать наши результаты с данными НКРЯ.

В результате выполненной нами программной обработки файлов, содержащих электронные версии 37 произведений 9 разных авторов от Пушкина до Набокова, оказалось, что, хотя суммарная частота служебных слов у каждого автора заключена в довольно узких интервалах, эти интервалы, во-первых, могут достигать по ширине 4 и более процентов (вместо 0,2 – 1% в [1]) и, во-вторых, сами эти интервалы могут довольно сильно перекрываться. Аналогично обстоят дела и с интервалами, содержащими отдельные слова из наших списков: даже у одного и того же автора частоты каждого слова сильно меняются от произведения к произведению (см. ниже табл.), а интервалы, содержащие эти частоты у разных авторов, в большинстве случаев сильно перекрываются, что не позволяет надёжно атрибутировать текст неизвестного автора.

Немного обобщая, можно сформулировать задачу так. Отложим на горизонтальной оси слова (например, служебные) из некоторого фиксированного списка. Над каждым словом построим столбик, высота которого в некотором масштабе равна частоте данного слова в данном произведении. Для каждого произведения каждого автора получится узор из столбиков неодинаковой высоты.

Переходя на более общепринятый математический язык, можно рассматривать последовательность частот – высот столбиков как координаты точки в многомерном пространстве. Каждому тексту каждого автора соответствует точка. Для наглядности представим себе, что точки, соответствующие текстам одного и того же автора, выделены одним и тем же цветом. Таким образом, мы получим в многомерном пространстве несколько облаков точек разных цветов.

Спрашивается, существует ли критерий, позволяющий объединить *облака точек одного цвета* (узоры произведений одного и того же автора) в одну группу и отделить их от *облаков точек другого цвета* (узоров для произведений всех остальных авторов). Ясно, что если это можно сделать, то лишь с некоторой вероятностью, а тогда возникает вопрос, как определить уровень статистической значимости для такого разбиения столбчатых узоров на классы. *Гипотеза [1] означает на геометрическом языке, что точки разного цвета разделяются параллельными плоскостями, наклонёнными под одним и тем же углом к осям координат, что точки каждого цвета содержатся в очень тонком слое и слои для разных авторов не пересекаются.* Мы убедились, что *сумма координат точек* (суммарная высота столбиков для одного узора) не годится в качестве такого универсального критерия. Но может быть, удастся установить другие, более изощрённые признаки, *по которым удастся построить поверхности, разделяющие облака точек разных цветов.*

При сравнении частот слов и словосочетаний с семантикой ‘ВДРУГ’ в трех романах Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы» (согласно [2] – это известные слова-маркеры данного автора) и в трех романах Л.Толстого «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение», видно, как значения отдельных выделенных «столбиков» в таблице описывают предпочтения того или иного выражения у одного и другого автора. В первой строке интервалы показывают минимальную и максимальную частоты (в ipm.), а во второй – кратные превышения этими частотами «среднего уровня по больнице», т.е. в данном случае значения средней частоты выражения по НКРЯ:

	ВДРУГ	ТОТЧАС	БЫСТРО	НЕОЖИДАННО	ВНЕЗАПНО	МИГОМ	ВОДИМИГ	МГНОВЕННО	ВОДНОМГНОВЕНИЕ
ДОС	3300-3942	979-1086	275-375	88-110	64-112	39-221	10-85	29-51	10-35
	6.0-7.5	13-18	1.0-1.5	0.9-1.2	1.1-2.0	2.6-22	4-31	0.8-1.4	3-12
ТОЛ	630-1106	388-784	352-392	67-153	0-7	0-0	0	22-73	0-7
	1.2-2.1	6-14	1.4-1.5	0.7-1.6	0-0.1	0	0	0.6-2.0	0-2.2

Литература

1. В.П.Фоменко, Т.Г.Фоменко. Авторский инвариант русских литературных текстов. Приложение: Кто был автором "Тихого Дона"? // сб. "Методы количественного анализа текстов нарративных источников", Москва, 1983, Академия Наук СССР, Ин-т Истории СССР, с.86-109.
2. А.Я. Шайкевич. Статистический словарь языка Достоевского. М.:ЯСК, 2003.

Лев Исаакович Эрлих
программист лаборатории информационных систем
НИВЦ МГУ имени М.В.Ломоносова

Михаил Юрьевич Михеев

- ^[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.
- ^[2] Работа выполнена в рамках НИР Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС (2017).
- ^[3] Документ (тетради под общим переплетом) хранится в семейном архиве. Установление личности автора и получение сведений о его биографии стали возможны благодаря помощи старшего научного сотрудника Белозерского областного краеведческого музея Т. В. Жгилёвой.
- ^[4] Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ, грант N 16-06-00365 А “Историко-текстологический анализ средневековых русских текстов на основе применения подходов, алгоритмов и программы нечеткой классификации”.
- ^[5] Работа написана при финансовой поддержке РФФИ, грант «Пограничный русский: оценка сложности восприятия русского текста в теоретическом, экспериментальном и статистическом аспектах» № 16-18-02071
- ^[6] Имеется в виду президент России Владимир Путин.
- ^[7] Информация взята из несистемных полевых исследований и книги: Д. Эверетт. Разумное поведение и язык. **Не спи - кругом змен!** Быт и язык индейцев амазонских джунглей". Изд. Дом ЯСК, М. 2016.
- ^[8] Видеозапись воспоминаний, длящаяся в общей сложности около 13 часов, была начата мною в апреле 2010 г. под впечатлением «Подстрочника» Лилианы Лунгиной и продолжалась до марта 2011 г. А.Ю. Айхенвальд, дочь Валерии Михайловны, организовала расшифровку записи, так что теперь есть и письменная версия устного рассказа и не исключено, что рано или поздно ее удастся издать.
- ^[9] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.»).
- ^[10] Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 17-04-00420.
- ^[11] Арсеньев Ю.В. Описание Москвы и Московского государства по неизданному списку // Записки московского императорского археологического института. Т.11. М., 1911. С.1-17.
- ^[12] Некоторые учёные, как отмечает в своей кандидатской диссертации Я.В. Попова, разграничивают понятия табу и запрета, объясняя разницу "внутренней мотивацией, привязанностью к моральным и этическим соображениям одного и внешней мотивацией другого соответственно" [Попова 2014]. Табу, таким образом, понимается ими не как культурный или общественный запрет, внешний по отношению к участникам коммуникации, а как внутренняя потребность людей избежать чего-либо по тем или иным причинам.
- ^[13] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-01-00395а «Исторический опыт национальной и культурной политики Российской империи и Советского Союза в отношении Украины и ее населения»).
- ^[14] Благодарю за обсуждение синтаксиса этой конструкции Л. Л. Иомдина и Н. В. Перцова.
- ^[15] Розанов В. В. Собр. соч. [в 30 т.]. [Т. XXI]: Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика, 2011. С. 154.
- ^[16] Толстой А. К. Собр. соч. в IV т. М.: Правда, 1969. Т. I. С. 486-487.
- ^[17] Розанов В. В. Собр. соч. [в 30 т.]. [Т. XXIX]: Литературные изгнанники. Кн. II / Под общ. ред. А. Н. Николукина. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. С. 600.
- ^[18] Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. С. 254.
- ^[19] Там же. С. 213.
- ^[20] Вестник Европы. 1890. Т. 1 (Кн. 1. Январь). С. 69.
- ^[21] Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М.: Республика, 1995. С. 503-504.
- ^[22] Ильин И.А. Основы художества. О совершенном в искусстве. – Рига, 1937. С. 17
- ^[23] Ильин И.А. Духовный кризис русской интеллигенции (1934). // Ильин И.А. Справедливость или равенство? Публицистика 1918-1947 годов. – М.: Русская книга, 2006. С. 399
- ^[24] Ильин И.А. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. 1906-1954. – М.: Русская книга, 2001. С. 128
- ^[25] Ильин И.А. Основы христианской культуры. // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. – Т. 1. М.: Русская книга, 1993. С. 285
- ^[26] Ильин И.А. Основы художества. С. 22
- ^[27] Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев. – М.: Скифы, 1991.С. 258
- ^[28] Ильин И.А. Творчество Мережковского. // Ильин И.А. Собр. соч. в 10 т. – Т. 6. Кн. 2. – М.: Русская книга, 1996. С. 170
- ^[29] Там же. С. 180

^[30] Там же. С. 190

^[31] Авторская работа выполнена по гранту РНФ № 16-18-02080 «Русский язык как основа сохранения идентичности старообрядцев Центральной и Юго-Восточной Европы».

^[32] Iwaniec, E. (2001), *Droga Konstantyna Gołubowa od starowierstwa do prawosławia. Karty z dziejów duchowości rosyjskiej w drugiej połowie XIX wieku*. Białystok: Orthdruk.

^[33] Буданова, Н. Ф. (2007), Павел Прусский и его книга «Беседы о пришествии пророков Илии и Эноха, об антихристе и седминах Даниловых»: (Новые материалы к теме «Достоевский и старообрядчество»), // Достоевский: Материалы и исследования. Санкт-Петербург. Т. 18. С. 86-101.

^[34] Агеева, Е. А. (2016), Истина, // Православная энциклопедия. Т. 27. С. 702-703. Опубликовано в Интернете 16 августа 2016 г. URL: <http://www.pravenc.ru/text/675023.html>. (Доступ: 28. 02. 2017).

^[35] См.: *Пушков В.П., Пушков Л.В.* Опыт построения базы данных «Книжный рынок Москвы 1636/37 г.» // Фёдоровские чтения – 2005. М., 2005. С. 356–368; *Они же*. Построение и возможности использования базы данных «Книжный рынок Москвы 1662–1664 гг.» // Фёдоровские чтения – 2007. М., 2007. С. 219–240; БД построены по: РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 29, 61, 65.

^[36] См.: *Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадыкин А.В.* Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры: 1618–1652 гг. М., 2001. С. 41, 42. В этой и др. книгах тех же авторов -- Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы. Кн. 1. М., 2007; Кн. 2. М., 2011 – публикуются сотни записей жителей десятков городов о покупке книг и в др. годы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-04-00566 «“Испоконный язык неисковерканный”. Словарь говора старообрядцев Южной Америки».

^[37] Эти и следующие примеры взяты из корпуса «Малые языки Сибири, <http://siberian-lang.srcce.msu.ru/>».

^[38] Для кванторов это типологически редкое явление [Татевосов 2002: 223-225].

^[39] Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов / сост., вступ. ст., подготовка текста и коммент. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 196.

^[40] Там же. С. 594.

^[41] Трубецкой Е. Н. Избранное / Сост., послесловие и комментарии В. В. Сапова. М., 1997. С. 319.

^[42] Трубецкой Е. Н. (Философия России первой половины XX века) / под ред. С. М. Половинкина, Т. Г. Щедриной. М., 2014. С. 194.

^[43] Шаламов писал в эссе «О прозе»: «Композиционная цельность – немалое качество «Колымских рассказов». В этом сборнике можно заменить и переставить лишь некоторые рассказы, а главные, опорные, должны стоять на своих местах».

^[44] <https://shalamov.ru/research/104/8.html>

^[45] <https://shalamov.ru/research/36/>

^[46] Исследование выполняется при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00389).

^[47] *Рейтблат А. И.* Некролог как биографический жанр // Рейтблат А. И. Писать поперек. Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М.: НЛЮ, 2014. С. 343–392; *Баран Хенрик.* Р. О. Якобсон и жанр некролога // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2016. № 1. С. 4–17; *Строганова Е. Н.* Н. Д. Хвощинская: портрет писательницы в некрологах // Русская литература. 2016. № 3. С. 182–188.

^[48] См., например, утверждение Н. В. Картаусовой о том, что в ее статье «дано новое определение некрологу как своеобразной форме литературного портрета» (*Картаусова Н. В.* Некролог как своеобразная форма литературного портрета // Ценности и смыслы. 2010. № 6. С. 90), тогда как одной из разновидностей литературного портрета некролог был назван в более ранней статье Б. И. Колмакова (*Колмаков Б. И.* Жанр литературного портрета в газете «Волжский вестник» // Критика и ее исследователь: Сборник, посвященный памяти профессора В. Н. Коновалова (1938–1998). – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2003 [URL: <http://old.kpfu.ru/fil/kn4/index.php?sod=18>] [24.02.2017].

^[49] См.: *Вацууро В. Э.* Из неизданных откликов на смерть Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. 1976. Л.: Наука, 1979. С. 46–64; *Строганов М. В.* Смерть Пушкина в стихах его современников // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1989. С. 87–101; *Ипатова С. А.* Посмертные отклики о Тургеневе в газете А. С. Суворина «Новое время» (Сентябрь 1883) // И. С. Тургенев. Новые материалы и исследования. Вып. 3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 527–588; *Строганова Е. Н., Симора М. В.* Стихотворные отклики на смерть Ф. М. Достоевского // О прозе. О поэзии. О славе. Сборник научных статей. Псков: Псковск. гос. ун-т, 2015. С. 54–69; *Строганова Е. Н., Строганов М. В., Равинский Д. К.* Стихотворные отклики современников на смерть М. Е. Салтыкова [Электронный ресурс] // Культура и текст: сетевой научный журнал. Барнаул: АлтГПА, 2015. № 4 (22). – (Щедринский сборник. Вып. 4: Статьи. Публикации. Материалы энциклопедии. С. 154–202).

^[50] Памяти М. Е. Салтыкова. 1826–1889 // Новости и Биржевая газета. 1889. 2 мая. № 119. С. 1–2.

^[51] Давыдов Ю.Н. «Дух мировой тогда осел в эстетике». Интервью // «Труд и искусство. Избранные сочинения». М. 2008.

^[52] Герчук Юрий. “Кровоизлияние в МОСХ”, или Хрущев в Манеже. М., “Новое литературное обозрение”, 2008.

^[53] Кузнецов А.Н. (1903-1974) – парт. и гос. деятель, первый зам. министра культуры Е.А. Фурцевой (1960-1974), проводник жесткой линии, в т. ч. и по отношению к Институту истории искусств, с 1961 г. переведенного из системы Академии наук в Министерство культуры.

^[54] Батракова С.П. Нина Александровна Дмитриева//Н.А. Дмитриева «В поисках гармонии. Искусствоведческие работы разных лет»/ Ред-сост. С. Ф. Членова. М., 2009. С. 7.

^[55] Щербакова Т.Н. Архаика и время // Актуальные проблемы изучения архаики: Материалы теоретического семинара «Теория и методология архаики» 1996–2012 гг. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С.24.

^[56] Топоров В.Н. Мировое древо: Универсальные знаковые комплексы. Т. 1-2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010.

^[57] Иванов С.А. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 380-381.

^[58] Панченко А.М. Парадоксы русской истории. СПб., 2012. С.358.

^[59] Цит. по. Шемякина О.Д. Разрыв преемственности в русской культурной традиции: опыт диалог // Общественные науки и современность. 2011, № 1. С. 115-116.

^[60] 2009 : Гонкуровская премия, 2011 – Премия Медичи, 2015 – две премии за травелог «Berezina» (Prix de la page 112 и Prix des Hussards).